

Институт российской истории Российской академии наук

А. В. ШУМКИН

**Тюрки Центрального Кавказа
в XVI–XVIII веках
(проблемы этнической истории)**

Челябинск
ЧГИК
2019

УДК 39
ББК 63.51
Ш96

Рецензенты:
доктор исторических наук *В. В. Трепавлов*;
доктор исторических наук *И. В. Зайцев*

Ответственный редактор
А. Е. Криштопа

Ш96 **Шумкин, А. В.**

Тюрки Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках
(проблемы этнической истории) / А. В. Шумкин. – Челя-
бинск : ЧГИК, 2019. – 163 с.
ISBN 978-5-94839-705-4

Исследование А. В. Шумкина посвящено одному из наиболее загадочных сюжетов истории народов России – выяснению происхождения и ранней истории тюркских обществ Центрального Кавказа. Автор начинает своё исследование с обзора формирования историографии проблемы, показывая, каким образом постепенно накапливались знания о тюркских обществах и складывалась основа для научного осмысления этой информации. Основную часть исследования составляет рассмотрение и, насколько позволяют немногие доступные источники, восстановление исторических корней правящих фамилий центрально-кавказских аристократических кланов, а вместе с ними и соответствующих этнических сообществ. Анализ генеалогий знатных фамилий сопровождается сопоставлением содержащихся в них сведений с достоверно известными историческими персонажами и событиями.

ISBN 978-5-94839-705-4

© Шумкин А. В., 2019
© Чебинский государственный
институт культуры, 2019

Содержание

Введение	5
Глава I. Тюркские общества Центрального Кавказа в исторической науке	7
§ 1. Историография изучения тюркских обществ Центрального Кавказа	7
§ 2. Тюркские этнонимы Северного Кавказа	18
Глава II. Тюрки Северного Кавказа (общий взгляд)	34
§ 1. Характеристика социально-правовых отношений в тюркских обществах Северного Кавказа	34
§ 2. Землевладельческие фратрии горских обществ	47
§ 3. Жанровые особенности генеалогических легенд тюрков Северного Кавказа	52
Глава III. Карачаевское общество в XVI–XVII веках	62
§ 1. Мифы и реальность в преданиях о князе Карача	62
§ 2. Карачаевское общество в Пятигорье	71
§ 3. Миграция карачаевцев в верховья Кубани	77
Глава IV. Малкарское общество в XVII–XVIII веках	84
§ 1. Вмешательство Малкарского общества в борьбу за княжеский престол в Кабарде в первой половине XVII века	84
§ 2. Малкар на пути между Москвой и Кутаиси во второй половине XVII века	89
§ 3. Малкарское общество и кабардинские «партии» в XVIII веке	93
Глава V. Чегемское общество в XVII–XVIII веках	100
§ 1. Миграция низовых черкесов в Чегемское общество во второй трети XVII века	100
§ 2. Контакты Чегема с шамхалатом и Кабардой в последней трети XVII века	105
§ 3. Борьба между чегемскими княжескими фамилиями Малкаруковых и Рачикауовых в начале XVIII века	109

Глава VI. Безенгиевское общество в XVII веке	121
§ 1. Баксанук Гиляуханов и борьба за власть в уделе Тлостановых в начале XVII века	121
Заключение	129
Приложения	131
Генеалогия рода князя Карача	131
Генеалогия рода Крымшамхаловых	132
Генеалогия фратрии Будиянов	133
Реконструкция генеалогии Басиат	134
Генеалогия рода Анфако	135
Генеалогия рода Гиляухановых	136
Сравнительная схема сословной стратификации Кавказа	137
Библиографический список	138
Список сокращений	146
Указатель географических названий и этнонимов	147
Указатель имён.....	153
Тюркские общества Центрального Кавказа в XVI – XVIII вв. (<i>карта</i>).....	162

Введение

Эльбрус, высочайшая вершина Кавказа, является естественным рубежом, разделяющим его центральную и западную части, бассейны р. Терек и Кубани. Этническая история этих двух регионов с начала XVI вплоть до второй трети XIX вв. развивалась в значительной степени обособленно друг от друга. Территория Западного Кавказа была почти целиком занята различными адыго-абхазскими этнополитическими образованиями. Расположенное в верховьях Кубани Карачаевское сельское общество образовало среди них отдельный островок оседлого тюркоязычного населения. Разумеется, в Закубанье дислоцировались и некоторые кочевья ногайцев, которые включали тюркские племенные общины, эмигрировавшие во второй половине XVI – первой половине XVII в. из Заволжья. Однако ногайцы до начала XX в. сохраняли кочевые традиции, принесённые ими из-за Волги, как этнографически, так и лингвистически довольно сильно отличаясь от карачаевцев и обитателей целого ряда других тюркоязычных сельских обществ, занимавших ущелья Центрального Кавказа.

В центральной части Кавказа адыго-абхазское население занимало равнину и предгорья, в то время как в долинах горных рек сосредоточились тюркские (Малкар, Чегем, Холам, Безенги, Баксан) и осетинские сельские общины. Уровень политической консолидации горцев, как правило, был ограничен пределами ущелий, в которых располагались их селения. Их изоляция друг от друга была обусловлена тем, что равнину Предкавказья, через которую проходили коммуникации между ними, контролировали кабардинцы. Поэтому в регионе Центрального Кавказа адыгское княжество Кабарда выступало естественным политическим и культурным гегемоном. В публикациях автора уже аргументировалась точка зрения, согласно которой тюркоязычное население горских обществ

сформировалось из остатков кочевых племён Большой Орды, владевшей этим регионом вплоть до 1502 г. [Шумкин, 2010, с. 35, 43; Шумкин, 2016, с. 713–714]. Большеордынские татары были к началу XVI в. уже довольно тесно связаны с Кавказом. Поэтому в их среде распространение традиционных кавказских форм ведения оседлого хозяйства не встретило тех препятствий, с которыми оно столкнулось впоследствии в племенных общинах ногайцев. Однако в целом проблемы этнического размежевания ландшафтно-географических зон центральной части Кавказа, возникновения и становления горских обществ, а также их взаимоотношений с Кабардой до сих пор вызывают среди современных исследователей много вопросов. К сожалению, отсутствие документальных данных о политической истории этого региона в первой половине XVI в. значительно затрудняет разработку этих проблем.

Очевидно, давно назрела необходимость предметно рассмотреть весь комплекс проблем, связанных как с историей отдельных тюркоязычных сельских обществ, так и с общими для них формами социального уклада, во многом обусловленными характером их взаимоотношений с кабардинцами. Следует отметить, что до сих пор в научной литературе, связанной с тюркскими обществами, господствовал в основном описательный подход. Особое место среди посвящённых им современных изданий принадлежит некоторым работам Ю.Н. Асанова. Он предпринял довольно серьёзную попытку разобрать часть проблем, касающихся их истории, используя интересные аналитические решения [Асанов, 1996, с. 1–125]. На страницах данной книги автор предлагает вниманию читателя обзор истории тюркоязычных сельских обществ на протяжении второй половины XVI – первой половины XVIII вв.

Пользуюсь возможностью, чтобы выразить глубокую признательность В.В. Трепавлову, И.В. Зайцеву, А.Е. Криштопе, Л.С. Гатаговой, Д.Я. Рахяеву и Т.С. Карацеву за помощь, оказанную в работе над книгой, а также приношу благодарность Р.М. Бегеулову, Н.Б. Гербекову, Ю.М. Идрисову, Р. Иоселиани, Р.Т. Хатуеву, Н.В. Чиплаковой за предоставленные ими материалы.

Глава I

ТЮРКСКИЕ ОБЩЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

§ 1. Историография изучения тюркских обществ Центрального Кавказа

В 1635 г. крымское войско выступило в поход на Центральный Кавказ. Вскоре в Посольский Приказ Московского государства поступили сведения о том, что крымцы разбили лагерь в карачаевском обществе, которое до тех самых пор ни разу не привлекало внимания канцелярий великих держав [Каракетов, 2010, с. 27, 34]. Несколько лет спустя, в 1639–1640 гг. чиновникам Посольского Приказа удалось вступить в непосредственные сношения с карачаевскими князьями, выполнявшими тогда обязанности дипломатических представителей верховного князя Кабарды Алегуко Шауге-нукова (1624–1654 гг.) в Мегрелии [Посольство, 1887, с. 302, 304–305, 309–310, 312–313, 318, 334, 336, 339, 341, 374].

Обратил внимание на карачаевских посланников черкесского князя и находившийся в 1633–1650 гг. в Мегрелии католический миссионер Арканджело Ламберти [АБКИЕА, 1974, с. 58]. В 1654 г. в Неаполе было опубликовано составленное им описание Мегрелии, именно благодаря которому первые известия о карачаевцах проникли в Европу. Интерес Ламберти привлёк тюркский язык карачаевцев, с которым у него ассоциировались представления о них как об особом народе. «Меня очень удивило, что карачаевцы среди стольких варварских языков, на которых говорят окружающие их народы, могли так чисто сохранить тюркский язык, – размышлял он, заинтригованный проблемой их происхождения, – но когда я вычитал из Кедрина, что как раз с северной стороны Кавказа вы-

шли гунны, от которых происходят турки, то догадался, что эти карачаевцы – то колено гуннов, от которых выделились турки, и что по этой причине они до сих пор сохранили свой древний язык» [АБКИЕА, 1974, с. 60].

Хотя самому Ламберти удалось затронуть лишь вопрос преемственности между кочевым объединением гуннов и первым Тюркским каганатом, поднятый им в свете указаний византийских авторов, своими размышлениями он впервые привлек внимание учёных к теме генезиса тюркоязычных обществ Центрального Кавказа. Разумеется, А. Ламберти не знал, что карачаевское общество было основано не так давно дедом знакомых ему посланников кабардинского князя. Однако в дальнейшем попытка связать историю Карачая с событиями времён великого переселения народов фактически спровоцировала возникновение разнообразных взаимоисключающих теорий о появлении основателей тюркских обществ на Кавказе и последующем этническом становлении жителей.

Предметное знакомство европейцев с тюркскими обществами Центрального Кавказа состоялось в XVIII веке. К тому времени в Европе были известны лишь отрывочные сведения о Карачае, переданные А. Ламберти [АБКИЕА, 1974, с. 107, 118]. Впрочем, другое общество – малкарское, было знакомо дьякам Посольского Приказа по эпизодическим донесениям, первое из которых Москва получила ещё в 1629 г. [КРО, 2006, с. 205, 212, 213]. В 1709 г. до лютеранского пастора Бальтазара Франка дошли известия о существовании третьего горского общества – Чегема. Однако, руководствуясь созвучием названий этого объединения сельских общин и Чехии, он истолковал его через призму традиционной церковной силлогистики как свидетельство поселения на Кавказе христианской секты чешских братьев [Дитц, 1997, с. 434, 451]. Наконец, в соглашении, заключённом между Крымским ханством и Кабардой, вместе с Малкаром и Чегемом были упомянуты дотоле неизвестные сельские общества Безенги и Холам [Этюды, 2007, с. 395].

Если делопроизводителей Посольского Приказа этнография горцев мало интересовала, то среди авторов XVIII в. её специфика вызвала раскол во мнениях. К. Главани, В.М. Бакунин и В. Багратиони не только включили общество Малкар в состав Осетии, но и указали на распространение в этом горном районе как осетинского, так и «татарского» языков [Главани, 1893, с. 155; Ма-

териалы, 2007, с. 95–96; Багратиони, 1904, с. 141, 150; Шумкин, 2010, с. 37–40, 43]. Подобная точка зрения, казалось бы, подтвердилась после того, как в марте 1787 г. малкарские феодалы вступили в прямой контакт с наместником Кавказа П.С. Потёмкиным [Лавров, 2009а, с. 393; Бебегулов, 2009, с. 46–47]. В связи с их визитом, один из сотрудников российской военной администрации на Кавказе, С.А. Тучков сделал заключение, что «язык сего народа имеет некоторое сходство с осетинским» [Кавказская, 2002, с. 244].

Такие взгляды, однако, не разделяли немецкие учёные Г. Шобер, И.А. Гильденштедт, Я. Рейнеггс, П.С. Паллас, И.Г. Георги и польский историк Я. Потоцкий. Они придерживались мнения о чисто тюркском или татарском происхождении жителей Малкара и остальных горских обществ [Лавров, 2009а, с. 384–385; Георги, 2007, с. 169; Reineggs, 1807, p. 291, 299, 338; Pallas, 1812, p. 426–431; Potocki, 1829, p. 122, 151–153]. Наиболее значительный среди них вклад в историографию проблемы внёс И.А. Гильденштедт. Систематизируя горские народности по языковой принадлежности, для удобства изложения этнографического материала он объединил жителей всех тюркских обществ (к которым добавилось основанное при его жизни Баксанское) в один народ, как он считал, «безусловно, татарского происхождения, и всё ещё их язык является ногайским диалектом татарского». Однако отсутствие общего самоназвания вынудило его дать им произвольное обозначение Басиани (фамилия главного княжеского клана общества Малкар) [Гильденштедт, 2002, с. 224, 226]. Не располагая данными по истории горских обществ, Гильденштедт всё-таки посчитал необходимым вступить в полемику с Б. Франком. Поскольку предполагаемая связь между Чегемом и Чехией представлялась Гильденштедту невероятной, он попытался отождествить чегемцев с джиками грузинских источников (у европейских авторов цихи), считая, что название карачаевского общества представляет собой искаженный этноним «Кара Джики» [Гильденштедт, 2002, с. 225–226].

В начале XIX в. немецкому ориенталисту Г.Ю. Клапроту удалось с помощью армянского торговца добыть подробные этнографические сведения о горских обществах [Клапрот, 2008, с. 163–164]. Поскольку Клапроту было известно, что вплоть до времен Г. Интериано этноним *зихи* в лексиконе европейцев служил обозначением черкесов, он сразу опроверг предположения о связи с

ними Чегема и Карачая [Там же, с. 160]. Зато представления Гильденштедта о жителях горских обществ как о едином народе он принял почти безоговорочно [Там же, с. 160–161]. В связи с этим пристальное внимание Клапрота привлекла генеалогическая легенда княжеской фамилии Басиани, имеющей маджарское происхождение, в которой он увидел общее этногенетическое предание тюрков Центрального Кавказа. Найдя упоминание города Маджар в *Тарих-и Дербенд-наме*, он соотнёс эту легенду со временами арабо-хазарских войн [Дербенд-наме, 2007, с. 103; Клапрот, 2008, с. 97, 160–161, 164]. Таким образом, именно Клапрот первым начал изучение генеалогических преданий тюрков Северного Кавказа. Впрочем, несмотря на широкие перспективы основанного им направления фольклористики, оно первоначально оформилось в виде повторения в печати его же точки зрения по поводу хазарских корней горских обществ [Бларамберг, 2010, с. 288, 300; Макаров, 2009, с. 5; Пфаф, 1871, с. 18–19; Миллер, 2008, с. 839, 852–853, 863; Ковалевский, 2006, с. 167, 170, 173; Далгат, 2009, с. 8; Ланге, 2009, с. 41; Тульчинский, 2009, с. 14; Лайпанов, 1957, с. 9].

Основы другого научного направления, сосредоточенного на лингвистических исследованиях языка горцев, были заложены в передовом для своего времени историко-этнографическом описании Кавказа, составленном современником Клапрота, директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи С.М. Броневским. Поскольку о горских обществах было известно по-прежнему немного, автор попытался восполнить недостаток фактических данных по их истории, применив научное новшество – принципы зародившегося в годы его жизни сравнительно-исторического языкознания. Для этого он использовал предложенную Гильденштедтом первую научную классификацию языков тюркских народов Кавказа [Гильденштедт, 2002, с. 253]. Основывая свои соображения на догадке Гильденштедта об употреблении горцами ногайского наречия, Броневский сделал вывод, что карачаевцы, чегемцы и малкарцы выделились из Ногайской Орды [Гильденштедт, 2002, с. 224; Броневский, 2004, с. 196–197]. С учётом же того, что они сменили исконную тюркскую племенную номенклатуру «названиями урочищ», неизвестными старым российским летописям и архивам, он считал несомненным возникновение их поселений в горах перед покорением Иваном Грозным

Астрахани [Броневский, 2004, с. 197]. После издания книги С.М. Броневского в отечественной литературе получило широкое распространение мнение, согласно которому тюрки Кавказа являются потомками монголов, татар или ногайцев [Швецов В., 2010, с. 9, 50; Балкария I, 2005, с. 8; Этюды, 2007, с. 31; Племена, 2011, с. 100, 260–261; Фадеев, 2007, 159; Исторический, 2008, с. 116–118; Адаты, 2010, с. 163–164; СМОМПК, 1891, ч. 1, с. 4; Тепцов, 1892, с. 162–163, 196–197; Сысоев, 2009, с. 93].

Однако всего год спустя Г.Ю. Клапроту удалось обнаружить в библиотеке венецианского собора святого Марка рукопись Антонио де Финале, которой он приписал куманское происхождение [Klaproth, 1828, p. 113–121]. Когда же после выхода публикации Г. Кууна в 1880 г. выяснилось, что вторая часть этого кодекса содержит прототип языка горских обществ, результаты исследований С.М. Броневского были поставлены под сомнение. Впрочем, ещё до появления работ по генеалогической классификации тюркских языков было озвучено предположение о происхождении жителей горских обществ от куман [Koch, 1842, S. 328].

Между тем, начатые Г.Ю. Клапротом фольклорные исследования продолжил венгерский учёный Я.К. Бешше. В ходе Эльбрусской экспедиции Академии наук 1829 г. он не только сделал более качественную запись привлёкшего внимание его предшественника маджарского предания, но и зафиксировал генеалогическую легенду карачаевских князей. Однако, в противоположность немецким учёным Бешше, как и некоторые авторы XVIII в., противопоставил тюркоязычным карачаевцам жителей остальных горских обществ, которые, как он считал, использовали в обиходе дигорский язык [АБКИЕА, 1974, с. 330–333].

На протяжении XIX в. нашёлся только один автор, высказавший солидарность с Я.К. Бешше. В.В. Швецов отнёс карачаевцев к «потомкам монгольских татар», считая жителей остальных горских обществ, как и дигорцев, «племенами ассов», или осетин [Швецов В., 2010, с. 50–51]. Впрочем, подобное мнение уже в первой трети XIX в. представляло собой анахронизм, так как даже начальник Кабарды И.В. Швецов (брат первого автора) в те годы проводил чёткую грань между горскими обществами «татар» и «асетин»-дигорцев [Швецов И., 2010, с. 45, 47, 49].

В годы, когда ход военных действий на Кавказе достиг высшего накала, научный интерес к тюркским обществам временно ослаб. Но после окончания войны и учреждения в горах российской администрации, официальным изучением истории горских обществ занялась Сословная комиссия. Доступные данные позволили членам комиссии выразить мнение, что население малкарского общества образовалось из двух элементов. Его основа, как они считали, сложилась из аборигенов-осетин, к которым позднее переселились большеордынские татары, «быть может, составлявшие обломки мамаевской орды, которая после Куликовского разгрома частью ушла в Крым, а частью – в юго-восточные степи России» [Сборник, 2003, с. 96; Кудашев, 1990, с. 236]. Что же касается карачаевцев, то их генеалогические предания были тщательно собраны Н.Г. Петрусевичем и представлены комиссии в виде образцового историко-этнографического очерка [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109–119об.; д. 23, л. 50–86]. В результате ознакомления с этим очерком у российских чиновников сложилось впечатление, что карачаевское общество было основано выходцами из Турции [Сборник, 2003, с. 139, 209].

Развитие инфраструктуры сделало горские общества доступными для научных экспедиций, чем не преминули воспользоваться крупнейшие российские учёные В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский. Тюркские общества их интересовали, прежде всего, с точки зрения сохранившегося осетинского субстрата, поэтому их генезису в своём творчестве они отводили второстепенную роль, ограничившись обзором уже существующих гипотез [Миллер, 1992, с. 610–611; 2008, с. 838–840, 843, 849–854, 856–857, 863, 876; Ковалевский, 2006, с. 138, 140, 154, 167–168, 173–187, 191–195]. Признавая авторитет Клапрота, они высказали мнение о значительном вкладе хазар в историю Кавказа. Напротив, влияние, оказанное на Кавказ татарами и монголами, им представлялось «весьма ничтожным» [Миллер, 1992, с. 557–564, 595–596; 2008, с. 852, 863; Ковалевский, 2006, с. 166–170, 173, 211, 223, 226] (только в дальнейшем археологические открытия XX в. продемонстрировали диаметрально противоположную ситуацию) [Флёров, 2005, с. 312–346]. В связи с этим они считали, что «тюркское население в Карачае – на верхней Кубани и по рекам Баксану, Чегему, Черему» ещё до монгольских

завоеваний вытеснило ясов и касогов и сменило «в этих местах древнее осетинское население» [Миллер, 1992, с. 509; 2008, с. 937].

Появление лингвистической концепции они встретили скептически, заключив, что «смена народных названий в исторических источниках» несущественна, и гунны, болгары и половцы XII в. говорили «на том же языке, как и современный карачаевец, и отличались от последнего лишь диалектически» [Балкария III, 2006, с. 77–78]. Видимо не считая возможным совсем проигнорировать данные лингвистики, Миллер и Ковалевский всё-таки предположили, что в результате монгольского завоевания и бегства куманов на Кавказ сложилась народность кумыков (последняя мысль была продиктована своеобразной интерпретацией сочинения Ибн ал-Асира) [Миллер, 2008, с. 937; Ковалевский, 2006, с. 211]. Но после того, как им удалось заполучить сразу две редакции генеалогической легенды малкарских князей, они обнаружили, что время действия маджарского предания о происхождении Басиат и Баделиат горцы соотносили с правлением Джанибек-хана. Только тогда они предложили датировать возникновение обществ монгольской эпохой [Миллер, 2008, с. 853; Балкария III, 2006, с. 78, 87, 93].

Дело своего отца продолжил Б.В. Миллер, который внес свой вклад в этнографические исследования Карачая, предпринятые А.Н. Дьячковым-Тарасовым и В.М. Сысоевым [Миллер, 2009, с. 7, 11–17]. Изначально его коллеги пытались реконструировать обстоятельства, при которых было основано карачаевское общество, руководствуясь взглядами С.М. Броневского [Сысоев, 2009, с. 92–93]. Однако добытый в ходе экспедиций фольклорно-генеалогический материал, в котором Н.Г. Петрусеви́ч видел указания на турецкое происхождение карачаевцев, как будто бы свидетельствовал об их крымских корнях [Миллер, 2009, с. 7, 11, 13–14; Сысоев, 2009, с. 92; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13; 2009б, с. 34]. Сами они старались придерживаться метода исторической критики генеалогических преданий [Сысоев, 2009, с. 93; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 20]. Но нашлись авторы, которые усматривали в собранных ими произведениях фольклора свидетельство появления карачаевцев на Кавказе в результате походов крымских татар в Кабарду в XVI в. [Карачай, 2011, с. 379; Кавказ, 2008, с. 113; Потто, 2007, т. 5, с. 290; Пфаф, 1871, с. 95; СМОМПК, 1891, ч. 1, с. 4; Линден, 1916, с. 261].

После создания Северо-Кавказского краевого горского НИИ А.Н. Дьячков-Тарасов курировал в нём вопросы этнографии карачаевцев. К тому времени он лучше ознакомился с основанной на открытии Клапрота лингвистической теорией и поэтому внёс коррективы в свою позицию. В 1920-х гг. публикации Дьячкова-Тарасова и его товарищей стали основным источником материала по истории Карачаевского общества [Алиев, 1927, с. 34–45; Воронцов-Вельяминов, 2008, с. 15–17, 50].

Впрочем, дальнейшего развития его начинания не получили, так как после установления советской власти направление работы отечественного научного сообщества стало определяться линией партийной идеологии. Своим главным научным союзником руководители советского государства выбрали известного кавказоведа Н.Я. Марра, автора теории существования макросемьи иберийско-кавказских языков. Помимо прочего Н.Я. Марр поставил перед собой задачу доказать близкое родство «яфетических» языков, как он сам их назвал, с другими языковыми семьями. Поскольку применённые методы сравнительно-исторического языкознания не подтвердили такую гипотезу, он попытался найти им альтернативу, приняв на вооружение в утрированном виде некоторые мысли, высказанные немецким лингвистом Х. Шухардтом, такие как концепция «языкового смешения». Благодаря поддержке партии идеи Марра получили признание среди отечественных специалистов в качестве «нового учения о языке», заменившего традиционные научные методы.

Марр считал, что в центральной части Кавказа обитало «яфетическое» население, в результате «языкового смешения» утратившее родную речь [Марр, 1933, с. 305; Марр, 1937, с. 196–197, 200; Марр, 1935, с. 445]. Принимая во внимание обширный осетинский субстрат, ранее обнаруженный в тюркских обществах, его последователи предполагали, что кавказский язык был там сначала заменён осетинским, в свою очередь частично вытесненным тюркским [Кокиев, 2005, с. 219–222]. Так как новая теория априори отодвигала тюркские корни горских обществ на второй план, исследования, которые могли показать наличие в них самобытной истории стали ненужны. Научная литература о карачаевцах и малкарцах в основном приобрела компилятивный характер. Кроме того, главным источником исторических сведений о них был фольклор,

быстро забытый благодаря смене социального уклада и депортации в Среднюю Азию, последовавшей в годы Второй мировой войны.

В 1950 г. И.В. Сталин осудил «яфетическую теорию», которая с этого момента утратила доминирующие позиции в отечественной науке. Это вызвало отдельные попытки реанимировать дореволюционные научные концепции. Например, П.Г. Акритас считал, что тюркские общества были основаны в результате агрессии Османской империи, воспользовавшейся в XVI в. междоусобицей черкесских князей, чтобы колонизировать горные ущелья семьями крымских татар [Акритас, 1954, с. 210–214].

Однако в целом проблема этногенеза горцев в те годы была мало знакома отечественным учёным, и, чтобы выработать в отношении неё официальную позицию, сразу после реабилитации карачаевцев и балкарцев, в 1959 г. Кабардино-Балкарским НИИ была организована специальная научная сессия. Несмотря на то, что «новое учение о языке» к тому времени идеологически обанкротилось, компетентных работ по затронутой на конференции проблематике так и не появилось, и большинство её участников остались последователями Н.Я. Марра [МНС, 1960, с. 37, 106–107, 226–231, 269–275, 281, 284–285, 295, 331–333]. Подтверждение его теории они искали в географическом сочинении Абу-л-Фида, в котором аланы были названы народом «тюркской» расы. Ради солидарности с общим мнением даже П.Г. Акритас отказался от предложенной им ранее концепции [МНС, 1960, с. 276–279]. Тем оригинальнее на общем фоне выделялась позиция Х.А. Поркшеяна, пытавшегося найти в хронике крымского автора Хачатура Кафаеци указания на миграцию крымцев в Черкесию в 1639 г. [МНС, 1960, с. 156, 173–185].

Попытку обосновать лингвистическую теорию, используя сочинения Ибн ал-Асира и Абу-л-Гази, предпринял Л.И. Лавров. Он считал, что горские общества были основаны бежавшими от монголов в горы кыпчаками-куманами [Лавров, 2009а, с. 168, 238–239, 264–266, 373, 381–382]. Правда, со времён Г.Ю. Клапрота в историографии утвердилась точка зрения, что тюрки были вытеснены с равнины в горы Центрального Кавказа адыгами [Клапрот, 2008, с. 160]. Но Л.И. Лавров попытался найти компромисс в географических указаниях, приведённых в русских летописях в связи с описанием обстоятельств смерти князя Михаила Ярославовича

Тверского. Как ему казалось, в 1319 г. русские летописи уже помещали поселения черкесов у Татартупа, что дало ему основание датировать миграцию кабардинцев в Пятигорье эпохой монгольских завоеваний [Лавров, 2009а, с. 169–170].

Не совсем довольны итогами конференции оказались некоторые из репатриантов, которые в те годы пытались обосновать целесообразность принятого руководством страны решения вернуть их прежние земли. Им представлялось, что аморфная яфетическая теория отрицала исконный характер тюркского населения на Центральном Кавказе. Поэтому участвовавший в сессии У.Б. Алиев, не порывая полностью с взглядами Н.Я. Марра, попробовал слегка их модернизировать. Не отказываясь от мнения сторонников Марра, утверждавших, что тюркское население этого района происходило из числа северокавказских алан, он предложил считать последних тюркоязычными [МНС, 1960, с. 250–252]. Отрицая иранское происхождение алан, обоснованное в работах Г.Ю. Клапрота, В.Ф. Миллера и В.И. Абаева, Алиев не ставил перед собой задачу оппонировать этим учёным, так как его гипотеза была по существу вольной народной переработкой официальной позиции, занятой советскими научными работниками. Среди авторов-краеведов она, однако, нашла много сторонников, позиция которых была наиболее подробно высказана на конференции «Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа», проведенной в 2014 г. [Карачаевцы, 2014, с. 29–36].

Итак, первые научные теории генезиса тюркских обществ появились в начале XIX в. в связи с внедрением в практику кавказоведения двух различных методик. Основная заслуга в зачинании как фольклорных, так и лингвистических исследований принадлежала Г.Ю. Клапроту. К сожалению, набор фольклорных сюжетов, которыми владел Клапрот, был ограничен, и в горских легендах ни он, ни его преемники не опознали широко распространённых татарских преданий. Сам он пытался найти их истоки в эпическом сочинении *Дербенд-наме*, и, в конце концов, связал маджарское предание с эпохой арабо-хазарских войн. Он даже пренебрёг тем, что подобная концепция противоречила его собственным исследованиям материалов нумизматики и эпиграфики, доказавшим принадлежность города Маджар к более поздней золотоордынской культуре [Клапрот, 2008, с. 91–99; Дербенд-наме, 2007, с. 103].

Теория происхождения тюрков Центрального Кавказа, базирующаяся на методах сравнительно-исторического языкознания, была по большей части основана на публикации Клапрота, посвящённой рукописи Антонио де Финале [Шумкин, 2016, с. 699–715]. Впрочем, его сторонники пытались найти ей подтверждение в курьёзной интерпретации неясных мест из произведений восточных авторов. Среди них сообщение Ибн ал-Асира о попытке кыпчаков укрыться от отряда Субэзтая за болотами Сиваша, в крымских горах рядом с Судаком, а также известия Абу-л-Гази о кыпчаках XVII в., которые большей частью влились в состав иштяков-башкир и ногайцев, кочевавших на Кавказе, «в юрте Черкесов и Туманов» [ЗОИ, 2003, с. 26; Абу-л-Гази, 1958, с. 44].

Благодаря неразработанности проблем истории горских обществ в рамках традиционных научных концепций, в XX в. их позиции были потеснены методами альтернативной науки, применявшимися сторонниками «нового учения о языке». Поскольку основные концептуальные положения яфетической гипотезы, строго говоря, не имели доказательств, её сторонники прибегли к тенденциозному истолкованию традиции арабской географической литературы причислять алан к «тюркской» расе. Впрочем, авторы-неориенталисты едва ли могли предполагать, что в мировоззрении средневековых арабских и персидских писателей определение «тюркской расы» охватывало не только тюркоязычные, но и все остальные северные народы, населявшие «седьмой климат» [Калинина, 2007, с. 183–191]. Чуть позже яфетическая теория легла в основу гипотезы о тюркоязычности алан, которая оформилась благодаря попыткам использовать для разработки исторических проблем уже чисто народные приёмы.

Предложенная И.А. Гильденштедтом схема изложения этнографического материала невольно вызвала тенденцию считать жителей горских обществ особым тюркоязычным народом. Ориентированные на этот тезис попытки экстраполировать события местной истории на все общества не совсем корректны, поскольку тюрки Центрального Кавказа не достигли соответствующей степени консолидации. Объединение малкарского, чегемского, безенгиевского, холамского и баксанского обществ в рамках Горского участка Кабардинского округа Терской области осенью 1866 г. было по сути дела началом их интеграции. Благодаря дальнейшим рефор-

мам советской власти жители Горского участка образовали титульную нацию «балкарцев» (кабардинское произношение названия Малкар, принадлежавшего самому густонаселённому из горских обществ). Поскольку территория Карачаевского общества была выделена в Эльбрусский округ Кубанской области, то из-за своей административно-географической обособленности оно не было вовлечено в интеграционный процесс, и его жители составили отдельную титульную нацию карачаевцев.

Среди попыток подобной экстраполяции следует особо остановиться на постулате «нового учения о языке», предполагавшем осетинские корни населения всех тюркских обществ. Подобные представления в основном восходят к реалиям Малкарского общества, где, действительно, не так давно был распространён дигорский диалект осетинского языка, оказавший осязаемое влияние и на фонетику тюркской речи малкарцев. Возможно, осетинский язык долго сохранялся в среде многочисленного сословия *джасакчи*, члены которого были выходцами из числа осетин. Однако такое сословие существовало не во всех тюркских обществах.

§ 2. Тюркские этнонимы Северного Кавказа

С вопросами историографии тесно соприкасаются проблемы современной тюркской этнонимии Центрального Кавказа, которая в основном генетически связана с политонимами XVI–XIX вв., и отчасти же – с употреблявшейся в ту эпоху географической номенклатурой. Политонимы (обозначения подданства) использовались горцами вместо обычных тюркских этнонимов и соотносились с объединениями сельских общин, основной формой политической консолидации в горах. Как отдельные сельские общества, так и их объединения тюрки называли термином *эль*, первоначально обозначавшим племенную общину кочевников [Этюды, 2007, с. 143; Кудашев, 1990, с. 237]. Некоторые такие горские общества носили название главного селения (Малкар, Холам, Безенги). Другие именовались по горной долине, в которой находились (Чегем, Баксан). Поскольку общества в то же время были феодальными доменами различных княжеских кланов, в качестве их наименования также могла использоваться фамилия владельцев (Карачай).

Границы в горах обычно определялись ландшафтом, поэтому те из сельских общин, которые располагались в пределах одной горной долины, как правило, входили в состав одного политического объединения. Например, верховья Кубани занимал Карачай, Черема – Малкар, Чегема и Баксана – одноименные общества. Особняком стояло ущелье Кичи-Черема, в верхней части которого расположилось общество Безенги, а в нижней – Холам. Первые документальные свидетельства их существования восходят к середине XVIII в., когда они представляли собой два отдельных селения. Во второй половине XVIII в. такой же небольшой сельской общиной было баксанское общество, основанное выходцами из Безенги.

Между прочим, название безенгиевского общества образовано от осетинского имени Бедзенаг, которое носит один из главных героев нартского эпоса. В этой связи можно высказать предположение, что селение Безенги первоначально возникло как родовой посёлок осетин, так как для тюркской ономастики Центрального Кавказа был более привычен адыгский эквивалент этого имени – Бедене (это обусловлено тем, что тюркская версия нартского эпоса восходит к кабардинской традиции) [Этюды, 2007, с. 33, 50–52].

Однако те политонимы, связь которых с названием горной долины или селения была достаточно очевидна, никогда не вызывали научных споров, в отличие от наименований двух крупнейших обществ – Малкар и Карачай. В сущности, дискуссия вокруг этих двух названий была спровоцирована Г.Ю. Клапротом, который был склонен считать их своего рода гидронимами. Всё началось с того, что, основываясь на неточности в тексте сочинения И.А. Гильденштедта, где река Малка была названа Малкар, он сделал вывод, что малкарцы были выходцами с её берегов [Гильденштедт, 2002, с. 49; Клапрот, 2008, с. 161]. Поскольку научный авторитет Клапрота был довольно весомым, многие авторы вслед за ним допустили подобную точку зрения [Бронеvский, 2004, с. 196; Бларамберг, 2010, с. 300; Koch, 1842, s. 328; Балкария I, 2005, с. 58; Далгат, 2009, с. 8; Карачай, 2011, с. 379; Кокиев, 2005, с. 217; Лайпанов, 1957, с. 8; МНС, 1960, с. 184, 245, 298; Лавров, 2009а, с. 375]. При этом исследователями был совсем упущен тот факт, что форму *Малкар* невозможно образовать доступными морфологическими средствами от названия р. Малка, которое в тюркском

оригинале звучит как Балык-Су — «рыбья вода» [Лавров, 2009а, с. 380].

Ещё за десятилетие до Г.Ю. Клапрота П.С. Паллас зафиксировал легенду об основании общества Малкар, объяснявшую и его название: «Чегемцы и Балкарцы, иногда именуемые Малкарцами, также называются Бассианами в честь своего вождя, имя которого было Бассиан. Они утверждают, что согласно преданию, их общими предками были смешавшиеся между собой Булгадары и Греки, к которым позже присоединились Кумыки, Нагайцы и Калмыки» [Pallas, 1812, с. 427]. Поскольку, однако, Паллас не уточнил, какой народ скрывается под этнонимом «булгадар», то при переводе его сочинения на русский язык отечественные исследователи воспользовались некоторой неопределённостью текста и превратили их в болгар [Бронеvский, 2004, с. 197]. Опираясь на этот перевод, П.Г. Бутков озвучил предположение о связи общества с болгарами [Бутков, 1822, с. 190]. Тюркское происхождение средневековых болгар в глазах последующих исследователей очень удачно вписалось в эту теорию.

Главным сторонником этой гипотезы стал В.Ф. Миллер, который и предпринял попытку дать ей научное обоснование. Он обратил внимание учёных на то, что в раннем средневековье болгары обитали на Кубани [Миллер, 2008, с. 839–840, 852; Миллер, 1992, с. 601–602; Ковалевский, 2006, с. 173; Далгат, 2009, с. 8; Караулов, 2009, с. 42; Ланге, 2009, с. 40–41]. Однако среди тюркологов, для которых невозможность языковой преемственности между древними болгарами (предками чувашей) и малкарцами была очевидна, эта гипотеза не нашла сторонников. Зато последователи Н.Я. Марра, отказавшиеся от методов сравнительно-исторического языкознания, охотно восприняли её. Так тезис о болгарских корнях тюрков центрального Кавказа фактически превратился в составную часть яфетической теории [Кокиев, 2005, с. 217]. С реставрацией её сторонников на научной сессии 1959 г. он был растиражирован в печати [МНС, 1960, с. 38–54, 58, 60–62, 298].

Само послужившее источником гипотезы предание, схематически знакомое П.С. Палласу, более не привлекало внимания её сторонников, несмотря на то, что на рубеже XIX–XX вв. появились три его подробные записи [Миллер, 2008, с. 839–840, 852–853, 863; Ковалевский, 2006, с. 173; Балкария III, 2006, с. 93–94, 98, 123;

Этюды, 2007, с. 141–143]. Согласно этой легенде, ущелье р. Черек первоначально было заселено горским племенем *сауты*. Впоследствии в ущелье появилась сельская община мегрелов (малкарцев), будущее селение Улу-Малкар [Pallas, 1812, р. 430; Клапрот, 2008, с. 181–183; Бларамберг, 2010, с. 305]. Вскоре после её основания в урочище Кашка-Тау, располагавшемся при выезде из ущелья на равнину, поселился Мысака, который бежал с кумыкской плоскости от гнева князей Таймазовых. Мысака покори́л *сауты* и подчинил сельскую общину мегрелов, после чего пригласил в основанное им Малкарское общество Басиата, матерью которого была дочь Стамбульского *падишаха* (многие переводчики видели в нём греческого императора).

Но, несмотря на то, что в в малкарцах, Басиате и Мысаке легко можно узнать булгардар, греков и кумыков Палласа, история образования Малкарским обществом своего названия оставалась скрытой от российских исследователей в проблемах перевода. Сначала В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский, благодаря своей неискушённости в местной этнонимике, зафиксировали народную этимологию, объяснявшую название общества через искажённое кабардинское произношение *Балкар* [Миллер, 2008, с. 839, 852]. Позже Н.Н. Харузин заменил в своей записи предания мегрелов сванами [Балкария III, 2006, с. 93, 123].

Только один из авторов, публиковавших эту легенду, М.К. Абаев, был знаком со значением слова *малкар* (местное название мегрелов), но и он по конъюнктурным соображениям оставил его без перевода. Поскольку в годы его жизни российская администрация приступила к разрешению вопроса землевладения в горах, основная публицистика Абаева была ориентирована на отстаивание земельных прав высшего сословия, к которому он принадлежал. Это обстоятельство, видимо, вызвало в нём опасения касательно того, что факт недавнего присутствия в ущелье Череха сельской общины христиан-мегрелов мог быть использован чиновниками, чтобы поставить под сомнение правовое положение высшего класса. И поэтому в свою бытность старшиной общества он уничтожил даже изображения крестов на стенах принадлежавшей Абаевым башни в селении Кюнньюм, которые обычно истолковывались как признак её строительства христианами-грузинами [Динник, 2009, с. 13; Балкария III, 2006, с. 67, 89, 120].

В связи с этим М.К. Абаев преподнес этноним *малкар* как личное имя героя легенды, а чтобы предупредить возможные сомнения его читателей, представил в своей статье широко известное этническое обозначение *малкар эбзе* тюркским названием населения имеретинского округа Рача, граничащего с Малкарским обществом [Этюды, 2007, с. 142, 147]. Эта мистификация ускользнула от внимания современников, несмотря на неоднократное употребление этнонима *малкар* в дореволюционной печати в качестве горского наименования мегрелов [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 7, 14; Сысоев, 2009, с. 92; Караулов, 2009, с. 43; ЦГА РСФСР-А, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 64об., 77об.]. При одинаковом письменном отображении в арабской графике искажённое тюркское название мегрелов могло произноситься звонко или глухо, но после перевода горского языка на латинский алфавит, вскоре заменённый кириллицей, было закреплено написание *малгар*. В то же время за названием селения Улу-Малкар, «Большие Мегрелы» сохранилась старая орфография.

Пока наименование Малкар исследователи стремились истолковать через неверное прочтение сочинений Гильденшtedта и Палласа, название Карачай они пытались объяснить, выдвигая различные народные этимологии. Исходя из его устного произношения, Г.Ю. Клапрот попробовал буквально перевести слово Карачай с огузского тюрки как «чёрная речушка» [Клапрот, 2008, с. 164]. Уже Э. Спенсер безоговорочно принял предложенную Клапротом этимологию и сам сделал умозаключение, что «чёрная речушка» тождественна речке Кара-Су (по непонятным причинам давшей своё имя карачаевцам) [Спенсер, 2008, с. 213]. Подобная точка зрения до сих пор пользуется популярностью [Бларамберг, 2010, с. 288; Племена, 2011, с. 260; Миллер, 2009, с. 13; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13; Сысоев, 2009, с. 92; Карачай, 2011, с. 376; Алиев, 1927, с. 34; Воронцов-Вельяминов, 2008, с. 15; Фасмер, 1986, с. 194; МНС, 1960, с. 180].

Впрочем, были и другие попытки этимологизации названия «Карачай». Так, П.Г. Бутков попытался отождествить его с горным проходом Хорузон, упомянутым Менандром Протектором, но учёные редко обращались к этой гипотезе после того, как было доказано, что византийский автор подразумевал Дербент или Дарьял [Бутков, 1822, с. 190; Кокиев, 2005, с. 218]. А.Н. Дьячков-Тарасов записал народную этимологию, объяснявшую это название упо-

треблением карачаевцами «кавказской черники», дающей вместо обычного красного чая чёрный [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13; Сысоев, 2009, с. 92; Карачай, 2011, с. 376; Алиев, 1927, с. 34–35].

Традиционная версия, связанная с тюркским именем Карача – «черноватый», которое носил первый князь карачаевцев, наиболее подробно была изложена в статье Б. Чеккуева [Чеккуев, 1899; Клапрот, 2008, с. 164; Бларамберг, 2010, с. 288; АБКИЕА, 1974, с. 330; ЦГА РСФСР-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 111; Тепцов, 1892, с. 92; Сысоев, 2009, с. 92; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 7, 13–14; Миллер, 2009, с. 13; Карачай, 2011, с. 376; Алиев, 1927, с. 34; Воронцов-Вельяминов, 2008, с. 15]. В её пользу говорит то, что в статейном списке Ф. Елчина название «Корочаева Кабарда» упомянуто в одном ряду с кабардинскими феодальными доменами, носившими имена своих князей-владельцев, такими, как Алегукина, Хопукина и Ылдарева Кабарда [Посольство, 1887, с. 317–318, 339]. Следует отметить, что тюркское имя Карача, или Карачай в XVI–XX вв. действительно было широко распространено¹. Возможно, оно употреблялось в качестве календарного имени, так как название Карача у тюрков носил последний осенний месяц («черноватый», в противовес месяцу Сарыча «желтоватому»). В современном карачаево-балкарском языке используется адаптированный вариант произношения этого имени – Карча.

Практика употребления княжеской фамилии в качестве названия общества была в горах практически повседневной. Например, Малкару присваивалось наименование Басиат, Холаму – Шакман, Баксану – Урусбий [Гильденштедт, 2002, с. 224–226; Георги, 2007, с. 169; Reineggs, 1807, р. 291; Pallas, 1812, р. 427; Клапрот, 2008, с. 160–162, 179–181, 183; Бларамберг, 2010, с. 300, 305, 307; Броневский, 2004, с. 196; АБКИЕА, 1974, с. 220, 330–331, 336]. В частности, последний политоним связан с именем старшего сына безенгиевского князя Суюнча Баксанукова, который добился раздела с братьями отцовских земель. Это, по-видимому, спровоцировало конфликт между остальными Суншевыми и внуком Уру-

¹ Именно значительной популярностью этого имени объясняется попытка турецкого исследователя Ф. Кырзыоглу связать с карачаевским обществом личность Карачая б. Урака, брата первого бия Малой Ногайской Орды Гази б. Урака [Kırzioğlu, 1993, с. 312].

сбия Чепелеу, который около 1743 г. основал в селении Усхур отдельное общество¹.

Однако вскоре Чепелеу был вынужден продать владения своего деда и сначала переселился к родственникам по материнской линии в Чегем, а затем, получив разрешение от кабардинских князей, с двумя семьями *узденей* основал селение Камык в долине реки Баксан [Этюды, 2007, с. 145, 296, 298, 309, 343; Балкария I, 2005, с. 37; Балкария III, 2006, с. 10, 13, 18; Балкария IV, 2007, с. 65; Балкария V, 2007, с. 52; Тепцов, 1892, с. 133]. Под именем этой сельской общины урусбиевцы первоначально были известны как камыкцы. Когда число селений возросло, общество стали именовать Баксанским. Из-за смены местоположения название общества часто менялось – Усхур, Камык, Баксан – и большей популярностью пользовалось наименование в честь основателя удела князя Урусбия.

Локализация Карачаевского общества была ещё более устойчивой. Первоначально оно занимало берега Архыза, но под давлением абазин переместилось в долину Баксана, откуда в XVII в. карачаевцы перебрались сначала в Эль-Таркач и Боргустан, а затем в верховья Кубани. Возможно, первоначально в качестве названия Карачаевского общества также употреблялось имя горной долины, в которой оно располагалось. Во всяком случае, В.Я. Тепцов называл первые поколения карачаевских Крымшамхаловых «баксанскими князьями» [Тепцов, 1892, с. 93]. Но из-за постоянных перемещений за обществом сохранилось лишь имя главной княжеской фамилии.

Правда, род князя Карача ко времени перехода общества под власть Российской империи в 1828 г. распался на несколько фамилий и давно уступил первенство роду Крымшамхаловых. А в следующем году Я.К. Бешше даже записал от местных жителей сообщение об «угасании» рода Карачая [АБКИЕА, 1974, с. 330; Миллер, 2009, с. 15]. Впрочем, эта информация не соответствовала действительности, так как вместе с валием И. Крымшамхаловым капитуляцию перед российской военной администрацией в 1828 г. под-

¹ В.М. Бакунин назвал селение Усхур «волостью Хусырь», а в последние годы XIX в. там был обнаружен документ, упоминающий сына Чепелеу – Исмаила Урусбиева [Материалы, 2007, с. 95; Тульчинский, 2009, с. 19; Лавров, 2009а, с. 256, 258, 336, 386, 522].

писали восемь потомков Карача, носившие фамилии Дудовых, Карабашевых и Коджаковых [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 18–19; Сысоев, 2009, с. 99]. Вероятно, сведения Бешше носили конъюнктурный характер, также как и знакомый впоследствии Н.Г. Петрусевичу фиктивный рассказ о пресечении потомства одного из сыновей князя Карача [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 114; д. 23, л. 53об., 76об.]. По каким-то причинам представители рода его сына Джантугана и в самом деле не принимали участия в подписании условий капитуляции.

После образования в январе 1921 г. Балкарского округа Горской АССР, в состав которого были интегрированы все пять обществ бывшего Горского участка Кабардинского округа, среди его жителей началось формирование единых представлений об идентичности. Утвердившееся с этих пор в русскоязычной литературе в качестве объединяющего их этнонима название самого крупного общества для самих тюрков не могло играть такой роли. Зато этой задаче идеально соответствовал охватывавший население всех пяти горских обществ термин *таулы* – «горец», на который ещё в XIX в. обратили внимание исследователи [Балкария I, 2005, с. 57–58; Племена, 2011, с. 261; Караулов, 2009, с. 41; Каяев, 2006, с. 311; Кокиев, 2005, с. 217; Лавров, 2009а, с. 367]. Происхождение этого термина связано с принятой тюркскими народами в XVI в. географической номенклатурой Кавказа, хорошо известной по материалам российских, турецких и персидских источников.

Вплоть до XVI в. Северный Кавказ находился под владычеством Золотой Орды и её преемников. Но после завоевания Москвой Астрахани старое административное деление навсегда отошло в прошлое, а большая часть входившего прежде в сферу ордынской власти Кавказа была занята адыго-абхазскими племенами. Их земли тюрки называли «Черкесстаном» – «страной черкесов» (тюркское название адыгов) [Челеби, 1979, с. 52, 56–57, 95]. В противовес Черкесстану территориям между Каспием и Эльбрусом, где обитали остальные племена Кавказа, они дали имя «Дагестан» – «горная страна» [РЧО, 1997, с. 182; Челеби, 1979, с. 52, 57, 95, 103; Бартольд, 2002, с. 408]. На русский язык название «Дагестан» обычно переводили словосочетанием «горская земля», а жителей этого региона именовали «горскими людьми» или «мужиками» [РЧО, 1997, с. 13, 15, 41, 46, 63, 66, 74, 93, 96, 97, 124, 126, 127, 143, 163, 178,

185, 200; КРО, 2006, с. 165, 167, 169, 172, 173, 212, 610; Гильденштедт, 2002, с. 228].

В соответствии с делением Кавказа на два региона, его феодалы в бюрократической переписке титуловались черкесскими и дагестанскими *беками* и *мирзами*. В русском языке последней фразе соответствовал оборот «горские князья и мурзы» или «владельцы» [РЧО, 1997, с. 16, 21, 22, 71, 74, 108, 125, 149, 178, 204, 233; КРО, 2006, с. 100, 102, 164, 165, 184, 189, 212, 231, 250, 268–270, 274, 391, 422, 436, 522, 540, 569, 570; Переписка, 1861, с. 68]. Впрочем, это фразеологическое обозначение населения Кавказа было настолько устойчивым, что иногда чиновники Посольского Приказа сокращали его и писали просто «горские черкасы» [РЧО, 1997, с. 204, 220; КРО, 2006, с. 109, 110, 132, 253, 343, 422, 515, 583; Переписка, 1861, с. 68].

Уровень политической консолидации многонационального Центрального и Восточного Кавказа, как правило, был ограничен пределами горных долин, в которых располагались его сельские общества и феодальные домены. Их изоляция друг от друга была обусловлена тем, что над большей частью равнины Предкавказья господствовали черкесы. Только прикаспийский Дагестан вместе с прилегающей к нему плоскостью попал под контроль лакских правителей-*шамхалов*, обитавших в Гази-Кумуке. Гегемонии они добились благодаря покровительству персидских шахов, взяв на себя обязанности их наместников в Дагестане (*валиев*). Поэтому в письменных источниках лакцы обычно дифференцировались от остальных жителей Дагестана, будучи известны персам как *лезги*, а тюркам как *кумуки* [История, 1958, с. 101–110; Бартольд, 2002, с. 410–411]. В связи с этим «кумукские беки и мирзы» в официальной переписке часто выделялись из числа дагестанских феодалов [Переписка, 1861, с. 57, 70].

Разумеется, на Северном Кавказе закрепившееся в персидской бюрократической номенклатуре название «Дагестан» произносилось иначе. Его татарские эквиваленты звучали как «Тау», «Таустан» или «Таулистан» [История, 1958, с. 111, 113; Клапрот, 2008, с. 28–29; Броневский, 2004, с. 220, 368; Переписка, 1861, с. XXIII–XXIV, XXVIII, 45; РЧО, 1997, с. 182; Челеби, 1979, с. 82, 92–93, 95–100, 114, 126; Дагестанские, 1993, с. 20, 34, 58; Дербендаме, 2007, с. 42, 52, 81–82]. В западной части этого региона, охва-

тившей территории проживания вайнахов, осетин и тюрков, персидской администрации никогда не было, и поэтому употреблялись исключительно татарские эквиваленты этого названия¹. Впрочем, во второй половине XIX в. этот географический термин сохранился лишь в титуле «дагестанский бек», в татарском произношении *таубий*. Его использовали князья пяти тюркских обществ и иногда осетинские феодалы [Миллер, 2008, с. 866; Этюды, 2007, с. 141, 158; Сборник, 2003, с. 32, 83–84, 95–97, 102, 108, 233, 296, 326, 331, 333].

Принятый российскими исследователями за этноним термин *таулы* самими тюрками употреблялся в значении «житель Таустана» [История, 1958, с. 65, 68, 71, 110–113, 123; Бутков, 1822, с. 189; КРО, 2007, с. 66, 98, 361, 367; Гильденштедт, 2002, с. 40, 228, 387, 404; Георги, 2007, с. 162; Клапрот, 2008, с. 28–29; Броневский, 2004, с. 220, 368; Устройство, 1992, с. 43, 45; Криминалистика, 1992, с. 12; Потто, 2007, т. 1, с. 44, 115; т. 2, с. 56, 141, 144; Каюев, 2006, с. 311; Племена, 2011, с. 261; Этюды, 2007, с. 241]. Первоначально он использовался для противопоставления любых горных и равнинных народов Кавказа и, как правило, имел эквиваленты в местных языках. Например, аварцы применяли для обозначения горцев слово *маарулал*, вайнахи – *ламур*. Вследствие деления территорий обитания, как тех, так и других на целый ряд политических образований, в их среде эти ландшафтно-географические термины также стали заменой объединяющих этнонимов [Клапрот, 2008, с. 277; Далгат, 2008, с. 42; Потто, 2007, т. 2, с. 141; Аварские, 1992, с. 4–5; Племена, 2011, с. 274].

Впрочем, геополитическая ситуация, при которой тюрки Центрального Кавказа причислили себя к горцам, сложилась сравнительно недавно. Ещё на рубеже XIX–XX вв. в малкарских генеа-

¹ Эту территорию Эвлия Челеби объединял с уделом кабардинских князей Тлостановых, фамилию которых (Таусултановы) ошибочно истолковал как титул «султан Таустана», а не личную патронимию [Челеби, 1979, с. 97]. Подобным же образом в грамоте Посольского Приказа Таусултановы названы «черкесами холмогорцами» [Переписка, 1861, с. XXIII]. Однако записки Эвлия Челеби об этнографии жителей Таустана скорее изображают горную местность между Кабардой и Грузией: «Во все времена они поддерживали связь с грузинским народом, и потому особенности их говоров свидетельствуют о связях с языками грузинским, персидским и кумыкским» [Челеби, 1979, с. 98].

логических преданиях *таулы* – коренные осетиноязычные жители Черекского ущелья – противопоставлялись предкам местных феодалов, выходцам с равнины [Миллер, 2008, с. 852-853; Балкария III, 2006, с. 93; Этюды, 2007, с. 142]. В восточной части Кавказа тюркоязычные кумыки до недавних пор чётко отделяли себя от *таулы* – жителей первоначального Дагестана. Ведь даже попав под гегемонию горцев-лакцев, потомки тюменских татар оставались традиционными равнинными жителями. Поэтому после того, как они приняли в качестве политонима название главного селения лакцев Кумука, занятая ими равнина между реками Кой-Су, Сулак и Терек обычно выделялась в отдельную область под названием «Кумык-стан»¹ [Челеби, 1979, с. 57, 104; Гильденштедт, 2002, с. 243, 254–256; Броневский, 2004, с. 187–188, 190, 203, 220-221]. Горцы со своей стороны обычно называли тюркоязычных кумыков «жителями долин».

В аналогичном контексте употреблялся термин *таулы* в Казанском ханстве, служа обозначением жителей его Горной стороны (правобережья Волги, в основном населённого мордвой) [Башкирские, 2002, с. 101, 379, 380]. В.И. Далю слово *тавлинец* было знакомо в значении «бродяга, беглец» [Даль, 1994, с. 708]. Таким образом, помимо ландшафтно-географической концепции с этим термином был связан образ чужака, обусловленный тем, что с горцами ассоциировался чуждый для тюркских народов образ жизни. В связи с этим, его употребление тюркоязычным населением Центрального Кавказа в качестве самоназвания было достаточно необычным явлением. Тем не менее, покинувшие равнину степняки стали считаться «тавлинцами» как только поселились на территории Таустана. Карачаевцы, прожив некоторое время в Баксанском ущелье, вскоре вернулись на плоскость, а затем перебрались в горы, лежащие на запад от Эльбруса, за пределы умозрительной границы Таустана, а потому более не могли считаться «тавлинцами».

¹ Н.Г. Волкова считала, что в ногайском лексиконе слово *таулы* могло служить обозначением кумыка. Поскольку в действительности тавлинцы всегда противопоставлялись тюркоязычным кумыкам, очевидно, что она просто столкнулась с употреблением слова *кумык* в значении «житель Гази-Кумука» (лакец) [Этюды, 2007, с. 121, 131, 148; Сысоев, 2009, с. 81, 83, 85, 90; Карачай, 2011, с. 386].

Адыгским эквивалентом термина *таулы* было слово *куцхэ* [Гильденштедт, 2002, с. 234; Георги, 2007, с. 167; Клапрот, 2008, с. 25, 30, 163-164, 179, 181, 232; Бларамберг, 2010, с. 200, 288, 300, 306; Сборник, 2003, с. 96; Этюды, 2007, с. 147; Балкария I, 2005, с. 8; Черкесы, 1991, с. 305; Алиев, 1927, с. 136]. Однако со временем термину *куцхэ* адыги стали придавать более узкое значение «осетин» [Ногмов, 1994, с. 160; Балкария V, 2007, с. 7, 14-15; Балкария III, 2006, с. 6-7, 12-14, 18, 21; Осетинские, 1992, с. 37; Сборник, 2003, с. 96; Кудашев, 1990, с. 236]. Если же речь шла о тюркских обществах, принято было уточнять, что имеются в виду *татар куцхэ*, т.е. «татарские горцы»¹ (правда это разграничение проводили не всегда) [Клапрот, 2008, с. 163; Бларамберг, 2010, с. 300]. Этот двойной этноним послужил источником русского термина «горские татары», употреблявшегося в дореволюционной печати [Миллер, 1992, с. 505, 507-508, 589; Миллер, 2008, с. 838-840, 843, 849-850, 852, 862, 864-866, 868, 875; Ковалевский, 2006, с. 174, 180, 185; Балкария I, 2005, с. 37-39, 43-45, 47, 51-52, 54; Балкария III, 2006, с. 85-87; Балкария V, 2007, с. 46, 48, 50, 55, 78-80; Миллер, 2009, с. 3; Тепцов, 1892, с. 61-62; Баранов, 2009, с. 16, 20, 31; Племена, 2011, с. 260-262; Карачай, 2011, с. 374, 379-380, 388, 395].

Противопоставляя себе горцев, адыги подразумевали свой равнинный, как и у тюрков, образ жизни [Хан-Гирей, 2008, с. 81-82, 182]. И.А. Гильденштедт и И.Г. Георги, правда, пытались включить в число тавлинцев и черкесов, что вызвало обоснованное возражение А. Сев. – редактора первого русского перевода труда Гильденштедта [Гильденштедт, 2002, с. 228, 404; Георги, 2007, с. 162]. Чёткое противопоставление тавлинцев и черкесов прослеживается и в памятниках фольклора. Например, в тюркской редакции *гыбзы* княгини Гошагаг, героиня, завидев на равнине всадников, задаётся вопросом – горцы ли это или кабардинцы [Карачай, 2011, с. 311]. Только черкесские племена абадзехов и агучипсов в отличие от остальных адыгов обитали в горах [Хан-Гирей, 2008, с. 183, 237; Черкесы, 1991, с. 318]. Однако, поскольку термин *ку-*

¹ Намёки на ордынское происхождение неоднократно встречаются и в фольклоре самих горцев [Миллер, 2008, с. 853; Балкария III, 2006, с. 93; Миллер, 2009, с. 11, 13-14; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13; Сысоев, 2009, с. 92; Карачай, 2011, с. 376; Стеблинский, 2009, с. 37; Чекуев, 1899].

ицхэ, подобно тюркскому *таулы*, обозначал инородцев, абадзехи и агучипсы среди адыгов были известны под более нейтральным названием *абадзе* (оно, скорее всего, указывает на первоначально убыхское или абхазское происхождение этих племён) [Хан-Гирей, 2008, с. 264; Черкесы, 1991, с. 308; Балкария III, 2006, с. 17].

Тюркам, разумеется, было хорошо известно разделение адыгов на жителей равнин и горцев, которых они соответственно именовали белыми и черными зихами или черкесами [Галонифонтибус, 1979, с. 16–17; Лавров, 2009а, с. 321]. К концу XVIII в. агучипсы заселили черноморское побережье почти до Кубани, поэтому термин *карачеркес* стал использоваться как общее турецкое название приморских адыгов [Тунманн, 1991, с. 64]. Кстати, эта цветовая символика также применялась в персидском Дагестане, где горный Кайтаг по-тюркски именовался «чёрным», а равнинный – «белым» (впоследствии наименование Чёрного было перенесено на нижний Кайтаг) [Potocki, 1829, p. 129].

Перебравшись в верховья Кубани, карачаевцы поселились в пределах Черкессстана. По имеющейся информации с этих пор турки и грузины начали называть карачаевцев *карачеркесами* или *караджиками* [АБКИЕА, 1974, с. 60; Гильденштедт, 2002, с. 225]. Это обозначение, ещё меньше подходившее тюркоязычным карачаевцам, чем название тавлинцев, было продиктовано тем, что их новое место проживания находилось в горной части Черкесии. Вдобавок к этому случайная частичная омофония обусловила возникновение народной этимологии, пытавшейся объяснить происхождение названия карачаевского общества усечением словосочетания *кара черкес* или *кара джик*.

Впрочем, следует принять во внимание, что не только действующая географическая номенклатура, но и старое ордынское административное деление Кавказа оставило свой след в тюркской этнонимике. До монгольских завоеваний большая часть Северного Кавказа была занята раннеклассовым государством асов или алан. Создавая собственную администрацию, монголы руководствовались существовавшими ранее этнополитическими границами. Поэтому центральная и восточная части Кавказа вошли в состав золотоордынского *вилаета* «страна Ас», центр которого при Токтагухане разместился в городе Маджар, а после его разрушения чагатайцами был перенесён в Джулат [ал-Карши, 2005, с. 120; ЗОИ,

2003, с. 106, 169, 310, 363, 394; Шильтбергер, 1867, с. 31, 56]. Западная часть Кавказа, лежащая за реками Лабой и Кубанью, вошла в состав *вилаета* Черкес, с центром в Азаке. В русских летописях того времени Кавказ в соответствии с его административным делением именовался «горами яскими и черкасскими» [ПСРЛ, 2000а, с. 184]. Однако, после того как в связи с падением Большой Орды в 1502 г. район Пятигорья в течение первой трети XVI в. был занят кабардинцами, сведения как о *вилаете* Ас, так и о самих аланах почти полностью исчезли из письменных источников. Рассмотрим один связанный с этими событиями фольклорный сюжет XVI в.

В 1532 г. астраханский царевич Аккубек отправился в Кабарду искать поддержки в борьбе за ханский престол у её верховного князя Бийарслана Джанхотова, и с его помощью захватил Астрахань. В 1546 г. тем же способом взойшёл на престол другой хан, Ямгурчи [Зайцев, 2006, с. 115–117, 139; Хан-Гирей, 2008, с. 188; Кабардинский, 2000, с. 292–294, 297]. Эти события оригинальным образом отразились в произведении среднеазиатского историка середины XVI в. Утемиш-хаджи. Повествуя о вступлении на ханский престол Узбека в 1312 г. Утемиш-хаджи дополнил полузабытые события далёкого прошлого актуальными реалиями современности. Поэтому в его сочинении возведение хана на престол предваряется вымышленной историей пребывания Узбека в Черкесском вилаете. Причём осуществляется интронизация с помощью двух беков, кыята Астая и седжеута Алатая, которые вместо имен носят монгольские обозначения племенной принадлежности, указывающие на их происхождение из среды асов и алан [Утемиш-хаджи, 1992, с. 102–103; Мустакимов, 2009, с. 276–279]. Характерная особенность предания заключается в том, что асы и аланы уже не играют в нём роли реально существующего народа. Оно лишь содержит намёк на подмену татарскими беками личности Бийарслана Джанхотова, который начал своё верховное княжение с захвата территории бывшей «страны Ас». Следы более ранней редакции этого сюжета, согласно которой Узбек бежал в Кабарду к Иналбеку (прадеду Бийарслана Джанхотова), сохранились в сочинении автора XVIII в. Абд ал-Гаффара Кырыми [Мустакимов, 2009, с. 278].

Первоначально распространение на Кавказе этнонимов алан было обусловлено расширением границ их государства. Горцы-

вайнахи в отличие от степняков-алан жили родовым строем. Об отсутствии в их среде сколько-нибудь значительных центров политической консолидации, видимо, свидетельствует экзоэтноним *дурдзуки*, под которым они первоначально были знакомы своим соседям, судя по всему ландшафтно-географический термин из языка алан [Багратиони, 1904, с. 151]. После монгольского завоевания аланские этнонимы сохранялись благодаря золотоордынской административно-территориальной номенклатуре. Падение режима ордынской власти привело к вытеснению алан и части большеордынских татар кабардинцами в горы. Расселившись по изолированным ущельям, они уже ничем не выделялись из массы разнотрибных горцев. Поэтому в разрозненных тюркских, осетинских и вайнахских обществах этноним алан продолжал употребляться только как полузабытое название тавлинцев¹ [Стеблинский, 2009, с. 32; Кокиев, 2005, с. 221; Алиев, 1927, с. 41].

Этноним *ас* имел более узкое употребление, но в тюркских обществах также сохранился в числе наименований человека-горца. До недавнего времени он использовался осетинами как одно из названий малкарского общества [Клапрот, 2008, с. 163; Бламберг, 2010, с. 300; Шёгрэн, 2002, с. 221; Миллер, 2008, с. 838, 840, 843; Миллер, 1992, с. 166, 505–506, 509; Балкария III, 2006, с. 86; Этюды, 2007, с. 147]. Несколько лучше он был знаком южным соседям горцев грузинам, сохранившим географическую номенклатуру средневековья, в которой Осети – «страной асов» – именовалась вся область к востоку от Эльбруса (пять тюркских обществ лежали в пределах её границ) [Багратиони, 1904, с. 138; Балкария III, 2006, с. 87].

Однако аланская этнонимика была известна и за пределами Таустана, так как *вилает Ас* охватывал более обширную территорию. Грузины сохраняли название Аланети – «страна алан» – за областью между Эльбрусом и верховьем р. Зеленчук, причисляя к аланам любых горцев, проживавших в её границах [АБКИЕА, 1974, с. 59; Багратиони, 1904, с. 237; Гильденштедт, 2002, с. 200;

¹ Такие выражения как осетинское *аллон-биллон*, чечено-ингушское *алла-белла*, мегрельское *алани-малани* демонстрируют, что термин алан стал восприниматься как некое смутное обозначение, смысл которого понимали с трудом. Тюркское словосочетание *ас-бус* построено по той же схеме.

Reineggs, 1807, с. 333-334; Potocki, 1829, с. 146–149; Торнау, 2008, с. 267; Миллер, 1992, с. 611–614; Племена, 2011, с. 265; Карачай, 2011, с. 377–379; Кокиев, 2005, с. 221]. Основным её населением были абазины (*азега* или *медовеи*). Но после окончания Кавказской войны абазины выселились в Турцию, и принадлежавшая им ранее долина р. Теберда была занята карачаевцами [Миллер, 2009, с. 4]. После этого в Грузии термин алан стал употребляться в основном для обозначения карачаевцев [Балкария III, 2006, с. 18; Цагарели, 1880, с. 72; Кипшидзе, 1914, с. 193].

До сих пор самой ёмкой характеристикой специфики политонимии, применявшейся горцами вместо исконной тюркской племенной номенклатуры, являлось замечание С.М. Броневского, что «малкары, чегемы и карачаевцы переменили прежния свои названия, приняв настоящия по урочищам» [Броневский, 2004, с. 197]. Сегодня к сделанным им выводам можно добавить немного. В связи с низким уровнем политической консолидации тюркоязычных обитателей Центрального Кавказа этноним татар, который по инерции продолжали с ними связывать черкесы, для самих горцев утратил всякую актуальность. Для жителей горских обществ заменой общей этнонимии мог служить лишь географический термин *таулы* («таустанец»), либо же аланские этнонимы, бытовавшие в виде пережитка старого золотоордынского административно-территориального деления Кавказа. Сравнительно более высокого уровня консолидации достигли неограниченные рамками горных ущелий потомки тюменских татар, носившие в качестве общего политонима имя своей новой столицы Кумука.

Глава II

ТЮРКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ОБЩИЙ ВЗГЛЯД)

§ 1. Характеристика социально-правовых отношений в тюркских обществах Северного Кавказа

Поселившись в горных ущельях Центрального Кавказа, большеордынские татары вынуждены были отказаться от кочевого образа жизни. На смену ему пришли формы оседлого социального уклада, заимствованные у кабардинцев, под гегемонию которых попали жители горских обществ. Прощание с кочевыми порядками прошло для большеордынских татар тем проще, что не повлекло за собой коренной смены присущего им феодального уклада. Для сравнения следует указать на то, что аланы, которые также были вытеснены кабардинцами в горы, находились на более ранней ступени социально-экономического развития, и среди горских обществ Осетии только располагавшаяся в непосредственном соседстве с тюрками Дигория полностью усвоила практиковавшееся кабардинцами ленное право и основанное на нём иерархичное социальное устройство. Впрочем, первоначально социальная стратификация горцев сильно отличалась от кабардинской, поэтому можно легко определить основные источники обычного права тюркских обществ.

Ярко выраженная сословная иерархия Кабарды и других адыгских княжеств и обществ сложилась под влиянием грузино-абхазских классовых отношений. Лестницу сеньерий возглавляли феодалы, именовавшиеся адыгами *пше*. Осетины называли их *ал-дарами*, а тюрки – *беками* или *биями* [Клапрот, 2008, с. 166, 208; Бларамберг, 2010, с. 146, 290; Броневский, 2004, с. 160; Этюды, 2007, с. 258]. Термин *бий* распространялся на всех членов благо-

родного сословия, которых отличали как от простого народа, так и от крымских царевичей-чингизидов, носивших более высокий титул *султан* [Сборник, 2003, с. 63, 135, 143–145, 163, 212]. Кроме того, тюрками употреблялось обобщённое наименование княжеского сословия *ак-сюек*, т.е. «белая кость, аристократы» [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 112; Сборник, 2003, с. 143; Тульчинский, 2009, с. 16].

Механическое заимствование горцами кабардинских порядков было обусловлено вассальными отношениями, связывавшими их с Кабардой. Поэтому обычное право всё-таки не устанавливало полного равенства между адыгскими и горскими князьями, а вместо этого даровало последним статус, соответствовавший сословию *кодз* и *деженуго*, занимавшим вторую ступень в адыгском феодальном обществе [Миллер, 2008, с. 865–866; Ковалевский, 2006, 229–230; Этюды, 2007, с. 257–258; Сборник, 2003, с. 28, 33, 79, 86, 95, 97, 101–104, 143, 163, 177, 203, 211–212, 252; Кудашев, 1990, с. 253–254; Привилегированные, 1992, с. 7, 10; Балкария III, 2006, с. 10–11, 13, 18; Балкария IV, 2007, с. 65; Балкария V, 2007, с. 55–56; Тульчинский, 2009, с. 16; Макаров, 2009, с. 5]. Правда, такой статус давал горскому *бию* полномочия близкие к тем, которыми обладал *пше*. Например, убив кабардинского князя, он мог откупиться от кровной мести, в то время как простой *уздень*, осмелившийся на такой поступок, истреблялся вместе с мужскими членами своей семьи, причём их жены и дети поступали в рабство к наследникам убитого [Этюды, 2007, с. 318; Сборник, 2003, с. 25; Кудашев, 1990, с. 147; Привилегированные, 1992, с. 2–3; Адаты, 2010, с. 153]. Зато установленный для *биев* размер композиций (цена крови и калым), служивший в Кабарде и горских обществах показателем социального ранга, не превышал норм, принятых среди кабардинских *кодзов* и *деженуго* [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 113; д. 23, л. 50–50об.; Клапрот, 2008, с. 173; Бларамберг, 2010, с. 296; Ковалевский, 2006, с. 190, 192; 230; Миллер, 2008, с. 866; Сборник, 2003, с. 101, 141, 209; Кудашев, 1990, с. 246; Адаты, 2010, с. 164–165; Карачай, 2011, с. 176–177; Привилегированные, 1992, с. 7; Балкария I, 2005, с. 54; Балкария V, 2007, с. 57, 59; Тульчинский, 2009, с. 58; Сысоев, 2009, с. 36–37].

Старшего из *биев*, управлявшего сельским обществом, именовали на арабский манер *валием*¹. Юридические вопросы решались *валием* с помощью посреднических судов, которые именовались по-тюркски *торе*². Впрочем, судоговорение, хотя и находилось преимущественно в руках *биев*, не было личной прерогативой *валия* [Миллер, 2008, с. 866–867; Ковалевский, 1995, т. 2, с. 220; Ковалевский, 2006, с. 231; Этюды, 2007, с. 119, 144, 304; Кудашев, 1990, с. 241, 247; Сборник, 2003, с. 97, 102, 140, 142, 209; Балкария I, 2005, с. 49; Балкария V, 2007, с. 78]. Зато только он мог влиять на исполнение судебных постановлений через находившихся в его распоряжении княжеских крепостных, в Большой Кабарде носивших особое название *беслен-пишль*, а у тюрков именовавшихся *бегулами* [Этюды, 2007, с. 144; Миллер, 2008, с. 867; Балкария V, 2007, с. 20]. Для решения административных вопросов *валий* созывал хозяев каждого двора *узденей* в сельский сход, носивший осетинское название *нагиш* [Балкария V, 2007, с. 13–14; Миллер, 2008, с. 866].

Обладая верховным правом землевладения, *бии* жаловали *бенефиции* лично свободным вассалам-*нёгерам*³, под условием несения ими военной службы и ренты [Миллер, 2008, с. 868; Ковалевский, 2006, с. 227, 232–234; Балкария III, 2006, с. 124; Балкария IV 2007, с. 67; Балкария V, 2007, с. 10–11, 16–17, 26–30; 62–63, 75–77; Этюды, 2007, с. 127, 167, 299, 302–303; Сборник, 2003, с. 33, 95, 97–99, 203; Кудашев, 1990, с. 244–245, 247–250; Привилегирован-

¹ والي (араб.) – «правитель, представитель власти, губернатор».

² Слово *торе*, служившее изначально обозначением обычного права тюрков, не должно вводить в заблуждение, так как судопроизводство было основано на адыгских и осетинских порядках, а не на нормах традиционного права кочевников [Смирнов, 2005, т. 1, с. 247–250, 424, 476; Почакаев, 2006, с. 302–305]. В этом суде решение принималось либо большинством, для чего в нём заседало нечётное количество посредников (5–7), либо при равном числе посредников от обеих сторон для вынесения вердикта выбирался один из них. В Карачае, входившем в сферу непосредственного крымского влияния, в 1782 г. суд подвергся реформе [Клапрот, 2008, с. 165; Бларамберг, 2010, с. 290]. В его состав был введён шариатский судья-*кадий*, после чего сам суд стал носить арабское название *мах-кама* [Сборник, 2003, с. 140].

³ *Нөхөр* (монг.) – «друг, товарищ». В тюркском языке использовалось как наименование дружинников феодала.

ные, 1992, с. 11; Крепостные, 1992, с. 24–25; Кокиев, 2005, с. 634–637, 686–689, 735–737, 784–789; Каракетов, 2010, с. 34–35]. Земельный надел *нѣгера* передавался на правах наследного пользования, однако свобода распоряжения им ограничивалась обязательствами по отношению к своему *бию* [Кокиев, 2005, с. 634, 686; Кудашев, 1990, с. 248; Сборник, 2003, с. 33, 98; Крепостные, 1992, с. 24; Миллер, 2008, с. 869; Ковалевский, 2006, с. 234; Балкария V, 2007, с. 76]. Так, если *бий* хотел продать землю, преимущественное право выкупа оставалось за ним, но в любом случае, земля могла быть продана лишь другому *нѣгеру* собственного феодала [Кокиев, 2005, с. 636, 688, 787; Балкария V, 2007, с. 29]. При разделе наследства между феодалами *нѣгеры* подлежали дележу наряду с движимым и недвижимым имуществом [Кокиев, 2005, с. 736; Кудашев, 1990, с. 248; Сборник, 2003, с. 98; Миллер, 2008, с. 869; Балкария III, 2006, с. 125; Балкария V, 2007, с. 76]. По факту смерти или переселения *нѣгера* в другое общество земля передавалась его родственнику, под условием несения повинностей в пользу того же *бия* [Кокиев, 2005, с. 634, 637, 686, 689, 784–785; Сборник, 2003, с. 33; Крепостные, 1992, с. 24]. Но если род *нѣгера* прекращался, либо его родственники в результате раздела уже перешли к другому феодалу, земля возвращалась в собственность *бия* [Кокиев, 2005, с. 634, 637, 686, 689, 784; Сборник, 2003, с. 33; Крепостные, 1992, с. 24–25; Балкария III, 2006, с. 125; Балкария V, 2007, с. 76].

На практике, однако, *нѣгер* одного князя мог получить земельный надел от другого, установив с ним отношения *эмчеков* (молочное родство) [Балкария V, 2007, с. 10–11, 16–17, 61–63, 76–77; Сборник, 2003, с. 99–100; Миллер, 2008, с. 864; Ковалевский, 2006, с. 193–194, 228; Тульчинский, 2009, с. 65–66; Этюды, 2007, с. 127, 143, 153–155, 167; Кудашев, 1990, с. 247, 249–250]. Поскольку члены высшего сословия, следуя примеру кабардинских князей, отдавали своих детей на воспитание в семьи своих вассалов, эти последние при возврате воспитанников родителям могли получить в бессрочное пользование участок земли [Ногмов, 1994, с. 69]. В таком случае они обязаны были нести ренту в пользу как своего владельца, так и своего *эмчека*.

У тюрков класс служилых людей, пользовавшихся земельным наделом на правах *нѣгеров* или *эмчеков*, был известен под общим названием *узденей* – «самовластных, независимых» [Клапрот,

2008, с. 166, 179, 208; Бларамберг, 2010, с. 146, 290, 306; Броневский, 2004, с. 160; КРПС, 1974, с. 655]. В противовес *биям* это сословие также именовали *кара-киши* или обобщённо *кара-халк* («чёрные люди» или «чёрный народ, простолюдины») [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 112, 113об.; Кокиев, 2005, с. 814; Сборник, 2003, с. 140–141, 176–177, 209; Балкария V, 2007, с. 8, 25–30; Привилегированные, 1992, с. 10–11]. Название *уздень* подразумевало вольность, личную свободу такого человека, проистекающую из добровольности возложенных им на себя обязательств перед *биями* (его зависимость от *биев* была поземельной и могла в любое время быть прекращена по взаимному согласию) [Хан-Гирей, 2008, с. 259–260; Адаты, 2010, с. 315; Ковалевский, 2006, с. 207; Каяев, 2006, с. 324]. Первоначально в бюрократическом языке золотоордынской канцелярии слово *уздень* использовалось как чисто концептуальный термин, но начиная с XVI в. оно употреблялось в документах Посольского Приказа как тюркское название черкесской корпорации служилых людей-*уорков*, по образцу которой были организованы горские *кара-киши* [Klaproth, 1828, p. 239; КРО, 2006, с. 647; РЧО, 1997, с. 296; Кабардинский, 2000, с. 633; Ногмов, 1994, с. 152]. Оригинальность употребления термина *уздень* на Кавказе в качестве обозначения сословной категории часто вызывала необходимость заменить его в письменных документах более привычным для османского языка термином *сипахи*¹ [КРО, 2007, с. 210, 214; Смирнов, 2005, т. 1, с. 270; Д'Асколи, 1902, с. 125; Главани, 1893, с. 156; АБКИЕА, 1974, с. 200–201].

От системы землепользования остальных обществ сильно отличалась схема, принятая в Карачае, где над простыми *кара-киши* возвышалась категория *улу-узденей*, владевшая собственными родовыми землями независимо от *биев* [Сборник, 2003, с. 140–142, 170, 176–177, 209]. Это название является буквальной калькой адыгского термина *уоркишихо* («большой дворянин»), общего названия сословий *кодз* и *деженуго* [Хан-Гирей, 2008, с. 260]. *Уорки* этой категории обладали частью княжеских иммунитетов и привилегий. Непременным условием принадлежности к ней было наличие соб-

¹ سپاهی (перс.) – «воин». В тюркском языке использовалось как наименование класса лиц, получавших земельное пожалование под условием несения военной службы в кавалерии.

ственных вассалов, чтобы содержать которых *уоркишихо* наделялись правом землевладения. Карачаевские *улу-уздени* пользовались и некоторыми другими их привилегиями, в том числе выдвигали своих представителей, помогавших *валию* в управлении обществом и заседавших вместе с ним в суде¹ [Сборник, 2003, с. 140, 142, 176, 209]. Однако, принятый в среде *улу-узденей* размер композиций был вдвое меньше, чем у рядовых кабардинских *уорков*, что уравнивало их с *кара-киши* низшего ранга [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 113; д. 23, л. 52; Сборник, 2003, с. 101, 209; Кудашев, 1990, с. 246; Миллер, 2008, с. 866; Ковалевский, 2006, с. 190, 230; Балкария IV, 2007, с. 67; Балкария V, 2007, с. 9, 57; Тепцов, 1892, с. 170; Сысоев, 2009, с. 36]. Появление этой сословной категории в Карачае связано со специфическими особенностями его истории (см. далее). Среди *узденей* остальных обществ только немногие фамилии, например холамские Джабоевы, чегемские Мамашевы пользовались привилегиями *улу-узденей* (но неизвестно, когда они их приобрели и носили ли они такое звание официально) [Сборник, 2003, с. 97–98; Кудашев, 1990, с. 247–248; Этюды, 2007, с. 328, 303, 334–335, 340–341, 344, 392–393].

Несколько иное содержание термин *уздень* приобрёл в социальной иерархии Улагирских, Куртатинских и Тагаурских осетин, которые делились на два свободных сословия. Название *узденей* носили местные землевладельцы, связывавшие родословие своих фамилий с аланскими или армянскими царями. Второе сословие, *фарсаг*, образовалось из некоренных жителей, арендовавших землю у *узденей* (выходцами из их числа были ремесленники)² [Этюды, 2007, с. 258; Адаты, 2010, с. 176–182; Сборник, 2003, с. 35–38, 46–48, 108–109, 111–112, 204]. Фактическое положение свободных

¹ Например, при покорении Карачая генералом Эммануэлем вместе с *валием* Исламом Крымшамхаловым условия капитуляции подписал представитель *улу-узденей* Хаджи-Ибрагим Боташев [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 18–19; Сысоев, 2009, с. 99].

² Эти два сословия занимали те же социальные позиции, что и древнеиндийские варны кшатриев и вайшьев. Возможно, в аланском царстве существовало отдельное жреческое сословие, выполнявшее функции аналогичные индийским брахманам, которое было упразднено после принятия аланскими царями христианства. В таком случае аналогичная социальная номенклатура, скорее всего, распространилась среди арийских народов ещё в эпоху Древнего мира.

землевладельцев, присвоивших себе царское родословие, и вассальных князьям тюркских *узденей* сильно отличалось. Сходство наблюдается лишь в том, что и те и другие были основными землепользователями, выставившими конное ополчение. Только в Дигорском обществе осетин широко применялось нёгерское право, известное там как *амдзарин* – «сожительство», и существовали отдельные сословия *алдар* и их служилых *узденей-адамихат* [Ковалевский, 1995, т. 1, с. 216–217; Адаты, 2010, с. 189–190; Сборник, 2003, с. 41–43, 105–107; 203].

Впрочем, обычное право осетин также было хорошо известно в тюркских обществах. В частности, из него их жители переняли институт земельной аренды *хайцон*, который они на своём языке называли *ортак* [Ковалевский, 1995, т. 1, с. 217–218; Ковалевский, 2006, с. 187; Балкария V, 2007, с. 53, 75; Миллер, 2009, с. 55; Этюды, 2007, с. 166, 300; Тульчинский, 2009, с. 64–65]. В смежном с Дигорией Малкарском обществе нормы *ортака* регулировали жизнь земельных арендаторов, принадлежавших к свободному сословию *джасакчи*, аналогичному осетинскому *фарсаг* [Миллер, 2008, с. 853; Балкария V, 2007, с. 77–78; Этюды, 2007, с. 142; Сборник, 2003, с. 34; Крепостные, 1992, с. 25–26; Освобождение, 1992, с. 39–40; Кокиев, 2005, с. 637, 689]. Тюркское название этого сословия обусловлено выплатой *биям* натуральной ренты-*джасака*, размер которой зависел от количества арендованной земли [Балкария V, 2007, с. 77; Сборник, 2003, с. 34; Крепостные, 1992, с. 25–26; Кокиев, 2005, с. 637, 689]. Слово *джасак* первоначально означало кодекс постановлений Монгольской империи, которым регулировалось и налогообложение, благодаря чему оно также стало употребляться в качестве названия натуральной ренты [Почекаев, 2006, с. 307–309]. По преданию это сословие образовалось из завоеванных Мысакой коренных жителей Черекского ущелья, *сауты*¹

¹ *Сауты* (осет.) – «чёрные». В записке малкарских таубиев именно *джасакчи*, а не *уздени*, названы *кара-киши*, что в данном случае можно считать буквальным переводом осетинского *сауты* [Кудашев, 1990, с. 244–245]. *Саулагамы* – «чёрными людьми» – в противовес благородным *узденям* именовалось в Осетии сословие *фарсаг* [Миллер, 1992, с. 122]. Различие в названиях демонстрирует разницу между феодальным строем кочевников-тюрков и раннеклассовым обществом индоиранцев. В то время, как у первых к аристократии причислялись лишь немногочисленные члены правящего рода, у вторых высоким общественным поло-

[Миллер, 2008, с. 852–853; Этюды, 2007, с. 142; Кудашев, 1990, с. 237]. Упоминание «ясачных людей» балкарских князей в 1629 г. также говорит в пользу архаичного происхождения сословия *джасакчи* [КРО, 2006, с. 206, 212]. Однако, как и в Осетии, это сословие, видимо, пополнялось лично свободными переселенцами из соседних обществ [Сборник, 2003, с. 38, 44, 48, 112, 204]. Вероятно, именно *джасакчи* подразумевал А. Абаев, когда сообщил В.Ф. Миллеру и М.М. Ковалевскому о дигорцах, переселившихся в Малкар [Миллер, 2008, с. 853].

В то время как у осетин была в основном распространена более архаичная форма рабства¹, хозяйство адыгов было основано на крепостничестве [Сборник, 2003, с. 41, 44, 47–48]. Кабардинскую хозяйственную модель переняли и тюркские общества. Зависимые сословия, именовавшиеся адыгами *пишитель* – «княжескими людьми», в горах были известны под общим именем *кулов*–«рабов» [Хан-Гирей, 2008, с. 159; ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 112об.; Сборник, 2003, с. 30; Привилегированные, 1992, с. 1; Этюды, 2007, с. 166, 321; Балкария V, 2007, с. 8–13, 17–18, 20, 77; Караулов, 2009, с. 43; Миллер, 2009, с. 8; Сысоев, 2009, с. 37, 63]. Крепостными в собственном смысле слова были две категории *пишителей*, наделённые адатом некоторыми семейными и имущественными правами.

Верхняя прослойка пишителей называлась у адыгов *огами*, а по-тюркски *чагарами*² [Ногмов, 1994, с. 152; КРО, 2007, с. 118, 318, 410–417; Адаты, 2010, с. 135–136, 138–141, 143–144, 147, 149–152; Кабардинский, 2000, с. 629; Миллер, 2008, с. 864, 870; Ковалевский, 2006, с. 217–218; 234–235; Балкария III, 2006, с. 125; Балкария IV, 2007, с. 67; Балкария V, 2007, с. 9–13, 17–18, 20, 22–23, 56, 77; Этюды, 2007, с. 143, 167, 320–321; Сборник, 2003, с. 34; Кудашев,

жением пользовался довольно многочисленный класс землевладельцев–узденей, противопоставлявшихся безземельным *саулагам*.

¹ Среди осетин рабы были в основном известны как *гурзияки* (большинство из них были захваченными в плен грузинами), в чём опять-таки заметна аналогия с Древней Индией, где зависимое сословие также носило имя местных неарийских народов – дасьи и шудр. Только в Дигории под влиянием обычного права кабардинцев появились специальные категории дворовых и домашних рабов – *канаг* и *хадзар-косаг*.

² چاگر (перс.) – «слуга».

1990, с. 245, 250; Крепостные, 1992, с. 26; Освобождение, 1992, с. 38–40; Кокиев, 2005, с. 638–639, 689–690, 737, 769]. К ней принадлежали те крепостные, которых владелец снял со своего довольствия и наделил земельным участком, обязав их нести в свою пользу натуральную и строго ограниченную отработочную ренту [Миллер, 2008, с. 863–864, 870; Ковалевский, 2006, с. 228, 234–236; Балкария III, 2006, с. 124–125; Балкария IV, 2007, с. 67; Балкария V, 2007, с. 8–13, 17–18, 20–23, 56, 77; Крепостные, 1992, с. 26; Кокиев, 2005, с. 638–639, 689–690, 737, 769, 848–649]. Они могли сами купить себе жену, причём из внесённой за неё суммы только небольшая часть поступала в пользу хозяина невесты, после чего владелец терял право распоряжения над семьёй *чагара* [Миллер, 2008, с. 864, 870; Ковалевский, 2006, с. 234–236; Балкария III, 2006, с. 124–125; Балкария IV, 2007, с. 67; Балкария V, 2007, с. 8, 11–12, 17–18, 77; Крепостные, 1992, с. 26; Кокиев, 2005, с. 638–639, 690]. *Чагары* имели право преимущественного выкупа на волю, поступая после него в разряд вольноотпущенников-*азатов*¹ (хозяин не мог освободить другого своего раба в обход *чагара*) [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 112об., 113об.; Миллер, 2008, с. 868; Ковалевский, 2006, с. 232; Сборник, 2003, с. 140–141; Кудашев, 1990, с. 245; Сысоев, 2009, с. 63]. Имущество освобождённого *чагара*, как правило, хозяева удерживали за собой в счёт выкупа, поэтому приобретая статус *азата*, он по-прежнему материально зависел от них, и только его потомки могли пополнить ряды *узденей*.

Статус *чагара* приобретался через соглашение с хозяином крепостными второй категории, которых в Кабарде называли *лагунаутами* (так как они жили при *лагуна* – женской половине дома), а в горах – *казаками* [Миллер, 2008, с. 864–865, 870–871; Ковалевский, 2006, с. 228, 236; Балкария III, 2006, с. 125; Балкария IV, 2007, с. 67; Балкария V, 2007, с. 8–9, 11–13, 17–20, 22, 77; Этюды, 2007, с. 143; Сборник, 2003, с. 34; Кудашев, 1990, с. 245, 250–252; Крепостные, 1992, с. 26; Освобождение, 1992, с. 38, 40; Грабовский 1992, с. 9; Кокиев, 2005, с. 638, 690–691, 767–770]. *Казаки* несли отработочную ренту во дворе своего владельца, при котором должны были жить. Поэтому они, хотя и обзаводились собственным хозяйством, состояли на полном довольствии владельца, на которого

¹ آزاد (перс.) – «свободный человек (не раб)».

ложилась и обязанность приобрести им жену [Грабовский 1992, с. 9; Кокиев, 2005, с. 767–770]. Специфика кабардинского обычного права заставляла хозяина купить жену и достигшему совершеннолетия домашнему рабу, что превращало его в *лагунаута* [Кокиев, 2005, с. 632, 683, 710]. Поэтому в горах не использовалось специальной номенклатуры для домашних рабов мужского пола. При отмене крепостного права в горах эта особенность была использована владельцами в своих корыстных интересах. Пользуясь неосведомленностью российской администрации о том, что горская терминология не знала шаткой разницы между домашним и дворовым рабом-мужчиной, они постарались представить их одинаково бесправными, и ложно указали на тождественность *джасакчи огам, чагар – лагунаутам*, а *казаков – унаутам* [Балкария III, 2006, с. 125; Этюды, 2007, с. 143; Сборник, 2003, с. 34; Кудашев, 1990, с. 245, 251; Крепостные, 1992, с. 26, 29; Освобождение, 1992, с. 38, 40; Кокиев, 2005, с. 638, 690–691, 737].

В бесправном положении кабардинских домашних рабов-*унаутов* в горах находились рабыни-*караваши*, составлявшие неотъемлемую собственность хозяев и потому служившие предметом свободной купли-продажи [Миллер, 2008, с. 871; Ковалевский, 2006, с. 236; Балкария V, 2007, с. 8–9, 12–13, 19, 77; Этюды, 2007, с. 143; Сборник, 2003, с. 34; Кудашев, 1990, с. 245, 250–252; Крепостные, 1992, с. 26, 29; Освобождение, 1992, с. 38, 40; Грабовский 1992, с. 9; Кокиев, 2005, с. 638, 690–691]. Обычное право адыгов ограничивало для них возможность замужества – и, тем самым, переход в число дворовых людей волей хозяина, в доме которого они выполняли обязанности прислуги и наложниц [Миллер, 2008, с. 871; Ковалевский, 2006, с. 236; Балкария V, 2007, с. 9, 12–13, 19, 77; Кудашев, 1990, с. 251–252; Освобождение, 1992, с. 38; Кокиев, 2005, с. 638, 690]. Ради естественного прироста хозяин мог временно ссудить *караваши* мужчине из числа свободных или рабов, причём родившиеся от такого союза дети всегда поступали в собственность владельца рабыни [Миллер, 2008, с. 871; Ковалевский, 2006, с. 236; Балкария V, 2007, с. 12–13, 19, 77; Кудашев, 1990, с. 252; Освобождение, 1992, с. 38].

Помимо рождённых в неволе, ряды домашних рабов пополняли пленные, взятые во время войны или набега [Этюды, 2007, с. 143; Миллер, 2008, с. 864; Ковалевский, 2006, с. 228]. Кроме то-

го, кабардинское обычное право установило практику закрепощения одиноких свободных эмигрантов через широко применявшуюся в горах женитьбу на рабыне [Адаты, 2010, с. 109; Черкесы, 1991, с. 168]. Например, согласно генеалогическим преданиям, родоначальник карачаевской фамилии Хачиризов был абхазом, обращённым таким образом в рабство Темурчоком Хубиевым [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 79об.; Миллер, 2009, с. 16–17]. Интересно, что, хотя положение зависимых сословий в горах полностью регулировалось нормами обычного права адыгов, черкесскую номенклатуру там заменили привычной для литературного языка тюрки лексикой – *кул*, *чагар*, *казак*, *каравай*, *бегеул*.

Приоритет высшего сословия над простым свободным народом выразился в концепции неравного брака. Горский *бий* обязан был выбрать жену равного социального статуса, из княжеского сословия, либо из кабардинских *кодзов* и *деженуго* [Клапрот, 2008, с. 173; Бларамберг, 2010, с. 296; Ковалевский, 2006, с. 230; Миллер, 2008, с. 866; Сборник, 2003, с. 28, 33, 95, 101, 141; Привилегированные, 1992, с. 7; Балкария V, 2007, с. 56]. Кабардинские князья помимо жен также держали наложниц из свободного сословия, именовавшихся по-тюркски *кума*, дети которых считались *тума* – «незаконнорождёнными», и при наличии законных детей лишались отцовского наследства [Адаты, 2010, с. 103, 109, 133, 139; Ковалевский, 2006, с. 216–217, 232; Сборник, 2003, с. 27, 82–83; Кудашев, 1990, с. 150–151; Привилегированные, 1992, с. 5]. Однако среди горцев этот аспект кабардинского права получил распространение в разной степени. Если в Осетии этот обычай приобрёл необычайную популярность среди членов высшего сословия¹, то в тюркских обществах, где роль наложниц почти всегда выполняли домашние рабыни, он так и не укоренился [Балкария V, 2007, с. 55; Ковалевский, 2006, с. 189, 295; Клапрот, 2008, с. 64, 169; Бларамберг, 2010, с. 296].

¹ Наложницы были в основном известны в Осетии под именем *номулус* – «именных жён», а их дети назывались *кавдасарды* – «рождённые в яслях» [Адаты, 2010, с. 176–181, 186–188, 196–197, 209–212; Сборник, 2003, с. 35–36, 38–41, 43, 47, 108; Ковалевский, 1995, т. 1, с. 232–239, 267, 295–298]. Только в наиболее консервативном Улагирском обществе этот институт не получил широкого распространения [Адаты, 2010, с. 182; Сборник, 2003, с. 48; Ковалевский, 1995, т. 1, с. 235].

В прикаспийский Дагестан нормы брачного права кабардинцев проникли после союза Чобан-шамхала с племянницей кабардинского *кодза* Хату Анзорова в конце XVI в. Отец законной жены *шамхала*, *уцмий* Кайтага Султан-Ахмед-хан, стремясь оградить семейные права собственных внуков, попытался устранить сына кабардинки Султан-Махмуда от наследства. Поэтому, предприняв кодификацию норм дагестанского обычного права, он специально ввёл статью, согласно которой дети от неравных браков считались незаконнорожденными-*чанка* (букв. «голыми») [Бакиханов, 1991, с. 108–109]. Когда в Карачае поселился *крымшамхал* Бекмирза, а чегемский *бий* Актуган Малкаруков взял в жены княгиню Керимахан из шамхальского рода, с институтом *чанка* познакомились и горские общества [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 112–113об., 116–117, 118; д. 23, л. 50об.; Миллер, 2008, с. 859–860; Балкария I, 2005, с. 65; Балкария IV, 2007, с. 75–76]. Например, *чанка* Эльбуздука, сына Бекмирзы, был Ислам, родоначальник двух атаулов Крымшамхаловых – Магометовых и Шахановых [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 116об.; д. 23, л. 50об. –51].

Однако в большинстве случаев в Карачае и Чегеме сословный институт *чанка* использовался потомками шамхальского рода, чтобы окончательно лишить претензий на власть старые княжеские фамилии, устранённые от земельного наследства по причинам, не связанным с чистотой происхождения. В роду князя Карача такими *чанка* стали Коджаковы, Темирбулатовы и Эссекуевы, а в Чегеме отрасли князей Рачикауовых – Туудуевы и Казиевы [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 112об.–114, 116–117об.; д. 23, л. 51–51об.; Миллер, 2008, с. 862; Балкария IV, 2007, с. 75]. Карачаевские и чегемские *чанка* использовали нормы композиций, принятые среди рядовых кабардинских *уорков*, к которым обычное право адыгов приравнивало княжеских *тума* [Адаты, 2010, с. 103, 109, 133, 139; ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 113; д. 23, л. 50об.–51об.; Сборник, 2003, с. 101; Кудашев, 1990, с. 246].

Преимущество незаконнорожденного сына князя над простым *узденем* заключалось в том, что кабардинское и дагестанское обычное право устанавливало для него процедуру приобретения статуса полноправного наследника через женитьбу на чистокровной княжне [Сборник, 2003, с. 27, 56–57, 83, 124, 126; Кудашев, 1990, с. 150–151; Привилегированные, 1992, с. 5; Кабардинский,

2000, с. 632]. Однако специфическое происхождение большинства карачаевских *чанка* превратило этот обычай в фикцию. Даже брачный союз с установившимися этот институт Крымшамхаловыми не мог принести *чанка* положения *бия* (в частности, Карамирза, отец Темирпулада и Эссеку, был женат на дочери Гиляхстана Крымшамхалова) [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 116–117]. Поскольку эта ситуация, в общем-то, противоречила практиковавшимся правовым нормам, Крымшамхаловы попытались дать ей обоснование в виде вымышленной генеалогической легенды, объявив карачаевских *чанка* потомками князя Карача от брака с дочерью *узденя* [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 113об.–114].

На этом в борьбе за власть с родом князя Карача Крымшамхаловы не остановились и придумали продолжение легенды, объяснявшее происхождение другой княжеской фамилии, Карабашевых, сожителем князя Карача с рабыней – *караваши* (в действительности имя Карабаш носил его праправнук) [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 113об.–114, 116]. Неправдоподобность выдуманного ими генеалогического предания с юридической точки зрения несколько их самих не смущала (дети рабыни, будучи и сами лично несвободными, не могли пополнить княжеское сословие) [Ковалевский, 1995, т.1, с. 298–300]. Впрочем, престиж Карабашевых действительно упал, они уже не пытались претендовать на должность *валя*, а норма композиций для них была значительно снижена по сравнению с Крымшамхаловыми и Дудовыми [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 114об., 115об.–116; д. 23, л. 50об.].

Итак, на момент возникновения тюркских обществ, их главные соседи, осетины и кабардинцы находились на разных ступенях социально-экономического развития. Общество осетин сохранило черты, типичные для раннеклассовой формации, в то время как у адыгов были развиты феодальные отношения, формы которых они первоначально заимствовали из Закавказья. Благодаря вассалитету тюркских обществ по отношению к Кабарде, обычное право адыгов превратилось в главный источник сословного деления [Алиев, 1927, с. 125]. Им регулировалось общественное положение, как свободных, так и зависимых сословий. Нормы осетинского права оказали влияние лишь на положение класса вольных земельных арендаторов дигорского происхождения, существовавшего в Малкаре. Довольно скромное влияние на горские общества оказало

брачное право прикаспийского Дагестана, некоторые положения которого применялись в Чегеме и Карачае, в результате чего возникла особая категория неполноправных князей. Что же касается золотоордынского права, то основные его источники, такие, как своды постановлений монгольских ханов — *джасак*, и нормы обычного права тюркских племён — *торе*, были в горских обществах фактически неизвестны, а оставшаяся от золотоордынских времён обширная социальная номенклатура приобрела новое содержание. Шариат ханафитского толка не успел оказать существенного влияния на сословное право горских обществ, так как получил широкое распространение только в конце XVIII в., уже после того, как классовые отношения в них приобрели вполне сложившийся облик.

§ 2. Землевладельческие фратрии горских обществ

В горских обществах была абсолютно неизвестна старая тюркская родоплеменная номенклатура. Та лексика, которая сохранилась в качестве её пережитка, использовалась в новом контексте. Например, слово *эль* стало обозначать сельскую общину (или объединение нескольких таких общин), *кош* — временное стойбище скотоводов, *сюек* — «кость» — сохранило нарицательное значение родового подразделения только при противопоставлении знатных родов простому народу. Основной формой родовой организации свободных сословий стала фамилия — *тукум*¹. Члены зависимых сословий, как правило, носили фамилию хозяина (поэтому многие из них после отмены крепостного права сохранили патронимию своих владельцев) [Миллер, 2009, с. 12–13]. Большие *тукумы* делились на ветви, члены которых селились особыми кварталами и именовались *атаулами* (сыновьями такого-то отца), а размножившись, потенциально могли образовать новые фамилии [Миллер, 2009, с. 26–27, 56–60, 62].

Само собой, в пяти горских обществах Таустана большому патриархальному роду не было места, так как землевладение в них было обусловлено преимущественно правовыми отношениями *узденей* со своим *бием*, а не древностью их рода. Поэтому горцы

¹ تخمه (перс.) — «род, происхождение».

тщательно хранили лишь генеалогические легенды высшего сословия, наделённого верховным правом землевладения, на что обратил внимание ещё Н.П. Тульчинский, отметив, что преданий о происхождении простого народа в фольклоре не сохранилось [Тульчинский, 2009, с. 14]. Что же касается фамилий *таубиев*, объединённых общим происхождением, то некоторые из них носили осетинскую номенклатуру большого рода, примером которой в Малкаре были басааты, в Чегеме – искильты¹ [Тульчинский, 2009, с. 16; Балкария V, 2007, с. 7; Балкария III, 2006, с. 64]. К последней патронимии, скорее всего, принадлежали чегемские *таубии* Келеметовы и Рачикауовы (возможно, также холамские Шакмановы, предположительно выходцы из Чегема²) [Карачай, 2011, с. 321]. Во всяком случае, записки ряда исследователей сохранили указания на осетинское происхождение всех этих княжеских фамилий [Тульчинский, 2009, с. 14; Балкария IV, 2007, с. 72; Тепцов, 1892, с. 172].

Совсем иные земельные отношения сложились в Карачае, где существовала привилегированная категория *улу-узденей*. Эта корпорация была организована по примеру сословия *кодзов*, число фамилий которых в каждом адыгском племени обычное право устанавливало в количестве четырех [Лавров, 2009а, с. 506]. В Карачае тремя такими старейшими фамилиями были Абдрухаи, Будияны и Наурузы [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 118; д. 23, л. 52–64; Миллер, 2009, с. 13–16]. Считалось, что их основатели были товарищами-*нёгерами* первого карачаевского князя Карача [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109об.–111об., 117об.; Сысоев, 2009, с. 92; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 7, 13; Чеккуев, 1899; Карачай, 2011, с. 344, 376; Алиев, 1927, с. 35]. Интересно отметить, что их имена довольно характерны для татарской ономастики. Например, имя одного из них связано с использовавшимся золотоордынцами персидским солнечным календарем – Наурузом называли детей, родившихся в день новогоднего праздника. Другой носил мусульманское имя Абд ар-Рахим или Абд ар-Рахман. Тюрками оно

¹ В некоторых документах этот патроним пишется *схалты* или *секельт*.

² З.Д. Гаглойти причисляла Шакмановых к родовому объединению, носившему наименование Хун-арвад, в которое входили тагаурские фамилии Дударовых и Слоновых.

произносилось Абдрухай, также как имя Мухаммед в повседневной речи звучало Мамай, Ибрагим – Ибрай, Касим – Касай и т.д. Имя Будиян, вероятно, появилось в результате стяжения мусульманского антропонима Абу Диван.

Четвёртая фамилия *улу-узденей*, Шадибеки, появилась среди карачаевцев несколько позже первых трёх [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 110–111об., 117об.–118; д. 23, л. 64об.–67; Миллер, 2009, с. 7, 13–17, 20]. Считалось, что её первый карачаевский представитель, Хубий, был сыном крымского *батыра*, присоединившимся к карачаевцам на Баксане, во времена детей или внуков Карача [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 110, 111–111об., 117об.; д. 23, л. 64об.; Миллер, 2009, с. 13–16]. Карачаевцы также связывали с Хубием происхождение мегрельской фамилии Хубутия [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 64об.; Миллер, 2009, с. 14, 16; Карачай, 2011, с. 344]. Поздние генеалогии Шадибеков пытались уравнивать их в древности с первыми тремя родами, и поэтому в них сюжет встречи Хубия с карачаевцами был совмещён с легендой о противостоянии Карача и кызылбеков [Чеккуев, 1899; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13–14; Миллер, 2009, с. 14, 16; Карачай, 2011, с. 344, 380; Алиев, 1927, с. 43]. Механическое объединение деталей генеалогической легенды, однако, привело к тому, что Шадибекам было приписано мегрельское происхождение, противоречившее сохранившимся указаниям на их эмиграцию из Гёзлева в Крыму [Чеккуев, 1899; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 7, 14; Сысоев, 2009, с. 33, 92]. Поскольку этноним кызылбеки оказался созвучен названию Гёзлев, то ради устранения противоречий к ним Шадибеки, в конечном счёте, и были отнесены рассказчиками [Чеккуев, 1899; Миллер, 2009, с. 14, 16; Карачай, 2011, с. 344, 380; Алиев, 1927, с. 43; Воронцов-Вельяминов, 2008, с. 50]. Самим же потомкам Хубия была известна история его жизни в Эль-Таркаче, где он промышлял вместе с кабардинцами работорговлей (его товаром были похищенные дети карачаевцев) [Чеккуев, 1899]. В этом генеалогическом предании легко угадываются воспоминания о выселении карачаевцев с верховьев Баксана на плоскость крымской армией в 1635 г.

Права *улу-узденей*, предусматривавшие выделение им личных земель, представители этих фамилий получили при переселении карачаевцев на Кубань в середине XVII в. Однако, появление среди узденей частной собственности привело к тому, что наслед-

ники первых заимщиков выделились в отдельные фамилии [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 110об.–111, 117об.; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 7]. Например, правнуки Будияна Байрамук, Акбай и Боташ, обзаведясь на новом месте своими землями, основали собственную патронимию [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109об., 110об.; д. 23, л. 53–53об.; Миллер, 2009, с. 14–15, 19; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 14–15; Чеккуев, 1899]. Сыновья Хубия – Темурко и Акмирза, стали родоначальниками фамилий Хубиевых и Мырзаевых [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 118; д. 23, л. 64об.–65; Карачай, 2011, с. 344]. Для охраны своих сословных привилегий такие родственные фамилии образовали четыре большие фратрии, носившие у карачаевцев название *каум*¹.

Впрочем, обычное право адыгов даровало и другим фамилиям возможность приобрести привилегии, аналогичные тем, которыми пользовались *кодзы*. Члены таких фамилий в Кабарде носили название *деженуго*. Законным основанием для претензий на статус *деженуго* считалась принадлежность к равным по положению фамилиям других племён [Ногмов, 1994, с. 126]. В верховьях Кубани среди карачаевцев появился пятый небольшой род *улу-узденей*, Хустосы [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 110–111об., 117об.–118; д. 23, л. 67–68]. О его происхождении ничего неизвестно, однако родоначальник Хустосов носил достаточно специфическое для кавказской ономастики имя, которое, кроме карачаевской патронимии, сохранилось только в названии чегемской сельской общины Хустос-Джурт [Миллер, 2009, с. 17; Этюды, 2007, с. 298, 305, 398; Гильденштедт, 2002, с. 224; Клапрот, 2008, с. 181; Броневский, 2004, с. 196]. Вслед за тем возникли ещё три рода, включавшие по нескольку фамилий, которые носили общую патронимию явно внешнего происхождения. Одна связывалась с кабардинскими *деженуго* Шипшевыми, остальные две с Трамовыми и Лиевыми, первостепенными *узденями* абазинских князей Лоовых [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 118–118об.; д. 23, л. 68–70об., 74–75об.; Миллер, 2009, с. 14–17]. Поскольку все они были крайне немногочисленны, Шипшевы и Трамовы вступили с Хустосами в присяжное братство, формально объединившее их в один род [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 68об., 74об.; Миллер, 2009, с. 17].

¹ قوم (араб.) – «народ, нация, люди, племя».

Как и Шадибеки, карачаевские Травовы пытались приписать своему роду более древнее и благородное происхождение, и в связи с этим объявили своего предка, которого они считали эмчеком Каншау Крымшамхалова, «князем Травовым» (*киназ бин Трам*) [Каракетов, 2010, с. 38–39]. Однако попытка причислить своих родоначальников к абазинским князьям была безуспешной, и тогда в виде альтернативы они включили Трама в число *нёгеров*-товарищей Карача [Миллер, 2009, с. 14–15, 24; Карачай, 2011, с. 376; Алиев, 1927, с. 35]. В действительности, Лиевы и Травовы вряд ли могли появиться в Карачае ранее середины XVIII в., так как только в 1740 г. рядом с карачаевцами на р. Теберда возникли поселения лоовцев и трамовцев, перенесённые Арсланбеком Кайтуковым из Пятигорья на Кубань [КРО, 2007, с. 213, 230, 237; Клапрот, 2008, с. 114; Броневский, 2004, с. 128; Бларамберг, 2010, с. 265; Лавров, 2009а, с. 48–49, 138].

Фратрия могла включать фамилии, объединённые как кровным родством, так и искусственным [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 110–110об.; Миллер, 2009, с. 17; Карачай, 2011, с. 380; Алиев, 1927, с. 44]. Хотя патриархальные порядки уже разлагались, *кара-киши* низшей категории надеялись приобрести права свободного землевладения через союз с исконными фамилиями *улу-узденей*. Среди Будиянов примером такого номинального родства служили Деккушевы, жившие на землях Боташевых (по сведениям Н.Г. Петрусевича, мать основателя их фамилии вышла замуж за кого-то из Боташевых, что, видимо, следует расценивать как указание на связывавшие обе фамилии отношения *эмчеков*) [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 53об.]. Фамилии Хасановых и Джашеевых присоединились к Шадибекам, поскольку их основатель Хасан был более поздним выходцем с крымской родины последних [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 65, 66 об. –67; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 10]. Фамилии Тохчуковых и Тамбиевых также вступили во фратрии Шадибеков и Будиянов, но считалось общепризнанным, что их родоначальники были *пиштями* кабардинских *деженуго* Докшуковых и *кодзов* Тамбиевых, отданными Гази Пшеапшковым князю Карача в плату за кровь его раба [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109об.; д. 23, л. 65 об. –66, 76об.; Чеккуев, 1899; Миллер, 2009, с. 14, 17; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 14; Сысоев, 2009, с. 92; Карачай, 2011, с. 380; Воронцов-Вельяминов, 2008,

с. 17; Алиев, 1927, с. 36, 43]. Впрочем, даже вольноотпущенники Хубиевых Хачировы причисляли себя к роду своих бывших хозяев [Миллер, 2009, с. 16–17, 20–21, 24; Карачай, 2011, с. 380; Алиев, 1927, с. 43]. Вне зависимости от того, было ли родство кровным или номинальным, фамилии одной фратрии соблюдали строгую экзогамию и метили скот общей тамгой [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 119–119об.; Миллер, 2009, с. 7, 17–20, 23–25; Алиев, 1927, с. 119].

Итак, интенсивный процесс разложения родового строя среди татар после падения Большой Орды привёл к тому, что в горских обществах не сохранилась тюркская родоплеменная номенклатура, вместо нее стали применяться персидские и арабские термины. В дальнейшем фратрии выполняли лишь функцию охраны сословных прав. Те из них, генезис которых был связан с осетинами, как правило, сохраняли осетинскую номенклатуру.

§ 3. Жанровые особенности генеалогических легенд тюрков Северного Кавказа

Исследуя историю тюркских обществ Северного Кавказа, следует иметь в виду преемственность традиций жанра местных генеалогических преданий по отношению к золотоордынской эпохе. Как хорошо известно, улус Джучи в меньшей степени, чем другие западномонгольские государства, соприкоснулся с мусульманской исторической мыслью, благодаря чему сведения о собственной истории продолжали передаваться золотоордынцами преимущественно в архаичной форме родословных легенд. Первые попытки собрать и изложить эти предания в литературной форме были предприняты лишь в XVI–XVII вв., когда в Средней Азии и Поволжье появился ряд оригинальных исторических сочинений, которые в свою очередь оказали устойчивое влияние на дальнейшее развитие жанра устных и письменно фиксированных генеалогий (т. нз. *шаджара*). Одно из центральных мест в этой группе нарративных источников занимает *Дафтар-и Чингиз-наме*, составленное около 1680-х гг. анонимным казанским татаринном [Усманов, 1972, с. 97–133]. По-видимому, в XVIII в. сюжеты *Чингиз-наме* (в виде списков или пересказов) получили распространение и в горских обществах Центрального Кавказа.

Но предварительно надо отметить, что в среде горцев генеалогии передавались преимущественно устным путём, так как лишь представители местного мусульманского духовенства были достаточно грамотны, чтобы составить арабописьменное родословное древо своей фамилии. Помимо самой генеалогической схемы такие документы могли также содержать краткие сведения об основателе рода или других его выдающихся представителях. Впрочем, арабоязычные генеалогии горских фамилий, большинство из которых остаётся на текущий момент невыявленными, практически не подвергались исследованию [Миллер, 2009, с. 8, 27; Каракетов, 2010, с. 38–39]. Гораздо лучше известны в научной литературе те родословные тюрков Северного Кавказа (в основном княжеские), которые были записаны русскоязычными авторами со слов устных рассказчиков во второй половине XIX – начале XX вв. [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 116–116об.; ф. 270, оп. 1, д. 24, л. 35; ф. 8, оп. 1, д. 167; ф. 8, оп. 1, д. 169; Миллер, 2008, с. 858–862; Карачай, 2011, с. 228–229, 322–324].

Разумеется, основной задачей, которую преследовали составители таких родословий, было доказать знатность происхождения описываемого рода или фамилии, законность его притязаний на те или иные социально-экономические и общественно-политические привилегии. Наиболее завидным в этом отношении оказалось положение чегемских княжеских фамилий Малкаруковых, Кучуковых и Барасбиевых, претендовавших на знатность происхождения через их общего родоначальника Анфако, из рода темиргоевских *нише* Болатуковых [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 117; Миллер, 2008, с. 858]. Принадлежность к этому роду считалась среди обитателей Центрального Кавказа весьма престижной, так как его положение приравнивалось к кабардинским князьям. В качестве другого примера удачной родословной можно назвать генеалогию карачаевской фамилии Крымшамхаловых [Петров, 1880, с. 127]. Могущественный шамхальский род, правивший Восточным Кавказом, также признавался равным адыгским князьям. Меньше повезло остальным княжеским фамилиям горцев. Совсем непрестижным, видимо, считалось осетинское происхождение, поэтому генеалогии фамилий Рачикауовых, Келеметовых и Шакмановых даже не привлекли внимания русскоязычных авторов. Что же касается других карачаевских, а также малкарских и безенгиевских княжеских кла-

нов, то их представители, стремясь возвести своё родословие к эпохе Золотой Орды, приурочили время жизни своих родоначальников к мифологизированным сюжетам *Дафтар-и Чингиз-наме*.

Разумеется, если выделить оригинальную нарративную часть этих генеалогий, сразу привлечет к себе внимание их разнохарактерность, несвязанность друг с другом. Так, если историю Карачая в XVI в. легенды изобразили как скитания небольшой группы кочевников, вынужденной искать убежища от кабардинцев в горах, то события, одновременно происходившие в Малкарском обществе, они обрисовали в виде поэтапного вторжения в ущелье реки Черек трех разнородных групп пришельцев, постепенно осевших и слившихся с коренным населением. Первоначально эта горная долина была населена осетиноязычными горцами, которые впоследствии составили сословие *джасакчи*, лишённых земельных прав свободных арендаторов. Имя «Малкар» общество приобрело благодаря переселившимся в него из Грузии мегрелам¹. Тюркское население видимо проникло в ущелье во главе с князем Мысакой, родоначальником таубийских фамилий Мысаковых и Женоковых. Наконец последним пришельцем был маджарец Басиат, чьё потом-

¹ Любопытно отметить, что легенда указывает на существование трёх княжеских родов, два из которых, потомки Мысаки и Басиата позже играли значительную роль в жизни общества. Что касается третьего, Малкаровых, то М. К. Абаев утверждал, что девять сыновей Малкара были истреблены Мысакой (на образном языке кабардинского фольклора - символ пресечения рода) [Этюды, 2007, с. 142]. Однако третий род, объединявший фамилии таубиев Темиркановых и Бикановых, действительно существовал, и его предком считался некий Мингпулад (сложно сказать о ком идёт речь, но, например, такое имя носил внук Инала, родоначальник кабардинской княжеской фамилии Гиляхстановых) [Там же, с. 148]. Абаев был склонен отождествлять предка Темиркановых с героем хорошо известной в Кабарде песни, борцом с крымскими *сейменами* (солдатами ханского регулярного войска). Судя по её резюмированному содержанию, он имел в виду одну из редакций популярного кабардинского сказания о братьях Ешаноковых [Хан-Гирей, 2008, с. 353; СМОМПК, 1891, ч. 1, с. 2736, ч. 2, с. 72–76; Кабардинский, 2000, с. 175–182]. Ешаноковы были участниками сражения, разгоревшегося в 1616 г. после совместного нападения крымского хана Джанибек-Гирея II, *мирз* Большого Ногая и Алегуко Шаугенукова на удел Тлюстановых, возглавляемый Карача Шаулоховым [Ногмов, 1994, с. 139–141]. Поскольку, тем не менее, сохранившаяся редакция называет Темиркана Ешанокова выходцем из с. Сурли в Закубанье, не совсем понятно, что заставило Абаева считать его малкарским князем [Кабардинский, 2000, с. 175, 593].

ство пользовалось верховной властью в Малкаре [Шумкин, 2010, с. 24–27].

Несмотря на различия в фабуле, тюрки включили генеалогические легенды как карачаевских, так и малкарских князей в канву эпического повествования *Дафтар-и Чингиз-наме*. В то время как карачаевские генеалогии были приурочены к сюжетам содержащегося в этом произведении дастана об Аксак-Темире, основой для построения родословной малкарских князей послужил его первый дастан, посвящённый Чингиз-хану [Даль, 1838, с. 881–885; Даль, 1835, с. 195–230; Шумкин, 2010, с. 19–21]. При этом личность маджарца Басиата контаминировалась с образом одного из персонажей *Чингиз-наме*, Бильгута, родственника Чингиз-хана [Миллер, 2008, с. 853; Балкария III, 2006, с. 93; Этюды, 2007, с. 143].

Генеалогии правителей в монгольских государствах уделялось большое внимание, так как они могли быть избраны исключительно из числа членов «золотого рода», который состоял из отпрысков Чингиз-хана и удерживал в своих руках монополию на ханскую власть. Потомки его братьев причислялись к государственной элите лишь номинально, так как нормы монгольского права не наделяли их статусом престолонаследников. Поэтому первоначальная вымышленная версия собственной генеалогии, видимо, была недостаточна престижна, чтобы полностью удовлетворить притязаниям басиат на статус, равный с кабардинскими князьями.

Соседи малкарцев, безенгиевские князья Суншевы, по этим же соображениям возвели свою генеалогию через одного из последних правителей Золотой Орды Борака к Чингиз-хану [ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 8, л. 40]. Ветвью безенгиевских Суншевых являлась баксанская княжеская фамилия Урусбиевых. Достоинно внимания то, что один из них, Мирзакул, оставил наиболее подробный из горских пересказов дастана о Чингизе, в котором основное внимание было сосредоточено именно на персоне хана, и лишь мимоуслышно упоминался родоначальник басиат [АБКИЕА, 1974, с. 331–333]. Логично было бы предположить, что такой акцент обусловлен попыткой Урусбиевых связать с Чингиз-ханом своё собственное родословие.

В конце концов, по-видимому, малкарские князья решили сократить дистанцию между собой и чингизидами, заимствовав у Суншевых остальные звенья их родословного древа. Хаджи-Хан-

мурза Шаханов в конце XIX в. передал Н.Н. Харузину расширенную редакцию предания о Басиате, приписывавшую ему крымские корни и причислявшую его прямо к потомкам Чингиза через введение в его генеалогию новых персонажей – ханов Борака и Джанибека [Балкария III, 2006, с. 93, 123].

Следует специально остановиться на источниках тех элементов родословных тюрков Кавказа, которые не восходят непосредственно к сюжетным линиям *Чингиз-наме*. В частности, Джанибек-хан, сын Узбека, являлся одним из самых популярных персонажей татарской историко-фольклорной литературы, в которой время его правления олицетворяло «золотой век» улуса Джучи [Шумкин, 2010, с. 30]. Второй упомянутый в генеалогии правитель, Борак, сын Койричака, был известен в литературной традиции как основатель династии казахских ханов. Между прочим, он был отцом казахского хана Абу Са'ида, который также носил тюркское имя Джанибек, благодаря чему в легенде произошла контаминация образа двух одноименных правителей. Отметим ещё две детали, появившиеся в предании вместе с новыми звеньями генеалогии. Во-первых, это Крым, который в кавказском фольклоре считался родиной Борак-хана¹. Во-вторых, внесение Борака в родословную басиат отразилось на передававшейся в связке с ней генеалогической легенде Мысаковых. Если в её первой редакции Мысака был представлен в качестве бывшего *узденя* Басиата из Маджар, то во второй он изображался выходцем из Брагун, бежавшим от гнева князей этого аула Таймазовых в местность Кашкатау, лежащую при входе в Черекское ущелье [Миллер, 2008, с. 853; Балкария III, 2006, с. 98].

Необходимо разъяснить, что название «Брагуны» принадлежало кумыкскому аулу, располагавшемуся у слияния Сунжи и Терек. Он был основан в конце XVI в. Таймас-беком, родоначальником местных князей, именно которых и упоминает одна из редакций генеалогической легенды Мысаковых [Kırzioğlu, 1993, с. 314;

¹ В действительности Борак, также, как и его дед Урус, отец Койричак и длинный ряд потомков (казахских ханов), правил левым крылом улуса Джучи. Лишь ненадолго под его контролем оказались территории к западу от нижнего течения Волги вплоть до Азака включительно. Разумеется, образ Борака из кавказских легенд уходит корнями в казахско-ногайскую традицию.

РЧО, 1997, с. 276]. Однако традиция утверждала, что своё название аул получил от Борака-хана, через которого Таймазовы, как и Суншевы, возводили своё происхождение к Чингиз-хану [Potocki, 1829, р. 122, 138]. Дело в том, что фольклоризованное жизнеописание Борака на Кавказе превратилось в народное сказание, не ограниченное рамками реальных фактов его биографии. Якобы, потерпев поражение в борьбе за престол, он бежал из Крыма с 1700 кибиток (пятью тысячами душ) и с помощью «кубанских князей» поселился у реки Сулак, на месте будущего кумыкского аула Эндирей. Но вскоре он был вытеснен оттуда то ли шамхалом тарковским, то ли персами, прибывшими из Дербента, и основал аул Бороган¹ [ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 8, л. 40; ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 6, л. 20; ЦГА РД, ф. 105, оп. 5, д. 6, л. 4; Сборник, 2003, с. 50, 52; Потто, 2007, т. 2, с. 106; Семенов, 1895, с. 238, 393–394; Костерин, 1924, с. 297].

Благодаря механическому совмещению цикла Борака с родословными басаит и Мысаковых, предания о маджарском, крымском и брагунском происхождении стали легко взаимозаменяемыми конъектурами, связываемыми с идеей ханской власти [КРО, 2007, с. 553]. Даже в некоторых редакциях песни о Кайсыновых, которая описывает не эпические, а реальные исторические события середины XVII в., Брагуны и Маджары заменили Темиргой, откуда прибыли эмиссары крымского хана (см. далее) [Этюды, 2007, с. 71]. Таким образом, фольклорная традиция кавказских тюрков помещала юрт Борака на территории брагунского общества² [Семенов, 1895, с. 424]. Кроме того с его улусом связывались развалины золотоордынских городов Татартупа и Маджар (на это, в частности, указывает данное последнему городищу название Бургон-Маджар³)

¹ Русское название аула появилось под влиянием адыгского произношения Барагуни.

² Благодаря этому возникли недоразумения по поводу личности фольклорного Борака. Ф. Гребенец попытался отождествить его с неким Бек-Султаном ибн Кудайнатом, похороненным в Ингушетии, на основании того, что склеп этого последнего был известен среди местного населения как Борга-Каш, «брагунский кешене», а также с «вождём асов» Бураканом, одним из эмиров Тохтамыш-хана, принявших участие в войне с чагатайцами [Гребенец, 1913].

³ Широкой популярностью в XIX в. пользовалась русская народная этимология, выводившая название «Бургон-Маджар» от бургундского вина [Историче-

[Клапрот, 2008, с. 156; Швецов В., 2010, с. 5; Потто, 1991, с. 15; ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 8, л. 40]. В Эндирее также существовал квартал Бораган-аул, согласно легенде служивший первым местом поселения Борака-хана на Кавказе [Семенов, 1895, с. 238; Сборник, 2003, с. 122; Дербенд-наме, 2007, с. 25–26; Костерин, 1924, с. 297].

Оказались адаптированными под цикл легенд о Бораке, помимо маджарского предания, и другие татарские фольклорные сюжеты. Например, предание о походе ногайского бия Мама¹ на Крымское ханство в 1523 г. [Семенов, 1895, с. 238, 393–394; Костерин, 1924, с. 297]. Подобная контаминация встречается также в башкирских родословных, составители которых совместили в одном сюжете рассказы о таких разновременных персонажах, как Борака, ногайские бии Урак и Мамай, а также сибирский хан Кучум [Башкирские, 1960, с. 80].

Ещё одним персонажем бораковского цикла оказался Кырым-хан² [Костерин, 1924, с. 297]. Впрочем, эта загадочная личность, упоминаемая только в одной из записей предания о Бораке, в противоположность другим героям тюркских генеалогий Кавказа, не имеет реальных исторических прототипов. Тем не менее, уже сефевидский автор Мухаммед Аваби Акташи, поселившийся в XVII в. в Эндирее, был знаком со связанным с Кырымом фольклорным сюжетом, контуры которого он обозначил в своём сочинении *Тарих-и Дербенд-наме*. Интересующий нас текст корректнее всего передан в старом переводе *Дербенд-наме* Я. Рейнегтса, точнее говоря, в выполненном этим автором пространном переложении своей работы на русский язык, где приведена краткая справка по истории Татартупа: «Жители онаго, оставив жилища свои, поля, поселились в том месте, где ныне находится Херсон. Татарская история повествует, что они, наконец, завладели Тавридою и по имени предводителя называли они полуостров Кирым, сами же они,

ский, 2008, с. 455]. Однако, другое название Маджар – «Мамаев городок» – может несколько уменьшить сомнения по поводу связи с именем Борака [Клапрот, 2008, с. 98]. Ведь как показано далее, сюжеты сказаний о Бораке и Мамае в поздней традиции были объединены в один цикл.

¹ Н. Семенов ошибочно отождествил Мама¹ с одноимённым кыятским бием, благодаря чему позже К. Абдурахманов отнёс фольклорные события к истории шестисотлетней давности [Костерин, 1924, с. 297].

² В рассказе Куреза Абдурахманова Керим-хан [Костерин, 1924, с. 297].

назвавшись по имени города своего Татара татарами, также новое получили название и сделались известными под именем крымских татар» [Дагестан, 1992, с. 263].

Следующий за Рейнегтсом исследователь *Дербенд-наме*, Г.Ю. Клапрот, перевёл этот отрывок очень сжато, указав лишь, что после разрушения Татартупа «все его жители перебрались под власть хана крымского, а потом вернулись вместе со многими татарами» [Дербенд-наме, 2007, с. 92]. Ориентируясь на предложенную Г.Ю. Клапротом интерпретацию текста, позднейшие переводчики считали, что в *Дербенд-наме* упомянут безымянный «крымский хан» [Дербенд-наме, 2007, с. 41; Дагестанские, 1993, с. 18]. В действительности Мухаммед Аваби Акташи писал в своём сочинении об известном эпонимическом герое ногайских родословных, якобы обитавшем когда-то в Татартупе. Согласно литературной традиции, торговые операции привели этого персонажа на Зелёный остров, являвшийся тогда юртом франков. Оттуда Крым отплыл с торговой миссией в Стамбул и убедил местного *падишаха* завоевать Зелёный остров. Впоследствии остров, заселенный народом из Татартупа, был назван именем Кырыма. С этим квазиисторическим преданием связывалось разделение татар, якобы перебравшихся из Татартупа в Крым, и ногайцев, оставшихся на Кавказе [Смирнов, 2005, т. 1, с. 99].

Эта легенда заслуживает пристального внимания, так как если рассмотреть в ракурсе её сюжетной схемы генеалогические предания тюркских княжеских династий Северного Кавказа, можно восстановить утерянную в них логику повествования. В частности, таинственное переселение князя Карача из Стамбула в Крым и характер его отношений с тремя братьями обычно оставлялись рассказчиками без разъяснений. Но если принять как исходный факт то, что карачаевские *улу-уздени* старейших фратрий возводили своё родословие не просто к какому-то безымянному крымскому хану, а к самому Кырыму¹, сыновьями которого легенда называла Абдрухая, Будияна и Науруза, то эти события полностью мотивируются сюжетом его обращения к Стамбульскому *падишаху* за помощью для завоевания острова. Дальнейшее бегство героев из Кырма на

¹ Подобно Г.Ю. Клапроту, А.Н. Дьячков-Тарасов увидел в персонаже легенды безымянного «крымского хана» [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13].

Кавказ в результате борьбы за престол объединяет предания о Караче и Бораке (свидетельством общности их сюжета, возможно, является указание на поддержку Борохана «кубанскими князьями»). Вероятно, происхождение малкарских князей Мысаковых также связывалось с циклом Борака. Эти квазиисторические клише проникли даже в фольклор соседних кабардинцев, в котором упоминается заморская родина братьев Барахуновых [СМОМПК, 1891, ч. 1, с. 63; Миллер, 2008, с. 944].

Характерная жанровая особенность генеалогических преданий тюрков Кавказа заключается в том, что ареной разыгрывающихся в них действий служат Крым и Стамбул. Впрочем, ещё Г.Н. Ахмаров обратил внимание на то, что казанские татары также склонны были выводить свои родословные из «Турции» (Рума) [Усманов, 1972, с. 182]. Эта общая черта татарских родословных на самом деле объясняется тем, что в золотоордынской традиции выражение «Крым и Урим» служило обозначением границ обитаемой ойкумены. В старой тюркской литературе оно могло использоваться для образного описания мировой власти¹ [Галаяутдинов, 1998, с. 158]. До сих пор в казахской речи широко употребляется фольклорная формула «твой сын в Крыму, а дочь в Уриме» [СИГТЯ, 2002, с. 216]. А в русском языке, куда оно попало в качестве заимствования, выражение «пройти Крым и Рым» стало ассоциироваться с тяжёлыми испытаниями. Однако термин «Урим» допускал несколько переводов на европейские языки и поэтому при фиксации произведений северокавказского фольклора в XVIII–XIX вв. передавался, как правило, не совсем точно. Чаще всего его истолковывали как обозначение территории Турции, или же как этноним «греки», а В.Я. Тепцов вообще перевёл его термином «Восток» (в действительности для тюрков слово «Урим» служило как раз наоборот обозначением Запада) [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 7, 13–14; Тепцов, 2009, с. 30].

¹ Слово Рум служило в тюркском языке общим обозначением Запада. В частности, башкирский мулла Т. Ялчыгулов в своём сочинении, составленном на османизированном языке, использовал несколько видоизменённую формулу «Крым и Магриб». Вероятно, он специально заменил слово «Урим» арабским эквивалентом, чтобы уточнить для читателя его значение стороны света и тем самым избежать указаний на территорию Турции.

Итак, первоначально в тюркском фольклоре Кавказа получил распространение традиционный жанр татарского *шаджара*. В этом литературно-фольклорном жанре Крым вместе с Уримом выступали в ипостаси «тридесатого царства, тридевятого государства», очерчивая границы обитаемой вселенной. Благодаря тому, что после падения Большой Орды и присоединения Астраханского ханства к России память о них была полностью утрачена северокавказскими тюрками, сведения о своём прошлом они вынуждены были искать в крымской, ногайской и поволжской исторической традиции. Когда крымские ханы захватили гегемонию над регионом, Крым стал понемногу восприниматься горцами как собственная квазиисторическая родина. Помимо политических причин этому также могло способствовать осознание жителями горских обществ этнографической близости между крымцами и собой, в противоположность соседним ногайцам. Таким образом, сюжеты *Дафтар-и Чингиз-наме* и других популярных татарских историко-фольклорных сочинений, претерпев в горах оригинальную эволюцию, легли в основу княжеских генеалогий.

Глава III

КАРАЧАЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В XVI–XVII ВЕКАХ

§ 1. Мифы и реальность в преданиях о князе Карача

Традиционно начало истории Карачаевского общества принято связывать с жизнеописанием его основателя, князя Карача, первое упоминание о котором в научной литературе было сделано ещё Г.Ю. Клапротом [Клапрот, 2008, с. 164; Бларамберг, 2010, с. 288; АБКИЕА, 1974, с. 330; ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109–110, 111 об., 113 об.–114 об., 116, 117 об.; д. 23, л. 65 об.–66, 76–76 об.; Извлечение, 1870, с. 14; Сборник, 2003, с. 139–140, 209; Миллер, 1992, с. 611; Миллер, 2008, с. 878–879; Петров, 1880, с. 126–127; Тепцов, 1892, с. 92–96; Дьячков–Тарасов, 2009а, с. 7, 13–15; Дьячков–Тарасов, 2009б, с. 34; Сысоев, 2009, с. 92–93; Миллер, 2009, с. 11, 13–16; Чеккуев, 1899; Карачай, 2011, с. 194–195, 344–345, 376–377; Орлов, 1902, с. 168; Алиев, 1927, с. 34–37; Воронцов-Вельяминов, 2008, с. 16–17, 50; Лавров, 2009а, с. 11; Лайпанов, 1957, с. 11–12; МНС, 1960, с. 77–78, 292]. Однако при внимательном рассмотрении общего свода преданий об этом герое в нём можно выделить как историческое ядро, так и чисто фольклорную преамбулу. Единственная запись основной части преамбулы была выполнена в 1883 г. В.Ф. Миллером под диктовку баксанского князя Хамзата Урусбиева [Миллер, 2008, с. 845, 878]. Но благодаря тому, что главный герой фигурировал в ней анонимно, её принадлежность к карачаевскому циклу автору удалось установить лишь благодаря этнографическому очерку Н.Г. Петрусевича [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109, 113 об.–114]. Видимо, ограниченная известность начальной части преамбулы объясняется тем,

что с ней связывалась лишь генеалогия княжеских фамилий. Поэтому Урусбиевы, прославившиеся как лучшие знатоки горского фольклора, были одними из последних хранителей первого сюжета этой легенды [Балкария I, 2005, с. 37, 40; Тепцов, 1892, с. 131; Этюды, 2007, с. 13, 18–19, 28–29, 63, 96]. Последующим авторам он был знаком лишь в виде смутного указания на связь карачаевцев с Тамерланом [Тепцов, 1892, с. 162–163; Племена, 2011, с. 261; Лайпанов, 1957, с. 9–10]. Несколько большей популярностью пользовалась вторая часть преамбулы, вводившая в повествование основателей главных фратрий *улу-узденей*. Описанное в первоначальном виде Н.Г. Петрусевичем, ко времени Б. Чеккуева и Н.Е. Талицкого продолжение преамбулы было уже инкорпорировано в состав исторического предания¹ [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109; Чеккуев, 1899; Карачай, 2011, с. 344–345].

Главный герой в юности поступил в ученики к бедному мулле из Стамбула². Умирая, мулла сделал его своим наследником. Именно из-за траура по учителю персонаж получил прозвище Карача («черноватый», его настоящее имя остаётся неизвестным) [Чеккуев, 1899]. Некоторое время спустя Карача, вопреки строгому запрету, открыл завещанный ему учителем *каламдар*³ и нашёл в нём огарок свечи. Используя однажды этот огарок, он обнаружил его чудесную силу повелевать джиннами. В течение следующих нескольких лет Карача заставлял духов каждую ночь доставлять ему первую в мире красавицу. Однако девушка оказалась дочерью правителя Дербента Аксак-Темира, который разузнал при помощи хитрой уловки с яблоком о том, где обитает её любовник, осадил Стамбул и вынудил Карача сдаться. Но затем поражённый его властью над джиннами Темир выдал свою дочь за него замуж [Миллер, 2008, с. 878–879]. Хотя от этого союза и родились сын Дуда и дочь Кюнсулю, Карача, не довольствуясь браком, прижил детей с рабыней-*караваши*. Когда последней пришло время родить, дочь

¹ До А. Н. Дьячкова-Тарасова весь этот сюжет дошёл лишь в виде глухого указания на «мор» [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 14].

² В других версиях начало легенды связано с Кашгаром и Золотой Ордой, или Эскишехиром в Турции (названия обоих городов в арабской графике выглядят схожим образом) [Чеккуев, 1899; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13–14].

³ قلندار (перс.) – «пенал для письменных принадлежностей».

Аксак-Темира не дала ножниц, чтобы отрезать пуповину, и пришлось обрубить её топором, в честь чего родившегося мальчика назвали Балта, а девочку Сынты («топор» и «ножницы») [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 114].

Затем действие легенды перенеслось в Крым, где Карача встретил сыновей «крымского хана» Абдрухая, Будияна и Науруза [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13]. Вступив в борьбу за ханский престол и проиграв её, они вчетвером бежали из Крыма и поселились с шестьюдесятью семьями подданных в Джемете у Анапы [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 7, 13; Чеккуев, 1899; Карачай, 2011, с. 344; Миллер, 2009, с. 13–14; Сысов, 2009, с. 92]. Здесь спутники Карача вступили в противоборство с *сарубеком*¹, которого выстрелом из лука убил Науруз. Однако даже пролитая кровь мёртвого змея заставила упасть в обморок Абдрухая, а затем вызвала смерть всех карачаевских женщин [Чеккуев, 1899; Карачай, 2011, с. 344–345].

Анализируя преамбулу легенды нельзя не обратить внимания на её чисто фольклорную основу. Например, образ главного действующего лица предания имеет прототип в житии мусульманского святого Карача-‘азиза, фрагментарное изложение которого оставил башкирский просветитель Г. Кииков. В бытность Карача-‘азиза учеником муллы, рассказывал Кииков, духи по его приказу ночью возвели Таш-Мечеть, неоконченную из-за наступления зари. А на могиле святого, как слышал Кииков, по ночам видели ту самую горящую свечу [Башкирские, 2002, с. 391–392, 396–398].

Что же касается сюжета осады Стамбула Аксак-Темиром, то он целиком заимствован из *Дафтар-и Чингиз-наме*, татарского историко-фольклорного сочинения, составленного в конце XVII в. [Даль, 1838, с. 881–885]. Попробуем сопоставить легенду о Караче с текстом источника. Наиболее характерную картину взаимоотношений между письменным памятником и устным фольклором карачаевцев дают названные в предании даты. В *Чингиз-наме* к 20-му числу месяца зульхиджа 700 г. хиджры приурочено взятие Аксак-Темиром города Булгар. Среди исследователей карачаевских сказаний точные даты жизни Карача привели только двое. А. Н. Дьячков-Тарасов в 1313 г.х. (1897 г. н.э.) сообщил, что собы-

¹ Видоизменённое тюркское название мифического дракона – *сарухана*.

тия легенды имели место 587 лет назад [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 15; Дьячков-Тарасов, 2009б, с. 34]. Несколько иную датировку в 1316 г.х. (1899 г. н.э.) привёл Б. Чеккуев – 616 лет назад [Чеккуев, 1899]. Но Б. Чеккуев, будучи карачаевцем, хорошо владел легендой, чего нельзя сказать о А.Н. Дьячкове-Тарасове, который, столкнувшись с трудностями перевода, запутался в календаре и в результате возраст своего информатора Б. Джанкёзова трижды изобразил различным образом (63, 90, 120 лет) [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13, 15, 21; Дьячков-Тарасов, 2009б, с. 34]. По-видимому, 587 лет он отсчитал вместо 613, что совпадает с 700 г.х. (1300 г. н.э.), на который указал Б. Чеккуев. Эта ошибочная дата, предвосхищающая походы Тимура на целое столетие, часто встречается в основанной на *Чингиз-наме* литературе [Мустакимов, 2008, с. 155; Башкирские, 1960, с. 117]. Несомненно, источником карачаевского фольклорного предания была одна из рукописей *Чингиз-наме*, проникших на Кавказ (список пятой главы этого сочинения удалось найти в Моздоке Г.Ю. Клапроту) [Клапрот, 2008, с. 98].

На войны Аксак-Темира очевидно, указывает и рассказ П. Стеблинского об опустошении горных ущелий «ханом Золотой Орды» [Стеблинский, 2009, с. 37–40]. Существовала устойчивая традиция связывать местные археологические достопримечательности с событиями эпической осады Стамбула. Например, Х. Урусбиев считал, что остатки рва между Нальчиком и ст. Котляревской, известные в народе как «дорога зятя», являются следом оставленным армией Темира на обратном пути из Стамбула в Дербент [Миллер, 2008, с. 878–880]. Рассказывали также и об осаде Темиром Боргустана, прозванного Урум-Кале (местное население видимо перенесло рассказ об осаде Стамбула, являвшегося центром османского региона Урум, на лежащие под боком развалины Боргустана) [Балкария III, 2006, с. 51–52].

Связанный с *улу-узденями* мотив змееборства, также как и завязка легенды, заимствован из *Дафтар-и Чингиз-наме*, прямой ссылкой на текст которого, судя по всему, является указание на убийство «второго *сарубека*» ногойцем [Чеккуев, 1899; Карачай, 2011, с. 344]. Вслед за осадой Стамбула в *Чингиз-наме* описана эпопея борьбы билярских беков со змеем Бараджем, завершившаяся его исчезновением и их переселением на реку Кубня. Этот сю-

жет мог быть понят читателем, незнакомым с географией Казанского ханства, как намёк на переселение ногайцев за Кубань.

Эта часть легенды выразительно демонстрирует кредо волшебной восточной сказки, которое исследователи XIX–XX вв. упустили из внимания, пытаясь найти в преамбуле непосредственное указание на происхождение карачаевцев. Так, в записях Я.К. Бешше их родина описана образно, как «плодородные земли от Азова до Дербента», «их нация проживала за Кубанью, в степях, занятых ныне казаками-черноморцами» [АБКИЕА, 1974, с. 330]. И лишь ознакомившись со статьёй Б. Чеккуева, можно понять, что речь идёт о Золотой Орде [Чеккуев, 1899]. Н.Г. Петрусевич, В.Я. Тепцов и А.Н. Дьячков-Тарасов обнаружили, что в предании названы одновременно две разные родины карачаевцев – Крым и Турция или Восток [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109; Тепцов, 1892, с. 96; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 7, 13–14]. Однако сопоставление разных редакций позволяет выявить фольклорную подоплёку этой географической легенды. Ранние рассказчики изображали картину переселения Карача из Турции через Крым на Кавказ. Но поскольку неожиданная смена места действия предания уже в конце XIX в. стала необъяснимой, позже образ князя попытались разделить на два персонажа – Карча из Крыма и сына турецкого военачальника Карачая (то же самое произошло и с прототипом двух *сарубеков* – змеем Бараджем) [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13–14; Карачай, 2011, с. 344]. Даже число семей карачаевцев (шестьдесят) носит чисто фольклорный характер, и имеет широкие параллели в тюркском народном творчестве [Башкирские, 1960, с. 95; Этиюды, 2007, с. 91].

Резко отличается от преамбулы историческая часть легенды, сохранившаяся в довольно многочисленных записях. Начало её посвящено Эски-Джурту, раннему поселению карачаевцев в бассейне реки Архыз¹, откуда они переселились в ущелье р. Баксан [АБКИЕА, 1974, с. 330; ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109–109об.; Извлечение, 1870, с. 14; Петров, 1880, с. 126–127; Миллер, 2009, с. 14, 16; Чеккуев, 1899; Карачай, 2011, с. 194–195, 344–345, 377; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 14; Лавров, 2009а, с. 11].

¹ Архыз или Иркиз – верховье реки Зеленчук.

Проживавших на Архызе карачаевцев застали там переселившиеся с южного склона Кавказского хребта абазины кызылбеки¹, которые наложили на них *тишлик* в размере одной коровы с семьи². Чтобы освободиться от дани, Карача с товарищами перебил часть кызылбеков и покинул Закубанье. Перейдя Кубань, князь карачаевцев укрылся в верховьях реки Баксан от кабардинцев. Там его люди прожили около шести спокойных лет [Карачай, 2011, с. 194]. Однажды, чтобы построить мост через реку, им пришлось срубить несколько деревьев, и по щепкам, унесённым вниз течением реки, их поселение Эль-Джурт открыл кабардинский князь Гази Пшеапшоков. Он обложил их данью, вместо которой Карача решил послать ему связанную собаку. Разгневанный Гази захватил селение карачаевцев и вынудил Карача бежать к сванам, с помощью которых некоторое время спустя последнему удалось увести стада кабардинца. Вслед за этим при посредстве *крымиамхала* Гази вступил в переговоры с князем карачаевцев, который выдвинул три условия заключения мира – возврат друг другу захваченного, выделение из него доли сванам за оказанную ими Караче помощь, и предоставление карачаевцам независимости. На плату сванам кабардинский князь не соглашался до тех пор, пока Карача в гневе не опустил на камень, служивший ему сиденьем, так что от него откололись четыре осколка. Испугавшись столь сверхъестественной силы, Гази принял все условия [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109–109об.; Карачай, 2011, с. 194–195; Тепцов, 1892, с. 94–95; Чеккуев, 1899; Алиев, 1927, с. 36–37; Воронцов-Вельяминов, 2008, с. 16]. При этом в плату за умершего в плену карачаевца кабардинцы отдали Караче двух рабов³ [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109об.;

¹ А.Н. Дьячков-Тарасов вместо кызылбеков поместил в предание турок.

² *Тиш* (тюрк.) – «дань, подарок» [Смирнов, 2005, т. 1, с. 321–323]. Между прочим, запись Н.Е. Талицкого сообщает об истреблении абазин иносказательно, указывая, что в *тиш* входили коровы «с желтыми ушами» (в горском фольклоре «жёлтое ухо» – символ возмездия) [Карачай, 2011, с. 344; Этюды, 2007, с. 98]. Я.К. Бешше, видимо, не понял специфику этой идиомы и описал состав *тиша* как «одну белую корову с чёрной головой или, за неимением таковой, трёх обычных коров с каждой семьи» [АБКИЕА, 1974, с. 330].

³ Согласно обычному праву кабардинцев, в плату за убитого *пиштя* его хозяин действительно должен был получить двух новых рабов, на что намекает и записанный Л.И. Лавровым рассказ [Адаты, 2010, с. 151; Лавров, 2009а, с. 11].

д. 23, л. 65 об.–66; Дьячков–Тарасов, 2009а, с. 14; Миллер, 2009, с. 14, 17; Чеккуев, 1899; Лавров, 2009а, с. 11; Карачай, 2011, с. 377; Алиев, 1927, с. 36; Воронцов-Вельяминов, 2008, с. 17]. После смерти и погребения Карача в верховьях Баксана власть перешла к мужу его дочери Кюнсулю, *крымишмахлу* Бекмирзе [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 114–114об., 116об.; Карачай, 2011, с. 307]. На Баксане карачаевцы прожили после этого довольно долго¹.

Первоначальное место жительства карачаевцев легенда помещает на р. Большой Зеленчук. Чтобы правильно идентифицировать исторические события, обозначенные в предании, следует учесть, что вдоль лежащего рядом русла Лабы проходила западная граница Асского *вилаета* Золотой Орды². Жившие за этой рекой черкесы в конце XV в. освободились от власти большеордынцев и вступили с ними в противостояние [Зайцев, 2006, с. 53, 206, 208–209]. Победителями из него вышли кабардинцы, занявшие в первой трети XVI в. Пятигорье. Однако, завладев новыми территориями, кабардинские князья сразу же начали борьбу за власть между собой. Когда князья Айдар и Тохтамыш собрали у Кызыл-Буруна ополчение низовых черкесов против своих двоюродных братьев Джанхотовых, последние, воспользовавшись собственным родством с абхазскими князьями Ачба, привели к этому урочищу около трёх тысяч абазин. В разыгравшемся там сражении погиб их князь Дударуко [Ногмов, 1994, с. 104]. В 1552 г. эти абазинские переселенцы, получившие название *тапанта* – «равнинные», под начальством князя Льва Ачба (родоначальника фамилии Лоовых [Лавров, 2009б, с. 18]) приняли участие в битве при Кишпеке, сражаясь вместе с кабардинцами против войск *шамхала* [Ногмов, 1994, с. 116]. В документах первые упоминания об абазинах-*тапанта* появились чуть позже, на рубеже XVI–XVII вв., когда в сношения с Москвой вступили внуки Дударуко, Гази и Алкаш Кардануковы [КРО, 2006, с. 145, 606, 611]. Сохранились указания на то, что в этот временной период *тапанта* жили на Зеленчуке,

¹ У А.Н. Дьячкова-Тарасова «сорок лет» [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 14; Алиев, 1927, с. 35]. Тюркское образное выражение, означающее длительный период времени.

² На это указывает, судя по всему, и название одного из истоков реки Лаба, Загдан, видимо осетинского происхождения.

подчиняясь Гази Пшеапшокову и его брату Шаугенуко, и находились во враждебных отношениях с кабардинскими князьями Айдаровыми, один из которых, Кайтуко Мансуруков утонул в Кубани во время набега на абазин [КРО, 2006, с. 607; КРО, 2007, с. 285].

Сложность интерпретации этой части предания заключается в том, что речь в ней идёт о кызылбеках. Этот этноним карачаевцы использовали как общее наименование более поздних, чем *тапан-та*, абазинских переселенцев на Северный Кавказ – *ихарауа*, которыми управляли абхазские князья Маршани, но само его происхождение носит довольно поздний характер [Караулов, 2009, с. 43]. Кызылбек – имя крымского *султана*, поселившегося во второй половине XVIII в. в одном из аулов шхаравского общества Башилбай [КРО, 2007, с. 216, 273, 532; Смирнов, 2005, т.1, с. 206; Гильденштедт, 2002, с. 228; Клапрот, 2008, с. 120, 134; Бларамберг, 2010, с. 132; Броневский, 2002, с. 129; Хан-Гирей, 2008, с. 248; Племена, 2011, с. 152; Потто, 2007, т. 1, с. 84]. Впервые одно из обществ *ихарауа*, баговское, упоминается в грамоте Посольского Приказа от 1615 г. (речь идёт об «Обангинских кабаках», принадлежавших абазинскому князю Арзубеку) [КРО, 2006, с. 158]. Таким образом, время миграции *ихарауа* от Инал-Куббе¹ в долину Зеленчука, скорее всего, укладывается в хронологические рамки второй половины XVI в.

Обращает на себя внимание фольклорный характер завязки следующего сюжета, повествующей об открытии поселения карачаевцев по щепкам, плывущим вниз по течению реки. В генеалогических легендах тюрков Северного Кавказа с помощью этого приёма в повествование обычно вводятся основатели главных феодальных фамилий – малкарских Мысаковых, чегемских Баймирзовых и Малкаруковых [Миллер, 2008, с. 853, 858]. Но в исследуемом предании эта сюжетная схема подготовила появление Гази Пшеапшокова, что видимо должно было подчеркнуть исключительное значение кабардинских князей Газиевых в истории карачаевского общества. С момента своего вступления в сношения с Москвой в 1578 г. до своей смерти в 1615 г. Гази был хорошо известен как

¹ Этот пункт легенда называет их родиной. А.Н. Дьячков-Тарасов не совсем правильно понял рассказ и считал Инал-Куббе местом старого поселения самих карачаевцев [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 13–14].

один из главных деятелей международных отношений на Северном Кавказе [КРО, 2006, с. 74, 637; Посольская, 2006, с. 172].

Некоторые данные позволяют считать другой ключевой фигурой кавказской истории тех лет ещё одно действующее лицо легенды, *крымшамхала*. В частности материалы дипломатических сношений между российским царём Фёдором Ивановичем и кахетинским Александром в последнем десятилетии XVI в. видимо демонстрируют претензии Бекмирзы на шамхальский престол. В связи с походом русских войск под началом воеводы А.И. Хворостинина на Тарки в 1594 г. было достигнуто предварительное соглашение, в случае удачного исхода этого предприятия, передать должность дагестанского *валия крымшевалу*¹ [Белокуров, 1889, с. 253, 255, 257, 266, 273, 275, 288, 293; Переписка, 1861, с. VII]. Хотя в переписке между царями не названо имя последнего, в ней указывается на его отсутствие в 1594 г. в прикаспийском Дагестане, что позволяет отождествить безымянного *крымшамхала* с находившимся в Карачае Бекмирзой. Своё участие в судьбе *крымшамхала* кахетинский царь объяснял собственным свойством с шамхальским родом через кабардинского *кодза* Хату Анзорова, на дочери которого был женат сын Александра, а на племяннице Чобан-*шамхал* [Кушева, 1963, с. 110]. Вероятно, именно родство с Анзоровыми могло сделать Бекмирзу оптимальным посредником между кабардинцами и карачаевцами.

Большой интерес представляет данное легендой описание кабардино-карачаевских отношений конца XVI в., которое, однако, не столько проясняет сложившуюся тогда ситуацию, сколько вызывает ещё большее количество вопросов. В частности, вслед за отказом платить дань, Карача отправил Гази собаку. Так выглядела разновидность очистительной присяги горцев, широко практиковавшаяся среди осетин, вайнахов, пшавов и хевсур. Ответчик должен был отправить истцу собаку, чтобы тот убил её, посвятив покойным родственникам первого [Ковалевский, 1995, т. 2, с. 288; Ковалевский, 2006, с. 96–99; Далгат, 2008, с. 202–203; Адаты, 2010, с. 174, 205]. Однако, в связи с относительно ранним распространением *шариата* в Карачае, этот сюжет, видимо, был рассказчиком

¹ Именно в таком виде этот термин появляется в русских летописях и архивах.

XIX в. непонятен, потерял свой первоначальный смысл и преподносился ими как простая насмешка над кабардинцем.

Итак, история возникновения карачаевского общества приобрела крайне фольклоризованный вид благодаря тому, что карачаевские князья и *улу-уздени* возводили свои генеалогические легенды к эпическим сюжетам *Дафтар-и Чингиз-наме*. В этих преданиях произошла контаминация личности основателя общества князя Карача с образом одноименного мусульманского святого. А поскольку никаких воспоминаний о Большой Орде или Астраханском ханстве карачаевцы не сохранили, то склонны были относить основание своего первого поселения в верховьях Зеленчука к одному времени с походами чагатайского эмира Тимура. В действительности оно возникло в XVI в., но во второй половине того же столетия было ими оставлено из-за переселения в этот район с морского побережья абазин-*ихарауа*. Около 1570-х гг. карачаевцы осели на Баксане, попав в зависимость от кабардинских князей Бийарслановых. Завершилась эта эпопея после смерти князя Карача переходом власти над обществом от его семьи к выходцу из шамхальского рода.

§ 2. Карачаевское общество в Пятигорье

Если об истории Карачаевского общества в XVI в. сохранились лишь фольклорные сведения, то в XVII в. упоминания о карачаевцах появились в письменных источниках. При этом до нас дошло всего два фольклорных описания событий тех лет. Первое содержится в генеалогических преданиях, собранных Н.Г. Петрусовичем, которые рисуют общую картину жизни следующих поколений карачаевских феодалов [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 116–116об.; д. 23, л. 77]. Второе – в популярном произведении народного творчества адыгов, *гыбзе* абазинской княгини Гошагаг Бибердовой, которая была связана узами брака с двумя карачаевскими князьями [Кабардинский, 2000, с. 445–449, 612–613; Карачай, 2011, с. 124–126, 307–313; Балкария I, 2005, с. 10–11; Тепцов, 1892, с. 93–95, 141–142].

В связи с тем особым местом, которое последнее творение занимает среди источников по истории карачаевцев, необходимо сказать пару слов о таком специфическом жанре адыгского аристо-

кратического фольклора, как *гыбза*, букв. «плачевная речь», песня скорби. *Гыбза* являлась причитанием по усопшему и составлялась в форме плача, в данном конкретном случае передававшего личное горе вдовы Гошагаг, сопряжённое с гибелью её первого мужа князя Каншау Крымшамхалова (интересующая нас *гыбза* была переведена на тюркский язык и пользовалась в горах большой популярностью) [Кабардинский, 2000, с. 148–149, 622]. Впрочем, несмотря на широкую известность плача Гошагаг, общие литературные традиции произведений этого жанра создавали определённые сложности для правильной интерпретации изображаемых *гыбзой* событий жизни покойного. Чтобы вызвать скорбь слушателей героизированные деяния усопшего в ней скрывались за намёками, как факты прекрасно известные присутствующим [Кабардинский, 2000, с. 148]. Поэтому *гыбза* была непонятна без особых комментариев, истинный смысл которых знали зачастую лишь современники воспетаемого ею персонажа.

У *крымшамхала* Бекмирзы и дочери Карача было четыре сына – Эльбуздук, Камгут, Каншау и Гиляхстан [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 116об.; Карачай, 2011, с. 307, 310]. Второй из братьев, Камгут, был воспитанником тапантовских князей Бибердовых. В нарушение норм кабардинского обычного права он выбрал невестой дочь своего воспитателя, которую и похитил. Однако вскоре Камгут умер от оспы (он был похоронен в *кешене*¹, расположенном на правом берегу реки Баксан напротив селения Эль-Джурт) [Балкария I, 2005, с. 9–11; Тепцов, 1892, с. 93–94, 141–142]. Тогда на Гошагаг Бибердовой женился третий сын Бекмирзы, Каншау. Но счастье семейной жизни для молодой четы продлилось недолго. Виновником их разлуки *гыбза* называет молочного брата Каншау, кабардинского князя Хатокшуко Газиева [Карачай, 2011, с. 308, 310, 312].

Истинная подоплёка событий тех лет облечена песней в форму фольклорного сюжета, отразившего адыгские представления о магическом характере болезней. Якобы из-за ревности жена Хатокшуко дала Каншау зелье, вызвавшее гниение плоти и выпадение волос (описание напоминает проказу) [Карачай, 2011, с. 308–310;

¹ کاشانه (перс.) – «дом, жилище, обиталище». В тюркском языке использовалось в значении «усыпальница, мавзолей».

Кабардинский, 2000, с. 445]. Тогда в поисках исцеления он отправился через Гази-Кумук в персидскую Шемаху, откуда вскоре вернулся в Эль-Джурт, но через три с лишним года, забрав детей Кансита и Кантину, снова уехал в Персию, где выдал дочь замуж за Шемахинского хана¹ [Карачай, 2011, с. 309, 311]. Конец *гыбзы* повествует об осаде Еревана *гяурскими* войсками, которые форсировали реку, наведя через неё мост. Обороняя Ереван, Каншау был сражён на этом мосту пушечным ядром [Карачай, 2011, с. 309–310, 312]. После смерти Каншау, Гошагаг по обычаю *тул* (левират) вышла замуж за его старшего брата Эльбуздука, остававшегося до тех пор неженатым из-за инвалидности [Карачай, 2011, с. 309–311, 313; Ковалевский, 2006, с. 193; Балкария V, 2007, с. 60]. Следующие восемь лет они прожили в селе Эль-Таркач в Пятигорье [Карачай, 2011, с. 309, 313].

Несмотря на фольклоризацию сюжета песни, в ней легко угадываются реальные исторические события. В 20-х гг. XVII в. Кабарда действительно была охвачена моровым поветрием, которое могло послужить причиной смерти Камгута [КРО, 2006, с. 203, 205]. Указание *гыбзы* на то, что «князь Каншау водил дружбу с плоскостными князьями... с князьями и ханами разъезжал», скорее всего, намекает на события 1629 г., когда в Кабарду, под защиту Алегую Шаугенукова и Хатокшуко Газиева, бежал бывший крымский *калга-султан* Шахин-Гирей [КРО, 2006, с. 241–243, 257; РЧО, 1997, с. 113; Смирнов, 2005, т. 1, с. 364, 369]. Вскоре в Кабарду прибыл *шамхал* Ильдар, чтобы сопроводить крымского царевича в Персию. Вероятно, Каншау предпринял поездку в Шемаху через Гази-Кумук как член многочисленного кортежа Шахин-Гирея, в состав которого вошли вместе с *шамхалом* и кабардинские князья Бийарслановы. Наконец, осада Еревана велась султаном Мурадом IV в 1635 году. Чтобы захватить город, турецкие войска форсировали реку Занга под сильным артиллерийским обстрелом персов [Челеби, 1983, с. 152–153]. Впрочем, опубликовавший песню

¹ В одной из редакций *гыбзы* вместо Персии назван Крым [Карачай, 2011, с. 125–126]. В тюркской редакции *гыбзы* сына Кансита заменила дочь Каз. Как представляется автору, при переводе *гыбзы* на тюркский язык произошло недоразумение, и искажённый в произношении адыгов эпитет Кантины – *кыз* («дочь») – был принят горцами за имя второй дочери.

Н.П. Тульчинский был смущён тем, что турки названы в ней *гяурами* (слово *гяур* употреблено в нарицательном значении «негодяй», обычном для карачаевского языка) [Караулов, 2009, с. 50].

После смерти Каншау в 1635 г. карачаевцы оставили Эль-Джурт (Тар-Ауз) и переселились на равнину в Эль-Таркач. В песне так описывается разрушение Эль-Джурта: «Когда храбрый Каншау удалился из Тар-Ауза, аул карачаевский, подобно орлиным перьям, рассыпался по камням и лесам» [Карачай, 2011, с. 310]. Помочь пролить свет на это таинственное событие могут документы Посольского Приказа. По всей вероятности, оно было вызвано политической ситуацией, сложившейся перед этим в Крымском ханстве. В этом году хан Инайет-Гирей собрал войско для назначенного султаном Мурадом похода на Ереван, но вместо того, чтобы самому принять в нём участие, отправился под Аккерман сражаться с мансуровским *бием* Кантемиром [Смирнов, 2005, т. 1, с. 372–373]. Однако, согласно сообщению В.П. Ромодановского в Посольский Приказ, в том же году «крымской царевич с крымскими людьми ис Крыму вышел, а стоит в Кабарде и в Карачаех» [Каракетов, 2010, с. 27]. Исходя из той суммы данных, которыми мы располагаем, можно предположить, что в 1635 г. селение Эль-Джурт было разрушено крымцами. Выселение из него карачаевцев на плоскость, видимо, было осуществлено в качестве карательной меры за сношения карачаевских князей с Персией, в войну с которой Крым готовился вступить.

Именно время жизни карачаевцев в Эль-Таркаче подробно отражено в документах, среди которых наиболее подробные сведения предоставляют статейные списки российских послов в Мегрелии Федота Елчина и Павла Захарьева. Первое знакомство послов с карачаевцами состоялось по их прибытии в Эль-Таркач¹ 13 октября 1639 г. [Посольство, 1887, с. 302, 304–305, 309, 312, 318]. Эль-Таркач, в котором поселились тогда Эльбуздук и Гиляхстан Крымшамхаловы вместе со своей матерью Кюнсулю, был резиден-

¹ Эль-Таркач назван Елчиным «Корочаевой Кабардой», так как село располагалось на кабардинской плоскости.

цией ногайского *мирзы* Арсланбека б. Хаспулада¹, приходившегося им зятем [Посольство, 1887, с. 305]. Из Эль-Таркача Елчин и Захарьев 28 октября отправились в Грузию, по-видимому, в сопровождении послов Алегуко Шаугенукова, одним из которых был внук князя Карача мурза Коджак [Посольство, 1887, с. 318]. Оба посольства 21 ноября получили аудиенцию у мегрельского епископа Андрея [Посольство, 1887, с. 341].

В размен кабардинскому посольству мегрельский правитель Леван II Дадияни отправил к Алегуко Шаугенукову своего *азнаура*, который вернулся из Кабарды 1-го мая вместе с новым кабардинским посольством, возглавляемым Гиляхстаном² [Посольство, 1887, с. 327, 334]. Сведения о посольстве Гиляхстана «за горы к Дадияну» сохранились и в *гыбзе* [Карачай, 2011, с. 313]. В результате обмена посольствами была достигнута договорённость о браке сына Дадияна с дочерью верховного князя Кабарды Алегуко Шаугенукова, а карачаевские «посланники черкесского царя» впервые стали объектом этнографического описания, выполненного доминиканцем Арканджело Ламберти [АБКИЕА, 1974, с. 58–60]. Гиляхстан покинул Мегрелию вместе с Елчиным и Захарьевым 22 мая 1640 г. [Посольство, 1887, с. 339, 374].

В июле следующего, 1641 г., состоялся совместный поход кабардинских князей Айдаровых и Тлостановых, терского стрелецкого головы А. Шишмарёва, Айдемир-*шамхала*, а также *мирз* Большого Ногай Султанаша б. Чубармухаммеда и Карачи б. Аксак, против улусов Малого Ногай, которым пришлось отступить «под белые горы за карачейские черкасы» [КРО, 2006, с. 322, 329–331; Бегеулов, 2009, с. 102]. От 1643 года дошло последнее известие о пребывании карачаевцев в Эль-Таркаче. Тогда они захватили в Пятигорье и передали Алегуко Шаугенукову трёх служилых татар, посланных из Терского города в Кабарду [КРО, 2006, с. 359]. Вскоре после этого карачаевцы, как сообщает А. Ламберти, подверглись нападению калмыков [АБКИЕА, 1974, с. 59–60]. В январе

¹ В списке Урыстьямбек. О нём см.: [КРО, 2006, с. 274, 278, 354, 362, 365–367, 373, 376, 379, 383, 395, 405, 494–495, 516].

² В списке стоит имя «Эльбуздук», но из последующих упоминаний в тексте документа видно, что послом был Гиляхстан – видимо, составитель списка пропустил фразу «Эльбуздук[ов брат Елистан]».

1644 г. объединённые силы калмыцкого Урлюк-тайши и *мирз* Большого Ногая атаковали *мирзу* Малого Ногая Арсланбека б. Хаспулада и его союзников-кабардинцев, но были разбиты ими в районе Пятигорья [КРО, 2006, с. 392–394; Челеби, 1979, с. 87–88; Ногмов, 1994, с. 108–110]. Очевидно, именно с этим событием было связано переселение карачаевцев из Эль-Таркача к Боргустану, о чём некоторые сведения приводит А.Н. Дьячков-Тарасов, так как во время набега калмыков Боргустан служил убежищем семьям ногайских подданных Арсланбека [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 14; Челеби, 1979, с. 90–91].

Княгиня Гошагаг, видимо, умерла во время нападения калмыков. Во всяком случае, её погребение находится примерно в районе, подвергшемся набегу, на названном в её честь плоскогорье Бийче-Сын [Карачай, 2011, с. 124–125]. После этих событий кабардинские князья перенесли свои селения в горы, так как на плоскости господствовали калмыки [Челеби, 1979, с. 86, 88]. Вынуждены были искать новую родину и карачаевцы. В.Я. Тепцов записал предание о нападении на карачаевцев пришельцев с севера и востока, разбитых кабардинцами. Его информаторы, однако, не могли с уверенностью сообщить, что за народ вынудил карачаевцев переселиться в верховья Кубани, и предполагали в нём «франков» [Тепцов, 1892, с. 92–93].

Итак, в первой трети XVII в. карачаевские князья, поддержав беглого крымского *султана* Шахин-Гирея, оказались вовлечены в борьбу между Персией и Турцией (члены шамхальского рода, правившие карачаевцами, были традиционными приверженцами Персии). В результате, поскольку Карачай находился в сфере крымского влияния, в 1635 г. его жители были выселены крымцами в Кабарду под надзор *мирз* Малого Ногая. После этого карачаевские князья попали в полную зависимость от верховного князя Кабарды Алегуко Шаугенукова, и даже выполняли его дипломатические поручения наравне с кабардинскими *уорками*. В некоторых редакциях *гыбзы* княгини Гошагаг особенно рельефно обрисовано неравенство между современными ей карачаевскими и кабардинскими князьями [Кабардинский, 2000, с. 445; Карачай, 2011, с. 125]. Если предание о Караче утверждает, что в конце XVI в. карачаевцам временно удалось освободиться от дани, то *гыбза* упоминает ренту

карачаевцев кабардинским князьям, состоявшую из баранов и пива, как постоянную повинность [Карачай, 2011, с. 310].

§ 3. Миграция карачаевцев в верховья Кубани

Престиж карачаевских князей после выселения на плоскость резко упал, поэтому история заселения верховий Кубани в карачаевском фольклоре обычно связывалась с образованием сословной группы *улу-узденей*. Правнука Будияна, Боташа охота на марала из долины Малки привела к месту слияния Хурзука и Улу-Кама, где он на пятнадцать дней разбил охотничий кош. У одного из двух его спутников в газырях черкески оказались зёрна ячменя, которые он посадил в землю. Вернувшись через год, Боташ обнаружил богатый урожай и поселился на Хурзуке. Уже после него карачаевские князья основали селение Эль-Тюбе (Карт-Джурт) на Кубани, вслед за которым был заселен третий аул – Учкулан, на одноименном ручье. Из-за захваченных Боташем лучших земель на Хурзуке разгорелся конфликт между ним и семейством сына Карача – Джантугана, в результате которого Боташ был убит, а род Джантугана якобы пресёкся¹ [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 109об., 110об.–111; д. 23, л. 53об.; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 7, 14–15; 2009б, с. 34, 73; Сысоев, 2009, с. 92; Миллер, 2009, с. 14; Карачай, 2011, с. 377; Алиев, 1927, с. 36–37; Воронцов-Вельяминов, 2008, с. 16–17]. В плату за кровь сыновья Боташа получили от князей право пользоваться этой землёй свободно, а в качестве особенной привилегии даже собственную оросительную «кровную канаву» *кан-липин* [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 53об.; Миллер, 2009, с. 21; Алиев, 1927, с. 37].

Впрочем, другая легенда утверждала, что верховья Кубани были завоеваны Гиляхстаном Крымшамхаловым у сванов, которых он оттеснил за перевал [Тепцов, 1892, с. 87–88, 92; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 15; Карачай, 2011, с. 320–321, 327]. Федот Елчин своё долгое пребывание в Эль-Таркаче в октябре 1639 г. действительно объяснял тем, что «Отожука и Калистан на Сонскую землю

¹ Легенда говорит о гибели девять сыновей, и одной оставшейся дочери, что в образном языке кабардинского фольклора означает пресечение рода. Впрочем генеалогические данные свидетельствуют о фиктивности этой легенды.

ево не отпустили, потому что с ними Сони воюютца» [Посольство, 1887, с. 310]. Сведения о поселениях сванов, занимавших верховья Кубани до прихода карачаевцев, сохранились в Никоновской летописи. В декабре 1562 г. верховный князь Кабарды Темрюк Айдаров (1554–1571 гг.) с помощью воеводы Г.С. Плещеева разорил удел своего противника Пшеапшоко Кайтукова. Судя по названию захваченного русскими войсками городка Каван, принадлежавшего Пшеапшоко, его владения располагались на Кубани. Разорив земли Бийарслановых, Плещеев захватил сто шестьдесят четыре Мшанских и Сонских кабака¹ [ПСРЛ, 2000б, с. 371].

Согласно А. Ламберти, поселения сванов на Кубани в январе 1644 г. подверглись нападению калмыков [АБКИЕА, 1974, с. 59–60]. Намёком на набег калмыков, возможно, являются рассказы карачаевцев о том, что эти земли перед их приходом были разорены неведомым противником [Тепцов, 1892, с. 92]. Следовательно, сваны занимали будущую территорию Карачая по крайней мере между декабрём 1562 г. и январём 1644 г. В местной ономастике память о поселениях сванов на Кубани также сохранилась. Название её притока, речки Учкулан (по адыгски Ушкуль), на которой поселились карачаевцы, образовано от горского обозначения сванов *икула*² [Этюды, 2007, с. 147; Гильденштедт, 2002, с. 295; Клапрот, 2008, с. 103; Хан-Гирей, 2008, с. 106].

Впрочем, в известных записях песни о сражении за верховья Кубани врагами карачаевцев вместо сванов названо «кызыльское войско» [Карачай, 2011, с. 320]. В этой связи следует отметить, что из числа прежних жителей верховий Кубани (в разных документах кызылбеков или сванов), судя по всему, происходила многочисленная карачаевская фамилия Узденовых [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 71–71об.; Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 14; Сысоев, 2009, с. 92; Чеккуев, 1899]. Видимо, именно как указание на её автохтонность надо воспринимать сведения о том, что первый карачаевский поселенец в этих местах, Боташ, был убит за присвоение принад-

¹ Сони – старое русское наименование сванов. Самоназвание сванов – *мушван* [Багратиони, 1904, с. 236].

² Политоним, образованный от имени сванского сельского общества Ушгуль. Название Учкулан[ы]-Су можно буквально перевести с карачаевского языка как «сванская вода».

лежавшей Узденовым земли. Однако, как уже отмечалось, этноним «кызылбеки» появился лишь через столетие после описанных событий, и в песне является поздней подстановкой. Самим абазинам сваны, по-видимому, также были известны как бывшие владельцы тех мест, так как другой приток Кубани, который они заняли под поселение, носил имя Шоана или Соана (в карачаевском произношении Чуана) [Лавров, 2009а, с. 57].

Неискушённые в специфике карачаевского фольклора исследователи часто принимали за дату основания трёх старейших карачаевских селений – Карт-Джурта, Хурзука и Учкулана, легендарное число календаря хиджры, связанное с походами Аксак-Темира [Дьячков-Тарасов, 2009а, с. 15, 20; Дьячков-Тарасов, 2009б, с. 34; Сысоев, 2009, с. 79, 93; Миллер, 2009, с. 11, 15; Орлов, 1902, с. 168; Карачай, 2011, с. 376; Алиев, 1927, с. 35, 135; Воронцов-Вельяминов, 2008, с. 16]. Другой распространённой ошибкой является указание четырёхсотлетнего срока существования этих аулов [Петров, 1880, с. 126; Сысоев, 2009, с. 82, 86]. Сорок десятков лет – перефразированное на тюркском языке выражение «много десятилетий». В 1879 г. обитатели Карачая исчислили Г.С. Петрову приблизительный возраст этих селений в двести пятьдесят лет [Петров, 1880, с. 127]. Эта дата вполне согласуется со сведениями о заселении карачаевцами верховьев Кубани не ранее 1644 г. Научную методику для определения возраста общества впервые попробовал применить Н.С. Иваненков, подсчитав в 1912 г. поколения карачаевцев. Он выяснил, что самые древние фратрии насчитывали не более четырнадцати поколений. Правда, сам он не увидел в генеалогиях противоречий легендарной дате осады Булгара.

Для наглядности поместим ниже родословную Будиянов, считавшихся первыми карачаевскими жителями верховьев Кубани [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 52–53об.; Миллер, 2009, с. 19]. Три главные фамилии этой фратрии были основаны правнуками Будияна – Байрамуком, Акбаем и Боташем. В 1898 г. фамилия Байрамуковых состояла из десяти ветвей, пять из которых насчитывали одиннадцать поколений, четыре – двенадцать поколений, и лишь одна тринадцать поколений, если считать от родоначальника Будияна. Поскольку последние Байрамуковы, указанные в генеалогическом древе, достигли на момент его завершения примерно

тридцатилетнего возраста, то за четырнадцать лет, прошедших до публикации статьи Иваненкова, конечно, успело подрасти следующее поколение [Миллер, 2009, с. 27]. Князья, видимо вступали в брак в более позднем возрасте, чем *уздени*, и оба княжеских рода карачаевцев насчитывали чуть меньшее число поколений, чем Будияны [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 116–117; д. 23, л. 50–51].

За перемещением карачаевцев в верховья Кубани скрываются глобальные политические события тех лет. Дело в том, что в 1641 г. Алегую Шаугенуков и Хатокшуко Газиев окончательно уничтожили удел кабардинских князей Айдаровых¹, и в том же году бежали от возможного возмездия Терских воевод за Кубань «под Абазы» (на крымскую сторону) [КРО, 2006, с. 320, 324, 328, 330–332, 336–337]. Оказавшимся под угрозой калмыцких набегов карачаевцам не оставалось ничего иного, кроме как последовать за своими сюзеренами на Кубань. Без поддержки Алегую Шаугенукова и Хатокшуко Газиева занять верховья Кубани, населённые до того сванами они, разумеется, не могли.

Закономерным итогом миграций карачаевцев стало ослабление княжеской власти, на которое первым обратил внимание Г.Ю. Клапрот. По информации полученной им от З.И. Чергилова, карачаевцы «не платят никакой дани» своим *биям* [Клапрот, 2008, с. 166; Бларамберг, 2010, с. 290]. Шестьдесят лет спустя этот факт не укрылся от Н.Г. Петрусевича, указавшего на фактическое отсутствие податных отношений между карачаевскими *улу-узденями* и *биями* [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 111об. – 112; Сборник, 2003, с. 140]. В самом деле, сохранившийся перечень повинностей *узденей* в пользу князей описывает только обязанности *нёгеров*, то есть рядовых *кара-киши*, живших на княжеской земле, перед своим *бием* [Каракетов, 2010, с. 34–35; Этюды, 2007, с. 302–303]. Но как уже отмечалось, в Карачае существовали значительные земельные владения *улу-узденей*, пользовавшихся ими независимо [Сборник, 2003, с. 141]. Легенда об открытии верховий Кубани одним из них,

¹ Уничтожение удела Айдаровых фактически обозначило узурпацию Бийарслановыми власти в Кабарде. После этого Гиляхстановы и Тотлостановы порвали связи с уделом Бийарслановых, и тем самым произошло разделение Кабарды на Большую и Малую. Первые официальные сведения о распаде Кабарды появились в 1647 г. [КРО, 2006, с. 463].

Боташем, его вражде с семейством Карача и последующем обретении его потомками права свободного землевладения, видимо, носила характер юридического прецедента, на котором основывались привилегии всей корпорации *улу-узденей*.

Напротив, с верховными князьями Кабарды карачаевцев связывали достаточно прочные обязательства [Клапрот, 2008, с. 162]. Обычным знаком признания горскими обществами сюзеренитета кабардинских князей было обложение в их пользу каждого двора горцев рентой-налогом под названием *мелжаго*, в размере одного барана в год [Адаты, 2010, с. 134; Гильденштедт, 2002, с. 225; Броневский, 2004, с. 198]. Однако жители большинства обществ склонны были считать эту подать арендной платой за пользование кабардинскими пастбищами и при каждом удобном случае пытались уклониться от её выплаты [Материалы, 2007, с. 95–96; Миллер, 2008, с. 865; Этюды, 2007, с. 152]. Подать же с карачаевцев до 1828 г. была настолько стабильной, что Ш.Б. Ногмов даже посчитал возможным исчислить её круглой цифрой – триста баранов в год [Ногмов, 1994, с. 160–161; Сборник, 2003, с. 143]. Последнее число согласуется со сведениями Г.Ю. Клапрота о наличии в Карачае в начале XIX в. около трёх сотен дворов, хотя сам немецкий учёный указал, что размер дани в пользу кабардинских князей иногда достигал пяти баранов со двора [Клапрот, 2008, с. 164–166; Бларамберг, 2010, с. 290, 299].

Но в целом, при детальном рассмотрении доступных сведений можно сделать заключение, что отношения карачаевцев с *тше* Бийарслановыми выходили за рамки обычной схемы данничества, практиковавшейся в других горских обществах. Ш.Б. Ногмов заострил внимание на том, что карачаевцы находились у кабардинских князей «в подданстве с самых давних времён»¹, указав на применение в Карачае норм кабардинского адата, наделявших *тше* наряду с взиманием ренты правом верховной собственности над любым движимым и недвижимым имуществом в пределах его владений [Ногмов, 1994, с. 160–161]. Эти нормы давали князю право потребовать собственность, в том числе жену или дочь любого

¹ Из этих слов видно, что во времена Ногмова ещё сохранялась смутная память о периоде жизни карачаевцев на кабардинской плоскости.

подданного, кроме *кодза* и *деженуго* [Адаты, 2010, с. 154; Хан-Гирей, 2008, с. 170; Сборник, 2003, с. 25; Привилегированные, 1992, с. 2; Кудашев, 1990, с. 147; Кабардинский, 2000, с. 162–163, 359]. Пользуясь этим правом, князь также мог наложить запрет на имущество своего подвластного. Для этого достаточно было отметить колышком или камнем его движимость или недвижимость, после чего владельцу воспрещалось ею пользоваться [Кокиев, 2005, с. 46]. Этим правом *пше* пользовались в Карачае также свободно¹, как и в самой Кабарде, и в располагавшихся на её территории аулах абазин-*тапанта* [Клапрот, 2008, с. 115–116; Бларамберг, 2010, с. 270; Ногмов, 1994, с. 161; Алиев, 1927, с. 138]. В годы признания Кабардой сюзеренитета Крыма те же привилегии предоставлялись в её пределах крымским *султанам* [Кабардинский, 2000, с. 352; История, 1958, с. 67; КРО, 2007, с. 271].

Обширный комплекс обязательств карачаевских *улу-узденей* перед кабардинскими князьями при относительной свободе от власти собственных феодалов, конечно, трудно объяснить, если не принимать во внимание существовавшую систему соподчинения. Дело в том, что, будучи выселенными на плоскость в 1635 г., князья карачаевцев (так же как и абазинские) фактически превратились в *деженуго* кабардинских *пше*. Одновременно некоторые их бывшие *нёгеры*, видимо, получили коммендации от *пше*, которые с этих пор пользовались полной княжеской властью над ними [Хан-Гирей, 2008, с. 166]. Скорее всего, именно связь с кабардинскими *пше* позволила *улу-узденям* отстаивать земельную независимость от собственных *биев* при переселении на Кубань. Таким образом, на практике существовало две иерархических лестницы, в которых они занимали разные ступени. Внутри Карачаевского общества потомки Карача и Крымшамхала выступали в роли князей, а Абдрухаи, Будияны, Наурузы и Шадибеки составляли при них корпорацию *кодзов*. Но в более высокой кабардинской иерархии карачаев-

¹ Широкою огласку получил случай, когда кабардинский князь, приехав в Карачай, из двух замужних женщин, принадлежавших к фамилиям Байрамкуловых и Каппушевых, одну взял в свою постель, а другую отдал своему вассалу. Возмущение фратрии Наурузов, из которой они происходили, вызвал именно факт передачи женщины человеку более низкого ранга (за самим князем это право никем не оспаривалось).

ские *бии* были всего лишь *деженуго*, а их *улу-уздени* рядовыми *уорками* князей Бийарслановых. Такая же правовая ситуация сложилась среди абазин. Фамилия Трамовых (к ней же возводилось происхождение одноименной карачаевской фратрии), выполнявших роль *кодзов* при абазинских князьях Лоовых, в Кабарде пользовалась всего лишь статусом *беслен-уорков*, то есть личных *узденей* князей Бийарслановых [Сборник, 2003, с. 148].

Глава IV

МАЛКАРСКОЕ ОБЩЕСТВО В XVII–XVIII ВЕКАХ

§ 1. Вмешательство Малкарского общества в борьбу за княжеский престол в Кабарде в первой половине XVII века

Предания об основании Малкарского общества и происхождении его князей уже были подробно разобраны автором этих строк [Шумкин, 2010, с. 19–27]. Поэтому, чтобы избежать повторов, сразу перейдём к разбору событий рубежа XVI–XVII вв., когда, как сообщают данные генеалогии, род басиат разделился на старшую и младшую ветви. Родоначальником младшей считался сын Басиата Абай и его дети Алибек и Кансау. Родословие старшей ветви, восходившей к братьям Таукану и Тазриту, уже в конце XIX в. вызывало некоторые вопросы. В то время как Х.-Х. Шаханов считал их сыновьями Абая от старшей жены, А. Абаев назвал их отцом другого сына Басиата Темрюка [Балкария III, 2006, с. 94]. Впрочем, с точки зрения местных норм обычного права обе версии могли соответствовать действительности в ситуации, если бы Темрюк оказался бесплодным. В таком случае, по обычаю левирата, дети могли быть прижиты его женой и братом, номинально считаясь его собственными сыновьями [Ковалевский, 1995, т. 1, с. 264–274].

Если точно реконструировать генеалогию Тазрита не представляется возможным, то родословную его супруги, дочери верховного князя Кабарды Канпулада Айдарова (1578–1589 гг.), можно достаточно надёжно установить по документам Посольского Приказа [КРО, 2006, с. 205, 212–213]. Хотя нам и неизвестны точные обстоятельства, при которых совершался этот союз, но, как уже отмечалось, в нормах обычного права адыгов брак с дочерью

ние выступал актом признания её мужа полноправным князем [Кабардинский, 2000, с. 166, 592]. Поскольку правовое положение горских князей обычно приравнивалось к кабардинским *кодзам* и *деженуго*, брачный союз Газрита предоставил басаатам возможность претендовать на более высокое иерархическое положение. Поэтому память об этом событии тщательно хранилась потомками, и, видимо, послужила источником сведений Л. Штедера о союзе одного из маджар с черкесской княжной [Штедер, 1940, с. 60; Бларамберг, 2010, с. 218]. Именно этим браком объясняются и некоторые позднейшие указания на то, что фамилия басаат признавалась черкесами в статусе *ние* [Гильденштедт, 2002, с. 224; Этюды, 2007, с. 150, 258; Бегеулов, 2009, с. 64].

Малкарские князья, естественно, стремились отстоять приобретённый ими через родство с Айдаровыми потенциально более высокий социальный статус и ради укрепления своего положения встали на их сторону в борьбе за пост верховного князя, разгоревшейся тогда в Кабарде. Это противостояние уходит своими корнями к событиям первой трети XVI в., когда адыгские князья-правнуки Инала, только заняв территорию Кабарды, поделили её между собой. Так образовались фамильные уделы Бийарслановых, Тлостановых, Гиляхстановых, Айдаровых и Тохтамышевых (последний удел просуществовал недолго) [Ногмов, 1994, с. 101, 103–105, 111–115]. Главы этих фамилий по очереди занимали пост кабардинского верховного князя. Во второй половине того же столетия верховные князья Кабарды, пытаясь упрочить своё положение, пошли на сближение с Россией, которое царь Федор Иванович со своей стороны расценил как распространение на них российского подданства. В связи с этим он декларативно принял титул государя Кабардинской земли [Соловьёв, 1989, с. 269; Потто, 2007, т. 1, с. 13; Грабовский, 2008, с. 6; Кокиев, 2005, с. 375, 591]. Воспользовавшись моментом, глава Айдаровых, Мансуруко Темрюков, благодаря своим связям в Москве смог получить от царя грамоту на внеочередное княжение. Вождь Бийарслановых, Гази Пшеапшонов, видимо, не мог не усмотреть в предпринятых его политическим соперником шагах угрозу вмешательства Москвы во внутренние дела Кабарды. Все основания для подобных опасений у него были, так как предыдущие верховные князья уже трижды использовали поддержку России, чтобы расправиться с оппозицией внутри своей

страны [ПСРЛ, 2000б, с. 344, 371, 397–399, 405; Кокиев, 2005, с. 376, 593–594]. Во всяком случае, он поспешил убить Мансуруко, и с захваченными у него кабаками ушёл за Кубань [КРО, 2006, с. 607; РЧО, 1997, с. 43].

Вслед за этими событиями расстановка сил в Кабарде сложилась неблагоприятно для Айдаровых, и их предводители вскоре оказались в Терском городе, где поступили на службу к Московскому государю. Последним из них смог добиться титула верховного князя Кудайнат Канпуладов (1616–1624 гг.), после смерти которого царь Михаил Федорович выдал грамоту на княжение его брату Пшемахо [КРО, 2006, с. 228–230, 608]. Но претендент от Айдаровых опять не был признан в Кабарде, а первая попытка Пшемахо занять должность лишь спровоцировала разгром его кабаков Тлостановыми [КРО, 2006, с. 185, 608]. Тогда Пшемахо Канпуладов задумал захватить княжеский престол с помощью тщательно спланированной интриги. С этой целью в сентябре 1627 г. он отправил в Астрахань донесение, что на территории удела Тлостановых найдено месторождение серебра [КРО, 2006, с. 190–192]. Под предлогом его эксплуатации он предложил Москве занять земли Тлостановых крепостью с сильным гарнизоном [КРО, 2006, с. 193–195, 200, 205–207, 210, 212]. Затем в Кабарду за пробами руды от Айдаровых были отправлены Каншау Битемрюков и Ильдар Эльбуздуков [КРО, 2006, с. 202, 205–208, 211–214]. В январе 1629 г. в Москву поступили сведения, что Каншау получил руду в Малкаре у Апши и Айдабола Тазритовых, племянников Пшемахо Канпуладова [КРО, 2006, с. 205, 212–213]. Как только известия о поисках руды достигли кабардинских князей, замысел Пшемахо Канпуладова был разоблачён [КРО, 2006, с. 205, 211–212]. Тогда Тлостановы, объединившись с эндирейским князем Айдемиром, напали на владения Тазритовых и других приверженцев Пшемахо [КРО, 2006, с. 212].

Так и не добившись княжеской власти, Пшемахо вскоре умер. Его единственный сын Канпулад внес свой вклад в эту историю [КРО, 2006, с. 228, 605, 608], подстроив в 1643 г. рядом со своим домом в Терском городе убийство Созаруко, узденя кабардинского князя Ахлау Айтекова из фамилии Гиляхстановых. Он был застрелен из лука «Балхарских кабаков узденем Касбулатом» [КРО, 2006, с. 390–391].

Чтобы уяснить взаимосвязь этих событий, необходимо идентифицировать личность Хаспулада, который в челобитной М.С. Черкасского назван дядькой Канпулада Пшемахова [КРО, 2006, с. 390–391]. В статейном списке А.И. Иевлева дядькой Канпулада именуется его малкарский родич – Айдабол Тазритов [Статейный, 1969, с. 29]. В данном случае статус дядьки присвоен Айдаболу, как старшему родственнику Канпулада Пшемахова (на самом деле он был его двоюродным братом) [КРО, 2006, с. 213]. В свою очередь, Айдабол был младше своего троюродного брата Каншау Битемрюкова, и поэтому в бумагах Посольского Приказа фигурирует как его племянник [КРО, 2006, с. 205, 212]. Разумеется, будучи родственником кабардинского князя, Хаспулад не мог являться простым *узденем* и, вероятно, идентичен князю Каспулату Абаеву, упоминаемому в песне о Кайсыновых [Этюды, 2007, с. 73]. В этой связи заслуживает внимания сообщение Канпулада Пшемахова, что Созаруко был застрелен Хаспуладом в отместку за двух его братьев, убитых в Кабарде зимой 1642 г. узденями Гиляхстановых [КРО, 2006, с. 651]. Поскольку Апши Тазритов не упоминается в последующих документах о Малкаре, можно предположить, что он и был одним из двух братьев Хаспулада Абаева, убитых *узденями* Ахлау Айтекова. Как уже отмечалось ранее, в 1641 г. удел Айдаровых был окончательно уничтожен, а заодно, видимо, были истреблены и их сторонники.

Черкасская слобода Терского города просуществовала до 1724 г., когда для охраны границы России, перенесенной на реку Сулак, была заложена крепость Святого Креста. Однако вскоре, согласно условиям Гянджинского договора 1735 г., крепость была упразднена, а служилые черкесы, составившие костяк Терского казачьего войска, переведены в Кизляр. Среди таких казаков нес службу с 1728 г. и новокрещенный кабардинский *уздень* П.В. Горин¹, возводивший свой род к басаатам, выселившимся в Терский город [Туганов, 1989, с. 64; КРО, 2007, с. 195, 199; Бутков, 1869, с. 205; Сборник, 2003, с. 97]. Его сын, генерал И.П. Горич, оставил одну из первых записей генеалогической легенды басаат,

¹ В разных документах отец двух братьев-Иванов Горичей фигурирует как Пётр Горин или просто Пётр Гора. Нерегламентированность точной формы фамилии объясняется принадлежностью семьи к среде новокрещенов.

выводившую их из Маджар, указав, что «предок его Башив» вышел «из-за границы» перед покорением Казани и Астрахани Иваном Грозным, «и по нем приемники его в 6-х коленах, как-то: Каары, Пишляр, Федор, Василий и его отец Петр, а за ним в 7 колене и он – Иван Горич» [Туганов, 1989, с. 63–64]. Связь родословного древа Горичей с поселившимся в Терском городе Хаспуладом станет очевидной, если принять во внимание, что имена Каары и Пишляр по другим генеалогиям басиат неизвестны, но в сочетании дают фразу, которую можно перевести с языка тюрки как «старые *пше*» [ЭСТЯ, 1997, с. 311–312]. Видимо, И.П. Горичу не были известны имена представителей второго и третьего поколения его рода, зато он гордился тем, что его предки были князьями. Не случайно Абай и его сын Хаспулад были представителями именно второго и третьего поколений малкарских князей [Балкария III, 2006, с. 94]. Вероятно, после изгнания Айдаровых из Кабарды, Хаспулад остался вместе с ними в Черкасской слободе Терского города, где его статус в кабардинской иерархии опустился до положения узденя Канпулада Пшемахова. Судя по всему, именно его сын крестился под именем Фёдора. Последним представителям их семейства видимо были известны лишь имена своих крестившихся предков (хотя один из трёх сыновей П.В. Горина, Кургоко Бегидов, не принял крещения [Бутков, 1869, с. 258]), тем не менее, они сохранили память, что первые три поколения их семейства пользовались статусом «старых *пше*», а не *узденей*.

Итак, можно сделать заключение, что в первой половине XVII столетия Малкар представлял собой довольно значительное горское общество, ради политического союза с которым с басиатами породнился верховный князь Кабарды Канпулад Айдаров. В связи с этим малкарские князья сделали ставку на свои близкие отношения с Айдаровыми, поддержав их в политической борьбе против князей других кабардинских уделов. Изгнание из Кабарды в Терский город Айдаровых, а вместе с ними в качестве *узденя* и одного из басиат, обозначило фиаско центральнокавказского направления московской политики XVII в. В результате поражения Айдаровых оформилась Большая Кабарда, в вассалитет от которой попало малкарское общество.

§ 2. Малкар на пути между Москвой и Кутаиси во второй половине XVII века

В середине XVII в. перестали быть безопасными традиционные пути сообщения между Россией и Грузией, и благодаря активизации российско-имеретинских дипломатических отношений Малкар на некоторое время превратился в перевалочный пункт на дороге через горы. В 1650 г. из Москвы в Имеретию впервые по этому маршруту были отправлены послы Никифор Толочанов и Алексей Иевлев [Статейный, 1969, с. 27; Статейный, 1970, с. 162, 177]. На тот момент Малкаром владели уже известный московским чиновникам Айдабол Тазритов, его дядя Алибек Абаев и некий Чеполов [Статейный, 1969, с. 29, 32, 97; Статейный, 1970, с. 184, 186; Балкария III, 2006, с. 94]. Упоминается в посольских списках и *мирза* Хабиж¹, которого Х. Шаханов считал сыном Басиата и отцом Абая (в генеалогической схеме А. Абаева сам Абай – сын Басиата) [Статейный, 1969, с. 31; Статейный, 1970, с. 186; Балкария III, 2006, с. 94].

В Малкаре Н.М. Толочанов и А.И. Иевлев были встречены приставом посольства, *азнауrom* Георгием Каншовым и препровождены им оттуда в Имеретию [Статейный, 1969, с. 30, 32–33]. Любопытная деталь привлекла внимание послов на обратном пути, когда они вместе с сопровождавшим их Георгием 19-го октября 1651 г. остановились в принадлежавшем ему селе у перевала. На противоположном берегу р. Риони Толочанов указал «городок пуст, каменной, что имал Алибек, болхарской владелец» [Статейный, 1969, с. 90; Статейный, 1970, с. 258]. Отметим на первый взгляд никак не связанный с предыдущим повествованием факт. В следующем 1652 году из Крыма в поход на Терки был отправлен с войском один из царевичей. Собранное в Азове войско разбило лагерь в Бесленее [КРО, 2006, с. 499–500]. В своей отписке в Москву астраханские воеводы сообщили, что «крымский царевич с ратны-

¹ В списках Хабим или Хабитин. Он упоминается вместе с человеком по имени Буга (или Бута), по-видимому, имеретинским владельцем [Статейный, 1969, с. 29, 31; Статейный, 1970, с. 182, 186]. Поскольку Хабиж не мог быть дедом Алибека и прадедом Айдабола, будучи их современником, можно предположить, что Шаханов случайно поменял его с Абаем места в родословном древе басиат.

ми своими людьми сею весною приходили в горы для збору ясаку, имали ясак с черкасских владельцев и Малого Ногаю мурз, да и кабардинские де владельцы немногие ему от себя лошади добрые и сабли и шапочки пансырные и ясыри давали ж, только не в ясак» [КРО, 2006, с. 658].

Память о событиях 1651–1652 гг., скупо обрисованных документами, сохранилась в песне о Кайсыновых, сочинённой в жанре *гыбзы* (известна только в тюркоязычном варианте). Согласно песне, Айдабол Тазритов был женат на княгине Жаратхан, но из-за бездетности жены он по обычаю левирата отдал её своему сыну Джанпуладу (Жабо), от которого родились мальчики Кайсын и Бекмирза. Перед достижением горского совершеннолетия, наступавшего в возрасте пятнадцати лет, Кайсын прошёл юношескую инициацию в набеге, добыв двенадцать невольников [Карачай, 2011, с. 313]. Скрытая за намёками логика *гыбзы* наводит на мысль о том, что такое внушительное количество ясырей могло быть захвачено им при нападении вместе с Алибеком на имеретинское селение, виденное Н.М. Толочановым.

Завязкой основного сюжета песни послужило прибытие «ханских гостей из Темиргоя» в Малкар в 1652 г. [Къарачай-Малкъар, 1996, с. 260]. Крымцы собирали невольников, но не располагавшим в тот момент безобрядными¹ ясырями малкарским князьям нечем было уплатить *джасак*. Поэтому с наступлением лета Бекмирза и Кайсын вместе с Алибеком, Курманом и Эндругом Абаевыми попытались повторить грабительский набег на Имеретию. Перейдя перевал Штулы, в Имеретии малкарцы встретили ишкуланца Георгия², который считался «воспитанником» Джанпулада Тазритова. Однако Георгий, созвав ополчение имеретинцев, загнал малкарских князей в ущелье реки Дирха, откуда Абаевы бе-

¹ Безобрядными в дореволюционной терминологии именовалась низшая прослойка зависимых сословий (унауты в Кабарде, каравашы в тюркских сельских обществах) для которых адат (обряд) не устанавливал определенных личных прав и которые поэтому могли служить свободным объектом купли-продажи или дарения (рабов более высоких категорий нельзя было так просто передавать кому-либо во владение).

² Называя Георгия ишкуланцем, песня указывает на его сванское происхождение.

жали в горы, а попытавшиеся спрятаться в пещере Тазритовы погибли [Карачай, 2011, с. 313–317].

В фиктивном «молочном родстве» с малкарскими *таубиями* состояли, считаясь их *эмчеками* (в переводе Н.П. Тульчинского – «воспитанниками»), жители близлежащих имеретинских селений Геби и Чиори. Ради торговли грузинскими товарами в Малкаре они вступали в личные отношения с малкарскими князьями, ища их покровительства [Этюды, 2007, с. 152, 154–155]. Упомянутый в песне Георгий Каншов вместе со своим братом Константином владел селением у перевала в Малкар и неоднократно бывал там как пристав при российском посольстве.

Интригующее название песни «Кайсыновы», оставшееся непонятым Н.П. Тульчинскому, видимо, разъясняется намёком, помещённым в её заключительных строках. Согласно им, главный герой оставил после себя вдову, судя по упоминанию «перстня княгини Дадипал» «на пальце убитого Кайсына», принадлежавшую к сословию грузинских князей [Карачай, 2011, с. 316]. По грузинскому обычаю обручальное кольцо дарила жениху перед венчанием невеста, которую в рамках свадебного обряда называли титулом *дедопали* – «царица» [Грузинские, 1973, с. 215]. Но о самом потомстве Кайсына песня хранит молчание, причину которого, по всей видимости, следует искать в материалах дальнейших российско-имеретинских дипломатических контактов. В 1655 г. из Москвы в Имеретию было направлено новое посольство в составе Василия Жидовина и Фёдора Порошина. Прибыв в Грузию, послы стали очевидцами обряда крещения сопровождавшего их Джанпулада Айдаболова¹, восприемником которого стал сам имеретинский царь Александр III [Переписка, 1861, с. LXI]. Вероятно, после гибели Кайсына грузинскую княжну по распространённому среди горцев обычаю левирата взял замуж его отец, но поскольку она была христианской, Джанпуладу для женитьбы на ней пришлось креститься. Чтобы род его сына не пресёкся, в соответствии с традициями левирата, прижитые ими дети могли получить фамилию Кайсыновых.

¹ О распространении в это время христианства в Малкаре свидетельствует существование в нём функционировавшей церкви Ойт-Ойт-Каясы, которая уже к середине XIX в. была полностью разрушена [Балкария III, 2006, с. 67].

Российско-имеретинский обмен посольствами завершился переговорами о судьбе бывшего кахетинского царя Теймураза, низложенного персидским шахом и нашедшего убежище в Имеретии. В 1656 г. он обратился в Москву с просьбой встретить его в Малкаре и сопроводить в Терский город [Переписка, 1861, с. 73], и в 1658 г. действительно отправился в Россию. Сопровождал в Москву его брат Джанпулада, Артутай Айдаболов, который на целый год остался там вместе со свитой Теймураза [Бегеулов, 2009, с. 93; РЧО, 1997, с. 194].

После целого десятилетия оживлённых российско-имеретинских контактов Малкар утратил своё значение связующего звена в отношениях между Москвой и Кутаиси и на более чем тридцать лет ушёл за рамки внимания документов Посольского Приказа. Лишь в 1693 г., когда потерявший престол имеретинский царь Арчил попытался бежать через Малую Кабарду в Россию, этому горскому обществу ещё раз пришлось сыграть заметную роль в грузинской истории. Дело в том, что персидский шах поставил перед тарковским Будай-*шамхалом* задачу осуществить захват Арчила, для выполнения которой *валию* Дагестана пришлось вступить в сговор с кабардинским князем Килчуко Келмухаммедовым из фамилии Тлостановых. Ради награды Килчуко действительно захватил Арчила, но, не доверяя обещаниям персов, передал грузин «для береженья» в горы. Выбрал он для этого те горские общества, которые прилежали к землям Большой Кабарды (а значит, находились вне пределов досягаемости как персидских, так и русских войск). Царя он поручил малкарскому князю Кунчуку, сыну Алибека Абаева, а царскую свиту отослал в Дигорию. Но через шесть месяцев, когда персы, наконец, выполняя соглашение с Килчуко, отправили за царём *шамхала*, Кунчук отпустил Арчила к его людям в Дигорию, отправив с ним «своих улусных людей с тысячу человек». Хотя там их и настигли полторы тысячи «ратных людей» Килчуко Келеметова, Арчилу удалось благополучно достичь Грузии [РГАДА, ф. 110, оп. 1, 1695 г., д. 2, л. 3–4; Переписка, 1861, с. 136; Багратиони, 1976, с. 264–265].

Итак, после разгрома своих покровителей, Айдаровых, и образования Большой Кабарды малкарские князья попытались наладить отношения с имеретинцами [Этюды, 2007, с. 151]. Материалы дипломатических сношений середины XVII в. выявляют тенден-

цию к сближению между горской и грузинской знатью через молочное родство, брачные союзы и даже религиозное восприятие. Стремление к установлению прочных связей с Имеретией было естественной реакцией на провозглашение *ние* Бийарслановыми сюзеренитета над малкарцами, который, по-видимому, был довольно обременителен для горцев. В частности, лишь торговля с имеретинцами могла обеспечить независимый от Кабарды приток в горы некоторых необходимых товаров [Гильденштедт, 2002, с. 225; Клапрот, 2008, с. 181–182; Бларамберг, 2010, с. 305; Броневский, 2004, с. 196]. Однако, при всём этом, Имеретия продолжала оставаться для горцев основным источником рабов-ясырей [Этюды, 2007, с. 147, 153]. Эти материалы также демонстрируют лояльность басиат по отношению к Крыму (в 1652 г. они примкнули к прокрымски настроенным кабардинским владельцам). Напротив, гораздо менее весомыми оказались позиции в регионе Центрального Кавказа малокабардинских и дагестанских князей. На сближение с Будай-*шамхалом*, сторонником Сефевидов, малкарцы не захотели пойти (видимо, предпочитая им какие-то личные интересы).

§ 3. Малкарское общество и кабардинские «партии» в XVIII веке

Весной 1708 г. крымский хан Каплан-Гирей I предпринял поход в Черкесию с целью перевести поселения кабардинцев в Пятигорье и набрать в них невольников, но был разбит кабардинским верховным князем Кургоко Хатокшуковым, совершившим неожиданное ночное нападение на его лагерь [Смирнов, 2005, т. 2, с. 14–18; Клапрот, 2008, с. 43; Кабардинский, 2000, с. 352–355, 607; Дюбуа де Монпере, 2002, с. 133–134, 269–272; Хан-Гирей, 2008, с. 189]. Крымский хан Сеадет-Гирей III попытался компенсировать результаты неудачной черкесской политики своего предшественника и в 1720 г. предпринял поход в Кабарду, затянувшийся на целые два года. Почву для крымского вторжения в Кабарду подготовил сын хана Салих-Гирей, воспитывавшийся в семье кабардинского князя Ислама Мисостова. Как только он сообщил отцу в письме, что «кроме сынов Кайтук-бека все с нами», крымское войско, используя полученное известие как сигнал, выступило в поход, присоединяя по пути отряды некрасовских казаков, кубанских ногай-

цев, темиргоевских и бесленеевских черкесов. К тому времени Кабарда уже распалась на два лагеря. В урочище Кызыл-Бурун располагались поселения придерживавшихся прокрымских позиций Хатокшуковых и Мисостовых, которые составили Баксанскую партию. Её возглавил назначенный новым верховным князем Ислам Мисостов (1721–1732 гг.). Против отальных кабардинцев, бежавших к Джанпуладовым в урочище Кашкатау, хану пришлось отправить войско под началом *султана* Бахты-Гирея [Смирнов, 2005, т. 2, с. 33–34; Клапрот, 2008, с. 43–44; Кудашев, 1990, с. 44; КРО, 2007, с. 42–59]. Главой кашкатавской партии стал Арсланбек Кайтуков, который попытался найти поддержку в Москве. В расчёте на неё он обвинил Мисостовых в сговоре с ханом, заключенном для того, чтобы перебить Бекмирзовых, двое из которых состояли на российской военной службе, и перевести кабардинцев на Кубань. В заключение Арсланбек донёс Петру I, что «крымский хан потому учинился нам неприятель, також и татары кабардинские, которые от нас отложились, с ним заодно держат» [КРО, 2007, с. 43].

Итак, «кабардинские татары», то есть жители горских обществ во время пребывания хана в Кабарде примкнули к баксанской партии, возглавляемой Исламом Мисостовым, из-за чего глава кашкатавской партии не мог найти убежища в горах от набегов своих противников. В мае 1722 г. Арсланбек так обрисовал сложившуюся тогда ситуацию: «Понеже от татарских народов уже в весьма в великих нуждах пребывая, сердца наши окровели, сидя чрез три года в осаде... татарские народы нас зело теснят и обижают, отчего в конечное разорение пришли» [КРО, 2007, с. 59]. Более подробные сведения о событиях тех лет, когда Арсланбек Кайтуков жил на берегу р. Черек, при въезде в Малкарское ущелье, можно извлечь из сложённой кабардинцами песни, дошедшей до нас, к сожалению, лишь в прозаичном пересказе М.К. Абаева [Этюды, 2007, с. 149–152].

В частности, содержание песни свидетельствует о том, что среди князей Малкарского общества нашлись сторонники как баксанской, так и кашкатавской партий. Прежде всего, следует привести краткую справку как о тех, так и о других. Главным из малкарских приверженцев Кайтукова был Алимйрза Биев из фамилии

Айдаболовых¹ [Этюды, 2007, с. 149; Миллер, 2008, с. 428; Балкария III, 2006, с. 94]. Отчество этого князя, скорее всего, указывает на происхождение от Бекмирзы Тазритова². Резиденция Алимирзы находилась в построенной им башне в селении Кюннм [Балкария III, 2006, с. 92, 94, 121]. Судя по всему, Биев был тесно связан с кашкатавской партией, являясь воспитателем принадлежавшего к ней кабардинского князя Гази Кайсынова, *эмчеком* которого был Мухаммед Биев (вероятно сын Алимирзы) [КРО, 2007, с. 431]. Приверженцем баксанской партии был Сосран Абаев, по-видимому, сын Кансау и племянник Алибека [Этюды, 2007, с. 144, 149–153; Балкария III, 2006, с. 94]. Его семья была связана с баксанами через воспитывавшегося в ней Касая Хатокшукова, *эмчеком* которого являлся Азамат Абаев (скорее всего сын Сосрана) [КРО, 2007, с. 214]. Сосран обитал в селении Шканти, являясь хозяином возведённой специально для него башни [Балкария III, 2006, с. 93–94, 119–120]. Любопытно отметить, что в конечном итоге оба соперника были захоронены друг рядом с другом в двух восьмигранных *кешене* селения Шканти [Балкария III, 2006, с. 96–97, 120–121].

Песня начинается с повествования о попытке проникновения Кайтукова в Малкар, которая изображена как инициатива Алимирзы [Этюды, 2007, с. 149]. *Валием* общества в то время был преданный баксанцам Алшагир Кунчуков, как и Сосран происходивший из младшей ветви басиат [Этюды, 2007, с. 149–150]. Остановившись в пещере Зына-Дорбун, Кайтуков послал своих людей потребовать у Алшагира дань, но тот перекрыл ущелье стрелками. Тогда Кайтуков попытался сам угнать скот Алшагира с пастбища Хызны-Баши, но *эмчек* Кунчукова прельстил его предложением объединиться для покорения горских обществ. После этого кабардинский князь в течение года следил за Алшагиром Кунчуковым с помощью двух кумыков [Этюды, 2007, с. 149–151]. Между тем, верховный князь Ислам Мисостов прибыл в Терский город на встречу с Астраханским губернатором А. Волынским, который в конце 1721 г. удержал его в заложниках [Клапрот, 2008, с. 44; КРО, 2007, с. 56–

¹ В более поздних источниках он носит имя Муртазали [Тульчинский, 2009, с. 19; Кокиев, 2005, с. 562].

² *Бий* – поздний вариант произношения тюркского слова *бек*. Вариант песни о Кайсыновых, носящий название Бекмирзовы, возможно, указывает на то, что номинальное потомство (Биевы) осталось от Бекмирзы, а не от Кайсына.

58; Кокиев, 2005, с. 67; Кудашев, 1990, с. 44–46; Хан-Гирей, 2008, с. 190]. Обе враждующие стороны были настолько возмущены вероломством Волынского, что тут же примирились между собой и откупились от хана ясырями, чтобы он покинул Кабарду, а малкарцам, в конечном счёте, пришлось признать власть Арсланбека [Смирнов, 2005, т. 2, с. 34; Этюды, 2007, с. 151–152].

Во время исполнения Арсланбеком Кайтуковым должности верховного кабардинского князя (1737–1746 гг.) ему, вместе с его *уорком* Жабаги Казановым, удалось заключить договор о проведении границы с Крымом. Пограничная линия начиналась у Татартупа и проходила вдоль течения Терека, Малки и Кубани¹. Дополнительными субъектами договора являлись пять горских обществ, четыре из которых, в том числе Малкарское, Безенгиевское, Холамское и Чегемское, были населены тюрками. Однако своим общим представителем на переговорах общества всё-таки избрали главу обитавших в баксанском ущелье сванов, Отара² [Этюды, 2007,

¹ В некачественно выполненном переводе соглашения датой его заключения названо последнее воскресенье месяца раджаба 1127 г. хиджры, что соответствует 28 июля 1715 г. Однако из содержания самого текста следует, что в момент его подписания Арсланбек Кайтуков был наделён полномочиями верховного князя Кабарды. Именно в это время был заключен Белградский мир 1839 г., в соответствии с условиями исполнения 3, 4 и 6-го артикулов которого, видимо, и было составлено интересующее нас соглашение между Крымом и Кабардой. Однако, поскольку местонахождение оригинала документа неизвестно, уточнить его дату не представляется возможным. В частности, в переводе искажены имена представителей Крыма, участвовавших в заключении договора. Имя Сарсанова Баяна, если буквально следовать его воспроизведению в переводе, напоминает малкарского князя Сосрана Абаева, но мог ли он быть делегирован Крымом на переговоры такого уровня? Автору кажется, что логичнее предполагать в нём ногайского *мирзу* Сыртланова. За именем Агалар-хана может скрываться непонятое переводчиком выражение *хан агалярымиз* – «хан старший брат наш». Не совсем ясны и некоторые географические ориентиры, обозначенные при описании проведённой границы. Поэтому автор воздерживается от прямого цитирования документа.

² Отар Дадешкелиани в первой половине XVIII в. правил западной частью верхней Сванетии [Дворянские, 1998, с. 87]. Генеалогические предания Дадешкелиани действительно указывают на то, что их предки жили в Кабарде (то есть в сванском обществе на Баксане) [Дворянские, 1998, с. 70]. Поэтому правители Сванетии из рода Дадешкелиани носили слегка искажённый черкесский титул уорк, сохранив тем самым память о своей прошлой подвластности кабардинским князьям [Лавров, 2009а, с. 58].

с. 120–121, 131, 148, 319, 395; Тульчинский, 2009, с. 19]. За обществами была признана «верхняя» по отношению к Кабарде территория, и договор от их имени, как сюзерен, заключил Арсланбек Кайтуков. Не участвовавшие в переговорах карачаевцы остались за Кубанью, в зоне Крымского влияния, и впоследствии поддерживали активные сношения с Бахчисараем [КРО, 2007, с. 309; Алиев, 1927, с. 45].

По крайней мере, со времен Алегуко Шаугенукова малкарские князья прямо подчинялись верховному князю Кабарды [КРО, 2006, с. 213]. Но сложная ситуация, в которой оказался Арсланбек Кайтуков, заставила его взяться за передел сфер влияния в горах. Добился он этого, пообещав малкарцам освобождение от податей в пользу кабардинских князей и даровав им права бесплатного выпаса скота на плоскости, в обмен на помощь в распространении своего влияния на Холам и Безенги [Этюды, 2007, с. 151–152; Кокиев, 2005, с. 164]. Одновременно Алимизра Биев способствовал утверждению власти Кайтукова в Дигории [Миллер, 2008, с. 428; Кокиев, 2005, с. 562]. В результате поддержки оказанной Кайтукову малкарскими феодалами, к 1743 г. только Чегем, прилегавший к землям Хатокшуковых, продолжал платить дань новому главе баксанской партии – Мухаммеду Кургокову. Хотя в период конфронтации 1743 г. Кургоков претендовал на полномочия верховного князя, и тем самым сюзеренитет над остальными обществами, дань с них, видимо, полностью перешла к Арсланбеку Кайтукову [Материалы, 2007, с. 95–96]. После раскола Кабарды в непосредственном подчинении её верховного князя из тюркских обществ остался только лежавший в стороне от уделов обеих партий Карачай [Броневский, 2004, с. 198; Бегеулов, 2009, с. 78].

Характерно, что в первой публикации кавказских материалов И.А. Гильденштедта небольшие общества долины Кичи-Черека были причислены как селения к Малкару [Племена, 2011, с. 15; Клапрот, 2008, с. 183; Бларамберг, 2010, с. 305; Броневский, 2004, с. 196]. Ведь безенгиевцы и холамцы, вместе с малкарцами, связали себя обязательствами по отношению к Джанпуладовым, в отличие от чегемцев, присоединившихся к баксанской партии [Броневский, 2004, с. 198; Бегеулов, 2009, с. 78]. Вероятно, оказав помощь Арсланбеку Кайтукову в подчинении своих соседей, малкарским князьям удалось добиться лидерства среди них. В самом деле, освобо-

див малкарцев от податей, Кайтуков тем самым признал их более высокий по сравнению с остальными горскими князьями статус, формальным основанием претензий на который они сами считали своё давнее родство с Айдаровыми.

Очевидно, именно всё это вызвало к жизни и другой любопытный юридический обычай горцев. Источники XIX–XX вв. указывают, что жители горной полосы от Карачая до Дигории считали малкарских судебных посредников более авторитетными, чем собственные, и в тех случаях, когда не были удовлетворены судебным решением, ходили судиться в Малкар [Балкария V, 2007, с. 13–14; Миллер, 2008, с. 867; Этюды, 2007, с. 152, 304]. Дело в том, что услугами малкарских судей пользовались жители тех горских обществ, в которых широко применялись нормы кабардинского обычного права, в то время как жители восточной Осетии, руководствовавшиеся в основном самобытными осетинскими правовыми обычаями, в таких случаях прибегали к посредничеству суда в Дагоме [Ковалевский, 1995, т. 2, с. 217–218]. Такое признание более высокой правоспособности малкарских судебных посредников может объясняться, во-первых, их относительной независимостью от кабардинцев (следовательно, свободой от возможного давления на судей извне), во-вторых, тем, что судоговорение находилось по большей части в руках князей. Поскольку басааты были единственными из горских феодалов, признаваемыми в родстве с кабардинскими *пше*, то могли считаться и лучшими знатоками заимствованных от кабардинцев положений обычного права.

Как и в предыдущем столетии, в XVIII в. крымские позиции в Малкаре оставались довольно прочными. Заключенное в соответствии с итогами Белградского мира соглашение было первой попыткой Кабарды добиться изъятия горских обществ из-под ханской власти. В историческом фольклоре дигорцев, соседей малкарцев, действительно сформировалось представление о свержении Арсланбеком Кайтуковым владычества крымских ханов в горах, после которого горцы якобы платили дань только Бийарслановым [Миллер, 2008, с. 218]. Однако, поскольку кашкатавская партия, захватившая контроль над Малкаром и соседними обществами, перешла на прокрымские позиции, то даже Белградский договор 1739 г., формально предоставивший Кабарде и её вассалам независимость от Крыма и России, на практике не мог оградить их от крым-

ского влияния [Бронеvский, 2004, с. 313–314; Грабовский, 2008, с. 7–10]. Только после издания Екатериной II в 1783 г. манифеста о присоединении Крыма к России малкарские князья предприняли первую попытку связаться с российской военной администрацией через её представителя подполковника Л.Л. Штедера [Pallas, 1812, с. 428–429]. Очевидно, в российской императрице они видели преемницу крымских ханов, но, по-видимому, дальнейшая судьба региона в те годы ещё вызывала у горцев сомнения. Поэтому лишь после того, как в 1787 г. последний крымский хан Шахин-Гирей выехал из России в Турцию, малкарские *таубии* Иса, Карыулз, Мисост и Сколты решились в марте встретиться с П.С. Потёмкиным, чтобы выразить просьбу о вступлении в российское подданство [Смирнов, 2005, т. 2, с. 203; Кавказская, 2002, с. 244; Лавров, 2009а, с. 393; Береулов, 2009, с. 46–47].

Глава V

ЧЕГЕМСКОЕ ОБЩЕСТВО В XVII–XVIII ВЕКАХ

§ 1. Миграция низовых черкесов в Чегемское общество во второй трети XVII века

Рискнув взяться за реконструкцию истории Чегемского общества, любой автор неизбежно столкнётся со значительными трудностями, вызванными ограниченностью и крайней фрагментарностью затрагивающих предмет источников. Конечно, ряду авторов, в том числе Н.Г. Петрусевичу, В.Ф. Миллеру, М.М. Ковалевскому, Б.К. Далгату, Н.П. Тульчинскому и Б.А. Шаханову, удалось собрать некоторые материалы по местным генеалогиям и фольклору [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 117–117об.; ф. 8, оп. 1, д. 167; ф. 8, оп. 1, д. 169; Миллер, 2008, с. 857–864; Далгат, 2009, с. 7–8; Карачай, 2011, с. 322–324; Этюды, 2007, с. 297, 321]. Однако, благодаря смене политической элиты Чегема в начале XVIII в., сведения о его становлении и раннем этапе истории оказались практически полностью утрачены. Не может восполнить этого пробела даже работа с архивными документами, так как описанные в фольклоре события хронологически предшествуют первому появлению сведений о чегемском обществе в письменных источниках [Бегеулов, 2009, с. 79–80; РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 192, л. 136–137; д. 434, л. 135]. Между тем, Чегем, как одно из трёх самых значительных тюркских обществ Центрального Кавказа, оказал серьёзное влияние на судьбу региона

Самым ранним из сохранившихся сюжетов чегемского фольклора является предание о миграции в Кабарду группы темиргоевских черкесов. Согласно сведениям А. Малкарукова и М. Барасбиева, князь Анфако Болатуков в сопровождении стапяти-

десяти воинов осел в бассейне р. Баксан. Однако верховья Баксана в то время были заняты сванами, в стычке с которыми он погиб. Тело Анфако, поручившего позаботиться о будущем своих сыновей Баймирзы и Джанмирзы *аталыкам* Абдрухаю и Гемишты, было захоронено в пирамидальном *кешене* у входа в Баксанское ущелье (на том месте, где впоследствии находился Наурузовский аул). Его сыновьям удалось отеснить сванов и захватить земли на правом берегу Баксана рядом с Бедыкской пещерой, получившей после этого название Баймирза-Дорбун [Миллер, 2008, с. 858; Карачай, 2011, с. 322].

Благодаря деталям легенды можно приблизительно датировать описанные в ней события, так как верховья Баксана были заняты сванами уже после разрушения аула Эль-Джурт и выселения из него карачаевцев на плоскость в 1635 г. [Материалы, 2007, с. 95]. Правда, в рассказе М. Барасбиева сюжет о войне со сванами отсутствует, а вместо него есть новый персонаж по имени Ипар, который назван сыном Анфако, а также отцом братьев Баймирзы и Джанмирзы (а в материалах Б.А. Шаханова – соответственно их отцом и дедом) [Карачай, 2011, с. 322; ЦГА РСО-А, ф. 8, оп. 1, д. 169]. Однако в действительности название Ипари принадлежало одной из сельских общин сванов (вероятно, именно эта община колонизировала земли в верховьях Баксана)¹ [Лавров, 2009а, с. 57]. Указание М. Барасбиева на то, что отец двух братьев был женат на княжне из рода Хатокшуковых, также говорит в пользу предполагаемой датировки событий [Карачай, 2011, с. 322]. Ведь освещённая в документах политическая деятельность Хатокшуко Газиева (верховного князя Кабарды в 1654–1672 гг.) приходилась на период 1622–1672 гг. [КРО, 2006, с. 177]. Можно предположить, что описанные в легенде столкновения со сванами происходили в первые годы после выселения карачаевцев из Баксанского ущелья. В этой связи опять же стоит упомянуть указание Федота Елчина на то, что в октябре 1639 г. «Отожука и Калистан на Сонскую землю

¹ Возможно, существовал незафиксированный рассказ о прекращении кровомщения между братьями и ипарцами. Только этим можно объяснить внесение Ипара в генеалогию чегемских князей, так как согласно нормам обычного права черкесов примирение сторон должно было быть скреплено установлением фиктивного родства [Хан-Гирей, 2008, с. 165, 312; СМОМПК, 1891, с. 29].

ево не отпустили, потому что с ними Сони воюютца» [Посольство, 1887, с. 310].

К сожалению, автору неизвестны документы, с помощью которых можно было бы надёжно верифицировать принадлежность Анфако¹ к темиргоевской княжеской фамилии Болатуковых или реальность его брака с дочерью Хатокшуко Газиева. Однако в *Сейяхат-наме* Эвлии Челеби сохранились некоторые сведения о темиргоевцах того времени, носивших адыгский политоним Болоткай, «болатуковцы». В 1666 г. он посетил их кабаки на реке Шагваше, где правили семеро братьев, «сыновей Булатука», из числа которых он знал Сахадука, Эльбуздая, Эльмирзу, Базрука и Бакука [Челеби, 1979, с. 72–73]. В произведениях адыгского фольклора из перечисленных братьев Болатуковых упоминается только Безруко. Во главе выставленного темиргоевцами воинского контингента он участвовал в предпринятой турками в 1641 г. осаде Азова, занятого тогда казаками [Ногмов, 1994, с. 62, 97–100; Челеби, 1979, с. 28; Повесть, 1991, с. 505]. Вполне возможно, что Анфако являлся одним из двух неизвестных Челеби братьев Болатуковых². Тогда его отсутствие в темиргоевских кабаках в 1666 г. легко можно объяснить преждевременной гибелью. Во всяком случае, многочисленный состав семьи Болатуковых вполне согласуется с указаниями легенды на безымянных братьев Анфако, конфликтом с

¹ Гипотетически можно попробовать отождествить Анфако с одним из трёх дипломатических эмиссаров, отправленных в 1643 г. Алегуко Шаугенуковым и Хатокшуко Газиевым в Терский город. Этот Анфока причислялся к «лутчим кабацким узденям», под которыми вероятно следует подразумевать *деженуго* [КРО, 2006, с. 357–360, 381]. Тот факт, что поселившись на чужих землях, *ние* автоматически переходили в сословие *кодзов* или *деженуго*, наглядно демонстрирует судьба кабардинской фамилии Тохтамышевых, а также темиргоевских Догужоковых и хатукаевских Собаепшевых, в прошлом князей адамейцев и собайцев [Челеби, 1979, с. 65, 69; Броневский, 2004, с. 154; Лавров, 2009а, с. 506–509]. Впрочем, поскольку имя Анфако было широко распространено в Кабарде, строгому доказательству эта гипотеза не поддаётся.

² В очерке Т.Т. Хаджимукова братом Безруко Болатукова назван Алегуко Канжов, захваченный в плен казаками при взятии ими Азова в 1637 г. [Хаджимуков, 1910, с. 14–15, 28–29]. Однако Алегуко Канжов несомненно тождествен хатукаевскому князю Алиджук Хатукову, происходившему из одного рода с Болатуковыми [Лавров, 2009а, с. 508–509].

которыми была вызвана его эмиграция в Кабарду¹ [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 117; Миллер, 2008, с. 858].

Далее, согласно легенде, братья Баймирза и Джанмирза, ото-слав на родину отцовских подданных, отправились в местность Актопрак в долине реки Чегем, где обратили внимание на несшиеся вниз по течению щепки, из чего сделали вывод о существовании в верховьях поселения. Отправившись дальше вверх по течению реки, они нашли аул Чегем, населённый иноплеменными для них горцами. Правителем аула был князь Бердибий, обитавший в башне на левом берегу р. Чегем, в местности Битиклэр². В то время местные жители были стеснены угрозой нападения малкарцев, от которых им приходилось укрываться в прилегающем к аулу ущелье р. Джилги. Тогда братья предложили чегемцам свою защиту. Чтобы заманить малкарцев в ловушку, они послали к ним местного жителя, предложившего свои услуги в качестве проводника в набеге на Чегем. Получив от него извещение о нападении врагов, Джанмирза и Баймирза двинулись им навстречу, а отборных чегемских воинов отправили запереть за противниками выход из узкого ущелья р. Джилги. Пока братья осыпали малкарцев стрелами с фронта, чегемцы ударили по ним с тыла и изрубили. После оказанных услуг Бердибий принял их в аул, а когда он умер, во время правления его сына Рачикау, два брата обрели значительную власть и почёт среди местных жителей [Миллер, 2008, с. 858; Карачай, 2011, с. 322–323].

Если сюжет с открытием горного поселения по щепкам, плывущим вниз по течению реки, архетипичен для тюркского фольк-

¹ В очерке Н.Г. Петрусевича, благодаря крайней фрагментарности сделанной им записи легенды, происхождение от темиргоевских Болатуковых ошибочно приписано Рачикауовым [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 117]. В рассказе А. Малкарукова племенная принадлежность Болатуковых опущена и лишь указано на то, что эта фамилия проживала на территории бывшего Абдзехского округа (1864–1865 гг.), охватывавшего земли Темиргоя [Миллер, 2008, с. 858]. Наконец в рассказе М. Барасбиева благородное происхождение Анфако вообще игнорируется, и указано лишь на опасения кровной мести за совершённое им в Убыхе убийство, послужившие причиной его бегства в Кабарду [Карачай, 2011, с. 322].

² *Битиклэр* (тюрк.) – «книги, письмена». Название местности объясняется располагавшимся в ней хранилищем православной служебной литературы (см. далее).

лора Центрального Кавказа, то за рассказом о сражении с малкарцами кроется вполне реальная юридическая практика той эпохи. Согласно нормам обычного права адыгов, насильственная смерть члена княжеской фамилии влекла за собой истребление всего семейства нижестоящего в социальной лестнице убийцы. Поэтому, как правило, *ниш* в бою могли нападать на противников, не встречая сопротивления [Кокиев, 2005, с. 66]. В рассказе М. Барасбиева, в полном соответствии с этим обычаем, братья, заманив малкарцев в ловушку, сами встречают их с фронта¹ (ведь в открытом сражении они были свободны от опасений за собственную безопасность). Сильно отличается записанная Б.К. Далгатом от князей Келеметовых версия того же предания, согласно которой конфликт был начат именно чегемцами, угнавшими у малкарцев скот. Согласно этой редакции предания преследователи загнали в ущелье р. Джилги и истребили лучшую чегемскую молодёжь [Далгат, 2009, с. 7]. В более раннем рассказе А. Малкарукова весь сюжет хотя и отсутствует, но сохранилось неясное указание на ум братьев, благодаря которому они были приняты в аул [Миллер, 2008, с. 858]. Во всяком случае, чем бы ни завершилось это противостояние, контакты с малкарцами были отмечены Джанмирзой в факте наречения своего сына именем Малкаруко.

Итак, данные чегемского фольклора указывают на миграцию примерно около 1635 г. группы темиргоевцев во главе с князем Анфако Болатуковым (возможно зятем Хатокшуко Газиева) на территорию Кабарды. Поскольку проживание на земле кабардинских князей подразумевало признание их сюзеренитета и тем самым понижение социального ранга Болатукова до *деженуго*, он вступил в борьбу со сванами за недавно освобождённые от жителей верховья реки Баксан. Хотя это столкновение закончилось гибелью Анфако,

¹ Адыгские князья использовали стрелы, оклеенные белыми перьями, выдернутыми из орлиного хвоста [КРО, 2007, с. 240; АБКИЕА, 1974, с. 197; Бларамберг, 2010, с. 135; Кабардинский, 2000, с. 188, 423]. Уоркам под страхом наказания было запрещено применение таких стрел (их собственные обычно оснащались вороновыми или тёмными перьями хищных птиц). Что же касается *ништел*, то с середины XVII в. им была строжайше воспрещена покупка лука, и предписано ношение только огнестрельного оружия [Potocki, 1829, p. 154]. Таким образом, стреляя в малкарцев из лука, Баймирза и Джанмирза предупреждали их о своём благородном происхождении.

его сыновьям Баймирзе и Джанмирзе удалось завладеть частью Баксанского ущелья. Однако по каким-то причинам им пришлось отпустить подвластных отца (вероятно со смертью князя обязательства темиргоевцев перед его покинувшими родину детьми оканчивались) и переселиться в соседнее ущелье р. Чегем. Используя свою княжескую неприкосновенность, братья приняли участие в войне между чегемцами и малкарцами, после чего были приняты князем Бердибием в общество. Сын Бердибия – Рачикау, видимо, разделил земли общества с Малкаруко Джанмирзовым, а также с Кучуком и Барасбием Баймирзовыми, так как именно с этого времени ведутся фамильные линии чегемских князей.

§ 2. Контакты Чегема с шамхалом и Кабардой в последней трети XVII века

Довольно любопытные воспоминания можно найти в чегемских легендах о событиях конца XVII в. Подробное, но сильно фольклоризованное изложение этой истории, облечённое в форму героического добывания невесты внуком Джанмирзы Актуганом, было оставлено в 1883 г. Алимйрзой Малкаруковым [Миллер, 2008, с. 859–860]. Кроме того, в документах военного ведомства, относящихся к концу XVIII в., сохранились краткие пересказы того же сюжета, сделанные по более свежему следу описанных событий.

Актуган Малкаруков в поисках выгодной партии для брака отправился на кумыкскую плоскость, где похитил Керима-хан, дочь Будаи-*шамхала*, которую увёз с собой в Чегем. В соответствии с брачным правом черкесов через два года пришло время свести знакомство с отцом жены, ради которого он опять прибыл во владения *шамхала* и разыскал его *аталыка*, кузнеца по имени Абд ал-Азиз. Будучи гостем, Актуган попросил его примирить себя со своим тестем. Однако Будаи счёл чегемского *таубия* неравной партией для своей дочери и попытался захватить в плен, потребовав за его освобождение огромный выкуп. Тогда, проявив невероятную доблесть, Актуган вырвался из-под стражи, оседлал заранее приготовленного коня и скрылся от погони. Опасаясь *шамхала*, Актуган решил укрепить своё горное селение и с этой целью нашёл в Сванетии искусных мастеров-каменщиков. С их помощью,

используя хитроумную систему мостков для доставки камня, он наскоро выстроил трёхэтажную башню и обнёс её большой стеной с воротами, укреплёнными другой небольшой башенкой. Вскоре в долину р. Чегем вступил *шамхал* со значительным войском. Актуган между тем разместил своих бойцов в узком месте ущелья, чуть ниже селения. Они должны были нести караул в скалах по обеим сторонам теснины Капчуг-кай и вести стрельбу по лошадям нападающего войска¹. Таким образом, шамхальские воины потеряли большую часть своего конного состава. После того как для устрашения противников обороняющимися была прострелена высокая персидская шапка самого Будая, *шамхал* пошёл на переговоры с Актуганом, закончившиеся их примирением [Миллер, 2008, с. 859–860].

Впрочем, ознакомление с архивными записями позволяет утверждать, что эта история не сразу приобрела такой облик. В 1782 г. чегемские *тауби* Келмухаммед, Крымшамхал, Исмаил, Тогай Малкаруковы и Мухаммед Кучуков, вспоминая о событиях столетней давности, разъяснили Д.В. Таганову, что «из их владельческой фамилии неведомо каким случаем пропал один малолетний сын, которого оне многократно домогались отыскивать и напоследок прибыв к прежде бывшему Тарковскому Будай Шемхалу, который обещался им отыскав отдать, только требовал от них ежегодной подати каждого двора по одному барану, которого нехотя того пропавшего сына лишится тое подать платить согласилися» [Бегеулов, 2009, с. 79–80].

Попробуем проанализировать и сопоставить две версии легенды. Условия освобождения Актугана, выдвинутые *шамхалом* в обоих рассказах, в общем-то, похожи, однако сам дух повествования носит диаметрально противоположный характер. Если в одном речь идёт просто о выкупе, состоящем из ясырей и ценных вещей, то во втором *шамхал* потребовал от чегемцев уплаты ему *мелжаго*, подразумевая вступление в вассально-ленные отношения с ними. Впрочем, и в позднейшей версии требование дани вызвано недовольством шамхала персоной своего зятя, которое намекает на зависимость последнего от вышестоящего сюзерена. В одном по-

¹ Так обычное право кабардинцев предписывало действовать при обороне против князей, чтобы избежать кровной мести [Адаты, 2010, с. 144].

вествовании разыскивать свою дочь, местонахождение которой скрывалось похитителем, вынужден был *шамхал*, во втором та же самая участь выпала на долю чегемцев, «многократно домогавшихся отыскивать» Актугана. Наконец если в первом случае Актуган изображён могучим героем, вырвавшимся из-под выставленной *шамхалом* стражи, то во втором он предстаёт «малолетним сыном» чегемской владельческой фамилии, взятым Будаем в заложники [Миллер, 2008, с. 859; Бегеулов, 2009, с. 79]. Документальные сведения о правлении Будаи-*шамхала* в 1667–1703 гг., к сожалению, не помогают пролить свет на обстоятельства заключения брака между его дочерью (или родственницей) и чегемским князем.

Описание второй части сюжета, посвящённой войне с *шамхалом*, сохранилось в материалах военного ведомства рассказывающих, что «чегемы... были некогда народ сильный. Черкесы... долго вели с чегемами войну. В оную войну было побито много кабардинских узденей... и тут на помощь к ним пришёл со своим войском Шамхал Тарковский – владелец Дагестана. Тогда чегемцы лишились своих природных владельцев и, по воле Шамхала сделались принадлежащими Большой Кабарде владельцам рода Атажуки и которые полагают на них повинность по своему произволению» [РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 192, л. 136–137]. *Шамхал*, «вспомоществовавший в сем трудном предприятии владельцам Казыева рода, получив победу над Чегемами, отдал их сему поколению в зависимость» [РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 434, л. 135].

В общем-то, совпадает с этим описанием и запись Д.В. Таганова, согласно которой чегемцы «жили несколько лет по своему произволу и недокого независящими». Однако согласившись принять требования Будаи-*шамхала*, они взяли на себя уплату подати, которую «и платили даже до прибытия на нынешние места кабардинского народа; а как предки нынешнего владельца Мисоста Бамматова, выпрося у реченного Тарковского владельца по дружески тое подать для платежа им, и с того времени чтоб им не было от них обид и других притеснений, тое подать платить согласились которую и платили беспрепятственно» [Бегеулов, 2009, с. 79–80].

Вероятно, следует признать, что в описании хода военных действий против *шамхала* рассказ А. Малкарукова сохранил гораздо больше достоверных подробностей, чем сильно героизированное им изображение женитьбы Актугана. В частности, трёхэтажная

башня в селении Верхний Чегем действительно принадлежит к числу редких на Северном Кавказе строений сванского типа (М. Барасбиев приписал её постройку деду Актугана Джанмирзе) [Карачай, 2011, с. 228, 323; Лавров, 2009а, с. 398]. Поскольку документы фиксируют деятельность Будая в регионе Центрального Кавказа в 1693 г., его поход на Чегем мог быть хронологически взаимосвязан с экспедицией *шамхала* в Малкар. Довольно соблазнительно выглядит предположение, что, будучи среди горской знати, сопровождавшей Арчила, Актуган мог быть взят в плен вместе с ним. Впрочем, подсчитав поколения чегемских князей, автор склонен предполагать, что в легенде идёт речь о чуть более ранних военных столкновениях. Судя по всему, именно в ходе разгоревшегося в теснине Капчуг-кай сражения был убит кабардинский *деженуго* Камгут Османов, в плату за кровь которого Актугану Малкарукову пришлось отдать земельный участок Кочхарташ (ср. рассказ о «побитых» в этом сражении кабардинских узденях) [Этюды, 2007, с. 301, 305].

Однако привлекает внимание то, что А. Малкаруков старательно избегал любых упоминаний об участии в этих событиях кабардинцев [Миллер, 2008, с. 859–860]. Видимо столь избирательно выстроенное повествование было продиктовано желанием умолчать об обстоятельствах признания чегемцами сюзеренитета Кабарды (возможно, по тем же причинам М. Барасбиев вообще пропустил весь этот сюжет). Алимйрза указал лишь на то, что к моменту прибытия в Чегем пришельцев из Темиргоя там уже прижились некоторые нормы адыгского права, такие как членение общества на сословия князей, *узденей* и *кулов*, уплата *мелжаго* в пользу князя Бердибия [Миллер, 2008, с. 858]. Разумеется, распространение сословной номенклатуры происходило в условиях кабардинской гегемонии. Таким образом, благодаря молчанию позднейших источников остаются невыясненными как история ранних взаимоотношений между чегемцами и кабардинцами, так и причины конфронтации между ними в конце XVII в.

Тем не менее, до нас дошли крайне интересные сведения из более поздней истории кабардино-чегемских отношений, сообщённые В.Ф. Миллеру и М.М. Ковалевскому в 1883 г. князем Арсланбеком Хатокшуковым. Согласно этой информации, после завоевания Чегема кабардинские князья Хатокшуковы и Мисостовы обло-

жили его рентой, выплачивавшейся рабами, мелким и крупным рогатым скотом, а чтобы проконтролировать процесс уплаты, поселили в Чегеме в качестве своих эмиссаров фамилию Ахматовых [Миллер, 2008, с. 865; Клапрот, 2008, с. 179–180; Бларамберг, 2010, с. 306]. Действительно, в горских обществах осетин и вайнахов кабардинские феодалы придерживались практики назначения своего представителя, встававшего вместе с конём на довольствие местных жителей [Ногмов, 1994, с. 160; Адаты, 2010, с. 151; Кокиев, 2005, с. 157]. Тот факт, что в Карачае и Малкаре такие эмиссары неизвестны, свидетельствует только о глубокой специфике связей этих обществ с Кабардой. В Чегеме же после военных столкновений конца XVII в. установилась вполне традиционная схема отношений между кабардинцами и горцами.

Можно резюмировать, что конец XVII в. стал временем крупных политических перемен в жизни Чегемского общества. В этот период времени чегемцы установили связи с *валием* Дагестана Будай-*шамхалом*, у которого в качестве заложника остался чегемский князь Актуган Малкаруков. Однако, в конечном счёте, эти контакты привели к заключению военного союза против Чегема между шамхальством и Кабардой. Поддержку в борьбе против этой коалиции чегемцы нашли в Сванетии. Завершились эти события, с одной стороны, примирением Актугана и Будай-*шамхала*, скреплённым междинастийным браком, а с другой – установлением вассально-ленных отношений между Чегемом и Кабардой.

§ 3. Борьба между чегемскими княжескими фамилиями Малкаруковых и Рачикауовых в начале XVIII века

В годы правления Кабардой Кургоко Хатокшукова (1695–1709) Чегем превратился в арену борьбы за власть между потомками темиргоевских переселенцев и коренными местными князьями [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 117]. Этим событиям посвящена песнь о Рачикауовых, сложенная в жанре *гыбзы* (известна только в тюркоязычном варианте) [Миллер, 2008, с. 858–862, 877; Карачай, 2011, с. 323–324; Этюды, 2007, с. 297, 321]. Прежде всего, необходимо сказать несколько слов о составе семей, вовлечённых в этот конфликт. От дочери *шамхала* у Актугана Малкарукова было двое сыновей – Келмухаммед и Ачахмед [Карачай, 2011, с. 323;

Этюды, 2007, с. 297; ЦГА РСО-А, ф. 8, оп. 1, д. 169]. Между тем, состав потомства князя Рачикау в трёх различных заметках по генеалогии оценивается различно. Все они сходятся на том, что у его сына, которого, согласно разным записям легенды, звали Акмирза, Бекмирза или Гази¹, было многочисленное семейство [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 117; Миллер, 2008, с. 858; Карачай, 2011, с. 324]. Однако А. Малкаруков насчитывал у него двенадцать сыновей, а М. Барасбиев обнаружил в песне о Рачикауовых другое число – девять [Миллер, 2008, с. 858, 860–862; Карачай, 2011, с. 324]. Впрочем, число «девять» является фольклорным и, как уже отмечалось автором, часто использовалось кабардинцами для обозначения полного прекращения рода.

Различается в разных версиях и обоснование причин вражды, разгоревшейся между двумя семействами. В записке Н.Г. Петрусевича указывается лишь на то, что Рачикауовы «стали сильно притеснять общество» [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 117]. Согласно рассказу А. Малкарукова, общество избрало *валием* Келмухаммеда Малкарукова, в обязанности которого входило ежегодное перераспределение пахотных и сенокосных земель между чегемцами, за что они обязаны были выплачивать ему *мелжаго*. Однако, завидуя ему, Рачикауовы насильно обложили местных жителей рядом повинностей. В частности, созывали женское население на уборку урожая с чужих земель в свою пользу, при варке пива вносили по котлу этого напитка со двора, пользовались своим правом на ночь с женщинами. Наконец, Рачикауовы принудили общество остановить доставку Келмухаммеду ежегодного барана, полагавшегося ему от каждого двора. После того, как они силой воспрепятствовали осуществить этот платёж его *эмчеку* Тичинову, Келмухаммед обвинил их в избиении своего человека. Тогда они оскорбили его, встретив все обвинения мычанием [Миллер, 2008, с. 858, 860].

Между тем, версия М. Барасбиева отвергает основные обвинения в адрес Рачикауовых. Согласно его интерпретации событий,

¹ Если разница между именами Акмирза и Бекмирза легко объясняется слабой памятью одного из рассказчиков, то имя Гази не имеет сходства с первыми двумя, поэтому автору кажется более логичным предположение, что в действительности существовали два брата, сыновья Рачикау.

именно они, а вовсе не Келмухаммед, стояли во главе общества, и поэтому стремившиеся к власти Малкаруковы замыслили их истребление. Таким образом, они искали лишь формального повода для ссоры, каковым стало высказывание одного из Рачикауовых, назвавшего Келмухаммеда Малкарукова скотом, о котором узнала жена последнего [Карачай, 2011, с. 323]. При этом в тексте песни, переданном М. Барасбиевым, всё же содержится намёк на то, что причиной раздора послужили хлеб и пиво братьев Тайчику и Билия Эльбаевых (соответствуют Тичиновым версии А. Малкарукова), причитавшиеся Рачикауовым [Карачай, 2011, с. 324].

Согласно материалам Б.А. Шаханова, причиной конфликта послужил простой земельный спор. Рачикауовы заняли пастбищный участок Нуклён, который находился на земле Маллюшко¹, принадлежавшей Малкаруковым, и выгнали оттуда их *чагар* Кетенчиевых (соответствуют Тичиновым и Эльбаевым предыдущих версий) [Этюды, 2007, с. 297, 321]. Наконец, Л.И. Лавров зафиксировал рассказ, восходящий к старой версии, но обросший новыми фантастическими обвинениями – Рачикауовы при покосе заставляли женское население сгребать сено не вниз по склону, а вверх [Лавров, 2009а, с. 518].

Между тем, даже в свете предложенных В.Ф. Миллером и М.М. Ковалевским объяснений, обвинения А. Малкарукова имеют довольно сложную и противоречивую структуру. Внедрение в Чегеме ряда социальных институтов, в том числе отработочной и некоторых видов натуральной ренты, приписывается в них Келмухаммеду Малкарукову (якобы сразу же после истребления Рачикауовых) [Миллер, 2008, с. 863–864]. Однако, хотя в рассказе и содержатся очевидные свидетельства того, что эти институты были знакомы чегемцам ещё при жизни Рачикауовых, но предшествующее взимание князьями тех же платежей расценивается как произвол с их стороны. Несогласованность выдвинутых против Рачикауовых обвинений говорит в пользу того, что версия М. Барасбиева недалеко от истины. В самом деле, в сельском обществе просто-напросто не существовало государственного аппарата принужде-

¹ Пастбище Маллюшко лежало у самого перевала в Сванетию и в XIX в. часто служило яблоком раздора между чегемцами и сванской общиной Муллах, взимавшей за пользование им арендную плату.

ния, с помощью которого *таубий* мог бы собрать ренту, если только она не была легализована нормами обычного права. Тем сложнее в условиях строго упорядоченного землепользования в горах было бы осуществить попытку присвоить чужой урожай или воспрепятствовать выплате ренты, причитавшейся другому князю. С другой стороны, если верховная власть над обществом оставалась в руках Рачикауовых, то в соответствии с кабардинским обычным правом перечисленные А. Малкаруковым платежи полагались бы им как должные [Адаты, 2010, с. 134, 141–144]. Видимо поэтому, из версии Б.А. Шаханова были изъяты наиболее абсурдные обвинения против них, и осталось только нарушение границ чужого владения, на сей раз конкретизированное в виде спора за земельный участок Нуклэн.

Что касается интерпретации событий, предложенной М. Барасбиевым, то она, судя по всему, была продиктована попыткой строже придерживаться содержания песни о Рачикауовых. Ведь в самой *гыбзе* подчёркивается, что Рачикауовы «жили мирно», а Келмухаммед застал их врасплох своим нападением [Карачай, 2011, с. 324]. Однако плач по Рачикауовым, разумеется, был сложен по заказу одного из выживших членов их фамилии, и поэтому характеризует их исключительно с положительной стороны. Не следует пренебрегать этим фактом и пытаться слишком буквально истолковать содержание песни, иначе придётся просто игнорировать объективные причины вражды между двумя семьями. С другой стороны, невозможно не заметить и того, что некоторые детали негативных характеристик, данных Рачикауовым, вторичны по отношению к тексту плача. Таково нанесённое ими сыну Актугана оскорбление (в виде мычания или наречения скотом), идея которого, скорее всего, заимствована постфактум из песни, называвшей Келмухаммеда «бычачьим калом» [Миллер, 2008, с. 860; Карачай, 2011, с. 323–324].

Сохранились два варианта описания гибели Рачикауовых, восходящие к А. Малкарукову и М. Барасбиеву. Из них первый излагает события гораздо более подробно и, вероятно, сохранил больше достоверных деталей. Однако оба сходятся на том, что начало цепочке событий положила встреча между Келмухаммедом Малкаруковым и братьями Рачикауовыми в местечке Жугурушти, вылившаяся в драку на палках. А. Малкаруков утверждал, что дра-

ка, будучи остановленной, закончилась угрозой в адрес братьев. После неё Келмухаммед собрал своих сторонников на присягу в часовне Байрам¹ и составил тайный заговор с целью истребления Рачикауовых [Миллер, 2008, с. 860–861]. М. Барасбиев же изобразил Келмухаммеда в более мужественном свете. Побудив противника к поединку словами: «Или ты думаешь, что я тебя убью из-за угла?», – он в драке якобы пробил ему голову копьём [Карачай, 2011, с. 323]. Само собой, нарисованная М. Барасбиевым картина должна была скрыть некоторые неприглядные детали истребления Рачикауовых. Если бы Келмухаммед действительно осмелился совершить открытое убийство, то нормы обычного права предписывали ему немедленно вслед за тем оставить Чегем, скрываясь от кровной мести.

Чтобы успешно осуществить задуманное, заговорщикам нужно было застать Рачикауовых вне аула, где они не могли бы укрыться в своей фамильной башне. Последняя перспектива грозила осаждающим перестрелкой и неминуемым поражением. Поэтому Келмухаммед выбрал для нападения понедельник, когда большинство братьев отправились на покос в Лишгите, на реке Гестенты² [Миллер, 2008, с. 860; Карачай, 2011, с. 324]. Там Келмухаммеду удалось подкупить работавшего на братьев малкарца, чтобы тот вынес из дома всё оружие, когда они заснут. После того, как он подал заговорщикам сигнал, они, проникнув в дом, перебили семерых Рачикауовых [Миллер, 2008, с. 861; Этюды, 2007, с. 297; Карачай,

¹ Пресвятая Дева Мария. Её часовня располагалась на левом берегу р. Гестенты, в полутора вёрстах от места её впадения в р. Баксан [Карачай, 2011, с. 234]. Следовательно, ещё до формальной ссоры Келмухаммед тщательно спланировал убийство Рачикауовых, так как заранее знал об их планах отправиться на покос в соседнее Баксанское ущелье, и подготовил для них ловушку, собрав в нём чегемских заговорщиков под предлогом исполнения христианского культа. Таким образом, изображаемый рассказчиками аффе́кт Келмухаммеда выглядит несколько надуманным.

² В Чегеме соблюдалось христианское празднование воскресенья, под предлогом которого заговорщики и собрались в часовне, поджидая Рачикауовых, вышедших на полевые работы на следующий день [Гильденштедт, 2002, с. 225]. Покос находился в округе впоследствии возникшего селения Былым [Карачай, 2011, с. 327]. Из легенды видно, что нижняя часть Баксанского ущелья, захваченная Баймирзой и Джанмирзой, находилась на тот момент под контролем Рачикауовых.

2011, с. 323–324]. В соответствии с повествованием А. Малкарукова, группа из других трёх братьев была в ту же ночь связана и умерщвлена на коше Галыгурджи (Голаучинском кургане), в четырёх часах пути от Чегема [Балкария IV, 2007, с. 74; Карачай, 2011, с. 324].

В ауле оставались отец, старший и младший братья, убийство которых по плану заговора должен был осуществить родственник Келмухаммеда Джан (вероятно Джанпулад Кучуков). Однако когда перед рассветом заговорщики вернулись в Чегем и обнаружили, что оставшиеся там Рачикауовы ещё живы, то решили дождаться, пока они разделятся. Младшему брату на рассвете отрубил голову *уздень* Келмухаммед Чотанов, когда тот отвёл свою лошадь на выпас. Старшего брата, Кучука, зарубил *чагар* Джанмирза Эндругов, пока ехал на пашню. Наконец, когда крепостные Малкаруковых попросили их отца Акмирзу о защите от хозяйского произвола и таким образом выманили показаться из окна дома, старый сван разбил ему голову палкой с деревянным шаром на конце [Миллер, 2008, с. 861–862].

Чтобы избежать кровной мести в будущем, заговорщикам оставалось убить годовалого сына Кучука, воспитывавшегося в чегемской фамилии Калибековых. Выманив ребёнка хитростью у его молочной матери, Чотанов и Эндругов разбили его головку о камень (в варианте М. Барасбиева – разрубили, подбросив в воздух). Затем отправили на родину жену Кучука, происходившую из царгасатской фамилии Карабугаевых. Однако ей удалось скрыть свою беременность, и в Дигории у неё родился сын Тууду¹ [Миллер, 2008, с. 862; Карачай, 2011, с. 323; Лавров, 2009а, с. 518]. Один из Рачикауовых, Актуган Казиев, находился в это время в Кабарде при Кургоко Хатокшукове, и по просьбе последнего был принят на жительство в Карачаевское общество [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 117–117об.].

В рассказе М. Барасбиева большая часть деталей опущена, а убийство младшего из братьев совершено тем же орудием, что и

¹ Так было принято называть тех сыновей, чей родитель умер невыделенным при жизни своего отца. В таких случаях право наследования имущества, которое полагалось бы при разделе на долю их отца, переходило к его братьям, а не детям [Балкария V, 2007, с. 64].

убийство Акмирзы в изложении А. Малкарукова. Кроме того, М. Барасбиев и Б.А. Шаханов, отдавая дань чегемской аристократии, приписали его убийство брату Келмухаммеда Ачахмеду [Карачай, 2011, с. 323; Этюды, 2007, с. 297]. Впрочем, в самой песне об участии Ачахмеда в заговоре нет ни слова и его главным исполнителем назван некий Чончалов (соответствует Келмухаммеду Чотанову) [Карачай, 2011, с. 324].

Итогом этих событий стал переход власти над обществом в руки Малкаруковых, Кучуковых и Барасбиевых. Впрочем, в Чегеме оставалась ещё одна княжеская фамилия – Келеметовы (возможно, родственная Рачикауовым) [Адаты, 2010, с. 164; Макаров, 2009, с. 5–6; Тепцов, 1892, с. 171; Далгат, 2009, с. 7; Караулов, 2009, с. 44; Тульчинский, 2009, с. 14; Этюды, 2007, с. 145; Кудашев, 1990, с. 238; Лавров, 2009а, с. 499]. Прямые наследники Рачикауовых – Туудуевы и переселившаяся обратно из Карачая часть Казиевых, Джаубермезовы, получили лишь статус *чанка* и не пользовались в обществе существенным политическим весом [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 71, л. 117об.]. Между тем, одним только приходом новой элиты к кормилу правления перемены в обществе не ограничились, так как Малкаруковы и Рачикауовы помимо прочего принадлежали к разным культурным кругам.

Дело в том, что в соседней Сванетии значительным влиянием пользовались князья Ричгвиани, фамилия которых образована от имени Рачикау или Рычкау (искажённое тюркским произношением адыгское Аракшау), и просто-напросто являлась грузинской передачей патронимии Рачикауовых¹. Сохранившиеся главным образом

¹ Ручагиани вместе с Дадешкелиани упоминаются в грамоте о решении дела крови между сванами и князьями Джапаридзе, выданной имеретинским царём Александром II около 1503 г. [Какабадзе, 1967, с. 32, 51]. Если бы текст этой части документа был аутентичен, то гипотезу автора о тождественности сванских Ричгвиани с чегемскими Рачикауовыми следовало бы признать неудачной. Однако грамота сохранилась в поздней копии, полной допущенными переписчиками ошибок, и попросту противоречит другим документальным данным по истории Сванетии (ещё И.А. Джавахишвили указал на подложный, компилятивный характер текста многих сохранившихся грамот крови) [Какабадзе, 1967, с. 24]. В частности известно, что в царствование Александра II Сванетией управлял *эристав* из рода Геловани (возможно, фигурант другой грамоты крови Абессалом Геловани, о котором, однако, в интересующем нас документе нет ни единого упоминания)

в сванском фольклоре сведения о Ричгвиани крайне отрывочны. Известно только что им удалось добиться гегемонии над Верхней Сванетией, однако для защиты своих интересов от их «стремления к тирании» сванская сельская община Эцери, а за ней Бечо, Чубохеви и Пари признали власть соперничавшей с ними княжеской фамилии Дадешкелиани [Ковалевский, 2006, с. 282]. В итоге Ричгвиани были истреблены, восточная часть бассейна р. Ингури освободилась от княжеской власти, а в западной её части в первой половине XVIII в. утвердился Отар Дадешкелиани (по преданию, убив своего тезку из фамилии Ричгвиани) [Окольный, 1857, с. 499–500; Дворянские, 1998, с. 87].

Предоставление феодальных пожалований в пограничных округах Грузии выходцам из аристократических фамилий Северного Кавказа было явлением достаточно обычным в грузинской истории. Например, дигорские Царгасаты (Черкесидзе) владели соседними сельскими общинами Геби, Глол и Чиори в горной части Рачи [Сборник, 2003, с. 45]. Арагвские *эриставы* были выходцами из уалагирского рода Сидамоновых [Ковалевский, 1995, т. 1, с. 24–25; Дворянские, 1998, с. 198]. В сванском сельском обществе Местия проживала дворянская фамилия Куштелиани, переселившаяся из Чегема [Ковалевский, 2006, с. 281]. Один из её предков – Капсог Куштелиани, известен в легендах как личный враг Отара Дадешкелиани [Грузинские, 1973, с. 204–206].

Вероятно, расширив свою власть на лежавшую за перевалом Сванетию, Рачикауовы наделили *азнаурским* пожалованием в её центральной сельской общине собственных представителей, из

[Багратиони, 1976, с. 225, 229–230; Дворянские, 1998, с. 70]. Напротив, родословное древо Дадешкелиани не восходит далее жившего в конце XVII в. Сортмана, отца Отара [Дворянские, 1998, с. 87; Брокгауз, Ефрон, 1893, с. 34]. Об отсутствии у Дадешкелиани глубоких корней в Сванетии свидетельствуют и поздние попытки доказать их преемственность от Геловани (в их собственной семье пользовалась большей популярностью генеалогическая легенда, принесённая с Северного Кавказа) [Ковалевский, 1867, с. 135–136; Дворянские, 1998, с. 70, 86; Ковалевский, 2006, с. 282]. Впрочем, ещё внимание Н. Окольного привлекли необоснованные претензии Дадешкелиани на пятисотлетнее правление Сванетией, которыми может объясняться внесение интерполяции в текст грамоты [Окольный, 1857, с. 500]. К сожалению, автору при работе над публикацией остались недоступны тексты синодиков из Сванетии, перечисляющие лиц из рода Ричгвиани [Какабадзе, 1967, с. 36–37, 359–360].

среды преданных лично им чегемцев. Ожесточённая вражда между Капсогом Куштелиани и Отаром Дадешкалиани, скорее всего, разгорелась после истребления покровительствовавшей первому фамилии Рачикауовых. Кроме того, именно влияние Рачикауовых в Сванетии, видимо, послужило тем рычагом, используя который Актугану Малкарукову удалось организовать в Чегеме столь крупномасштабную сванскую стройку, не имевшую аналогов в поздней истории Северного Кавказа.

В самом деле, обвинения в княжеском произволе, выдвинутые против Рачикауовых, в том виде, как они сформулированы в очерке Н.Г. Петрусевича и рассказе А. Малкарукова, выглядят довольно необычно для сильно феодализированных тюркских обществ Центрального Кавказа. Именно поэтому в изложении М. Барасбиева и Б.А. Шаханова была предпринята попытка свести проблему к личному конфликту между князьями. Однако неубедительный, искусственный характер поздних редакций заключается в том, что причиной конфронтации в них служат абсолютно разные ситуации, виновниками которых в каждом конкретном случае названы новые персонажи, тем не менее, носящие созвучные фамилии или имена.

Сельские общины сванов, напротив, оказались охвачены процессом феодализации гораздо в меньшей степени, чем соседние общества Центрального Кавказа, жизнь которых строго регламентировалась кабардинским правом. Поэтому в исторически обозримый период времени крепостное право было известно только обитателям феодального удела Дадешкелиани. В то же время жители восточной Сванетии были свободны от ренты и пользовались в своей среде сельскими институтами самоуправления. Однако в сельском обществе Местия сохранились антифеодальные предания об истреблении семейств князей Джапаридзе и *азнауов* Куштелиани, так же, как и Рачикауовы, обвинявшихся в попытках обложить местных жителей отработочной и натуральной рентой [Ковалевский, 2006, с. 270, 279–284].

В этой связи невозможно обойти вниманием тот факт, что политический памфлет А. Малкарукова против Рачикауовых сложен скорее в демократичных традициях Вольной Сванетии, чем в феодальных реалиях Чегема. Сами Малкаруковы, разумеется, организуя убийство Рачикауовых, претендовали на верховную власть в

Чегеме, но аранжировка легенды (обвинения в княжеском произволе, попытках обложить население рентой, коллективный сход заговорщиков) намекает на то, что заговор опирался на широкие слои населения, такие же, как недовольные княжеской властью вольные жители Сванетии. В самом деле, убийцу Акмирзы Рачикауова легенда называет сваном [Миллер, 2008, с. 861–862]. В сванском фольклоре та же история сохранилась в виде предания об убийстве Акмирзы Ричгвиани руками уроженца Местийского общества из фамилии Мильдиани [Хрестоматия, 1978, с. 184]. Хотя в поздно фиксированной сванской легенде сами обстоятельства убийства Акмирзы другие, в ней сохранились такие архаичные детали, знакомые А. Малкарукову, как попытки Рачикауовых обложить рентой вольное население, насилия над женщинами, вызвавшие в обществе возмущение и их последующее полное истребление. Кроме того, заговорщики, вероятно, совсем неслучайно подготовили ловушку для его сыновей именно в Баксанском ущелье, верховья которого были заняты личным доменом сванских князей Дадешкелиани. Возможно, существовал сговор между Малкаруковыми и Дадешкелиани, оспаривавшими владения Рачикауовых соответственно в Чегеме и Сванетии.

По-видимому, Рачикауовы были тесно связаны как с соседней Сванетией, так и с её православными традициями. Во всяком случае, в селении Чегем было две христианских церкви, одна из которых, носившая название Артла, находилась на правом, позже заселённом берегу реки, а вторая, Фардык, – в старой части аула на левом берегу [Лавров, 2009а, с. 408; Гильденштедт, 2002, с. 225; Балкария III, 2006, с. 64]. Кроме того, к пещере в скалах на правом берегу р. Джилги была пристроена ещё одна церковь, при которой, как известно, жил священник-*папас* [Pallas, 1812, р. 427; Клапрот, 2008, с. 180; Potocki, 1829, р. 152; Миллер, 2008, с. 856; Карачай, 2011, с. 227; Тепцов, 1892, с. 159–160]. В пещерной церкви хранился сундук с церковной утварью и служебной православной литературой на греческом языке¹ [Лавров, 2009а, с. 408; Pallas, 1812,

¹ Один лист из греческого евангелия и семь листов из служебника, хранившихся в этом сундуке, удалось заполучить П.С. Палласу. Впоследствии они попали в коллекцию Г.Ю. Клапрота. А.С. Фирковичу чегемцы сообщили рассказ о книгах из пещерной церкви, но локализовали место их хранения под развалинами

с. 427; Клапрот, 2008, с. 180; Potocki, 1829, с. 152; Балкария III, 2006, с. 63–65; Миллер, 2008, с. 856; Карачай, 2011, с. 227]. Разумеется, связь с православной церковью Чегем мог поддерживать только через Лечхумскую епархию, к которой принадлежала тогда Сванетия [Гильденштедт, 2002, с. 203]. Однако со смертью Рачикауовых объединявшее Чегем со Сванетией звено было разорвано.

В отличие от сыновей Рачикау Келмухаммед и Ачахмед происходили по материнской линии из шамхальского дома, принадлежавшего к мусульманским феодальным верхам Дагестана. Именно после приезда в Чегем их матери в нём началось распространение ислама [Миллер, 2008, с. 860]. В этой связи очень любопытны сведения о чегемцах, полученные в Терском городе, вскоре после истребления Рачикауовых, Бальтазаром Франком, согласно которому «христианские храмы их превращены в развалины соседними черкесами, ныне они исповедуют ислам и занимаются хлебопашеством» [Дитц, 1997, с. 451].

Однако к началу XVIII в. некоторые христианские верования прочно прижились в Чегеме, жители которого продолжали соблюдать Великий пост, праздновать Пасху, почитать святых и охранять свою православную литературу от мусульман [Лавров, 2009а, с. 408; Гильденштедт, 2002, с. 225; Балкария III, 2006, с. 64–65; Миллер, 2008, с. 857]. Начало более активной исламизации общества было положено сыновьями Келмухаммеда, Али и Омаром Малкаруковыми, первый из которых изучал в шамхальстве мусульманское богословие и привёз оттуда в Чегем рукопись Корана [Миллер, 2008, с. 860]. Вероятно, именно с их деятельностью была связана отправка генералом Д.Ф. Еропкиным (комендантом крепости Святого Креста в 1731 г.) команды, предпринявшей неудачную попытку изъять у чегемцев православную литературу [Лавров, 2009а, с. 408]. Тем не менее, окончательное утверждение ислама в Чегеме произошло благодаря появлению в нём дагестанского про-

Кала-Кол в Баксанском ущелье, а когда он начал расспросы о погребё под церковью Фардык, вдруг вспомнили о литературе, якобы брошенной в реку или сожжённой дагестанским богословом. Поскольку эта литература впоследствии была обнаружена Г.Р. Эрстовым, очевидно, что местные жители, узнав, что Фиркович – еврей и собиратель рукописей, сначала решили скрыть от него настоящее местонахождение книг и поэтому попытались запутать рассказ, а затем, испугавшись его расспросов, придумали историю об их уничтожении.

поведника, примерно в хронологических рамках движения Шейх-Мансура (1787–1791 гг.) [Балкария III, 2006, с. 64–65].

Что же касается хранившихся в Чегеме христианских книг, то греческое евангелие было изъято около 1823 г. другим мусульманским богословом, приехавшим из Дагестана (он за вознаграждение передал рукопись в Константинопольскую патриархию) [Балкария III, 2006, с. 65]. Позже некоторые книги попали в руки генерала Г.Р. Эристова (начальника Центра Кавказской Линии в 1847–1852 гг.) [Балкария I, 2005, с. 24]. К концу XIX в. сама память о хранившемся в пещере сундуке с книгами и церковной утварью превратилась в сказку о сокровище, инкорпорированную в состав легенды о Бердибие, который жил как раз при выходе из ущелья реки Джилги. Чегемцы рассказывали, что «жилищем его был вышеупомянутый недоступный грот, царивший над всем ущельем. Покидая своё воздушное царство, суровый старик оставил, говорят, в своей пещере сундук, наполненный золотом, а на нём меч, во имя неприкосновенности клада, и разрушил лестницу» [Далгат, 2009, с. 7]. Вот таким причудливым образом в фольклоре была увековечена память о христианском прошлом первых чегемских князей.

Глава VI

БЕЗЕНГИЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В XVII ВЕКЕ

§ 1. Баксанук Гиляуханов и борьба за власть в уделе Тлостановых в начале XVII века

Долина Кичи-Черека является «слепой» зоной истории Центрального Кавказа. Локализованные в ней Безенги и Холам ещё в XVIII в. по сути дела представляли собой два небольших селения [Гильденштедт, 2002, с. 224; Клапрот, 2008, с. 183; Бларамберг, 2010, с. 305; Броневский, 2004, с. 196]. Неудивительно, что сохранившихся в этих сельских обществах материалов попросту недостаточно для построения каких-либо исторических реконструкций, относящихся к более раннему времени. Впрочем, данные генеалогии князей Шакмановых не дают никаких оснований относить возникновение холамского общества, занявшего нижнюю часть ущелья Кичи-Черека, к периоду ранее XVII в. К началу XX в. эта фамилия насчитывала всего лишь восемь поколений от общего предка Хамзы Шакманова [Этюды, 2007, с. 341]. Между тем, указание Н.П. Тульчинского на происхождение холамских Шакмановых вместе с чегемскими князьями Келеметовыми из Дигории демонстрирует, если не генеалогическую связь между ними, то, по крайней мере, наличие у них общей родословной легенды, наподобие той, что связывала малкарских Басиат с Мысаковыми [Тульчинский, 2009, с. 14]. Кроме того, в опубликованной Н.П. Тульчинским песне, описывающей сражение карачаевцев со сванами, упоминается о прибытии из Чегема в верховья Кубани князя Тамма Шакманова [Карачай, 2011, с. 321]. Поэтому довольно логичным выглядит предположение об эмиграции Хамзы Шакманова из Чегема примерно в середине XVII в.

Что касается располагавшегося в верховьях Кичи-Черека Безенги, то Суюнч, сын Баксанука, родоначальник его владельцев, князей Суншевых, судя по всему, был современником Хамзы Шакманова [Этюды, 2007, с. 343]. Однако их родословная содержит загадочную начальную часть – цепочку из пяти поколений предков Суюнча, составлявших так называемую фамилию Гиляухановых [ЦГА РСО-А, ф. 270, оп. 1, д. 24, л. 35]. Как уже отметил автор, Суншевы и Урусбиевы пытались возвести своё родословие к Чингиз-хану и его потомку Бораку. Несомненно, первые два предка Суюнча из письменной генеалогии также являются персонажами легендарными и носят в ней ханский титул. Впрочем, Гиляу-хан (Глым) считался лишь номинальным основателем фамилии, в то время как фактическим её родоначальником легенда называла его сына Артут-хана, в соответствии с общими законами жанра, выходца из Крыма [Карачай, 2011, с. 321; Тульчинский, 2009, с. 14; ЦГА РСО-А, ф. 270, оп. 1, д. 24, л. 35]. Если предположить в них реальных исторических лиц, то простой подсчёт поколений заставит отнести время их жизни примерно к концу XV – первой половине XVI вв., то есть к эпохе существования Большой Орды и Астраханского ханства. Во всяком случае, исторические прототипы этих генеалогических персонажей остаются неизвестны автору. Но гипотетически с именем Артута можно сопоставить гидронимическую легенду, приведённую в нартском эпосе кабардинцев, согласно которой Алтуд – якобы старое название реки Баксан [Ногмов, 1994, с. 82].

Не сохранилось никаких сведений о Мирзакуле и Кандауре, деде и прадеде Суюнча. Напротив, отец Суюнча – Баксанук – был известен в горских обществах как герой особой, посвящённой лично ему песни [Этюды, 2007, с. 145]. Поэтому и в генеалогии он назван *батыром* [ЦГА РСО-А, ф. 270, оп. 1, д. 24, л. 35]. Песня о Баксануке пользовалась столь широкой популярностью в горах, что оказалась знакома не только тюркоязычным горцам и кабардинцам [Баранов, 2011, с. 78–86], но даже сванам. В комментарии к опубликованной в 1890 г. А.Н. Греном сванской песне её главный герой Мирзабек, возглавлявший чегемцев во время набега на Муллахское общество, отождествлён с безенгиевским Баксануком Гиляухановым [Карачай, 2011, с. 222].

Само собой песня о Мирзабеке, судя по таким деталям, как подзорная труба, ружья, пистолет и шашка описывает гораздо более поздние события [Карачай, 2011, с. 223]. Однако публицисты XIX в. часто совершенно произвольно ставили знак равенства между героями разных фольклорных преданий и песен. Например, М.К. Абаев, нацелившийся на написание биографии собственного предка, Сосрана Абаева, за недостатком материала попросту отождествил с ним Алшагира Кунчукова [Этюды, 2007, с. 149–150]. Другой пример курьёзной интерпретации данных фольклора продемонстрировали информаторы Н.Г. Петрусевича, которые, найдя в *гыбзе* княгини Гошагаг упоминание о её отъезде в Баташев аул, решили, что она после первых своих двух браков с Крымшамхаловыми вышла замуж за родоначальника карачаевских Боташевых [ЦГА РСО-А, ф. 262, оп. 1, д. 23, л. 53]. В действительности же речь в песне идёт об ауле кабардинского *деженуго* Эльжеруко Баташева, дяди Гошагаг с материнской стороны [Карачай, 2011, с. 311–312].

Не совсем понятно, какими соображениями руководствовались сванские рассказчики, поставив знак равенства между Мирзабеком и Баксануком Гиляухановым. Тем не менее, этот любопытный факт, вероятно, говорит о давних связях между Безенгиевским обществом и Сванетией, на которых следует специально остановиться. В ходе своего путешествия по Кавказу в 1807–1808 гг. Г.Ю. Клапрот обратил внимание, что «село Хулам населено семьями сванов, всё ещё продолжающими одеваться строго на имеретинский манер и именуемыми сони. Они живут не только здесь, но и рассредоточены в соседних горах Кашка-Тау, что означает “Свинцовая гора”, и подчиняются кабардинцам, с коими обмениваются своими собственными продуктами и рабами обоих полов на соль и зерно» [Клапрот, 2008, с. 183; Бларамберг, 2010, с. 305].

Заметка Клапрота помогает прояснить указание В. Багратиони на то, что Басиани ограничивалось «с запада – лежащим между ним и Сванетией Кавказом» [Багратиони, 1904, с. 138, 150]. В самом деле, далее Багратиони уточнил, что сваны (которые занимали во время его жизни ущелье Баксана) граничили на западе с Аланетией, то есть областью, протянувшейся от Эльбруса до верховий Зеленчука [Багратиони, 1904, с. 236–237]. А поскольку Чегемское общество ещё в конце XVII – начале XVIII вв.

также было тесно политически связано со сванами, то Багратиони в своей географии видимо попросту не отделял от Сванетии территорию трёх соседних ущелий – Баксана, Чегема и Кичи-Черека. А.С. Фиркович, посетив Холам сорок лет спустя после Клапрота, уже не нашёл в нём сванского населения. Однако он обнаружил в Безенги церковь, расписанную внутри одиннадцатью изображениями святых, которые были подписаны по-грузински [Балкария III, 2006, с. 66]. К сожалению, дошедших до нас сведений трёх авторов недостаточно для адекватной реконструкции этнической истории ущелья Кичи-Черека.

В проблематике песни о Баксануке, помимо путей её распространения, важное место занимает определение жанровой принадлежности. В частности, один из потомков Баксанука, Исмаил Урубиев, выделил в фольклоре горцев четыре песенных категории. Все рассматриваемые в рамках этой книги песни исторического содержания составляют в классификации Урубиева группу так называемых *эски джир* [Балкария I, 2005, с. 40]. Однако, как сам Исмаил, так и его сын Сафарали, считали, что горская песенная традиция заложена корпорацией кабардинских странствующих певцов-*гегуако* (поэтому кабардинский прозаичный пересказ этого предания вполне может восходить напрямую к адыгскому оригиналу песни) [Балкария I, 2005, с. 39; Этюды, 2007, с. 33; Баранов, 2011, с. 78–86]. Будучи рассмотренными с такого ракурса, те же самые песни демонстрируют некоторое жанровое разнообразие. В частности плачи, сложенные по случаю гибели Каншау, Кайсына и Рачикауовых, относятся к адыгскому жанру *гыбзы*. Песня, рисующая картину сражения карачаевцев со сванами, является характерным примером другой важнейшей разновидности адыгского песенного фольклора – описания битв [Хан-Гирей, 2008, с. 149]. Поскольку в таких песнях принято было излагать подвиги участвовавших в сражении воинов, она рассказывает о деяниях Гиляхстана Крымшамхалова, Тамма Шакманова, Байчокку Мукаева, Жулуя Кабаева. Причём центральное место в ней занимает отнюдь не князь, а простой *уздень* Татархан Багатырев, остановивший бегство карачаевского войска [Карачай, 2011, с. 319–321].

Но в песне о Баксануке нет ни вызывающих скорбь сообщений о гибели главного героя, ни картины массовых сражений. Среди девяти черкесских песенных жанров, описанных Хан-Гиреем,

она строго соответствует лишь канонам жизнеописательного. Уже сам этот факт свидетельствует о её значительной древности, так как подобные песни хронологически предшествовали заменившей их *гыбзе* [Хан-Гирей, 2008, с. 148–149]. В самом деле, основной её тематикой является история взаимоотношений между Баксануком Гиляухановым и Шаулохом Тлостановым, являвшимся в 1609–1616 гг. верховным князем Кабарды. Если буквально истолковать содержание песни, то Шаулох Таусултанов посреди ночи похитил жену Баксанука – княгиню Сарайда (в кабардинской редакции – Ниса [Баранов, 2011, с. 78–86]). Увидев вещий сон, Баксанук проснулся, но не смог достать из сундука оружие (стрелы, оклеенные чёрными орлиными перьями). Тогда, поднявшись наверх своей башни в селении Безенги, он нашёл старый лук с неоперёнными стрелами. Пустив две стрелы в уходивших в сторону Холама похитителей, он убил двух татар, причём в песне содержится неясный намёк на то, что одна из них принесла ему славу. Указание песни на связывавшие Баксанука с Тлостановыми эмчекские отношения позволяет определить легшие в её основу события [Карачай, 2011, с. 321–322].

В начале XVII в. разгорелась борьба за власть над уделом Тлостановых между Шаулохом и Пиштой Тапсаруковыми. После того, как его младший брат нашел убежище во владениях Гази Пшеапшокова, Шаулох, объединившись с эрпелинским князем Мухаммедом Будачеевым и *мирзами* Большого Ногая, 11 ноября 1615 г. напал на поселения Бийарслановых, располагавшиеся на реке Куркуджин [Ногмов, 1994, с. 131–133]. Пишта был убит вместе с Гази и пятью другими князьями [КРО, 2006, с. 158, 608–610, 637; Посольская, 2006, с. 172]. Вскоре, однако, Шаулох умер, а удел Тлостановых возглавил его старший сын Карача. Когда выступивший в поход против Персии Джанибек-Гирей II в августе 1616 г. достиг Хатукая, Карача Шаулохов вместе с Алегуко Шаугенуковым, новым главой удела Бийарслановых, отправился встретить хана [КРО, 2006, с. 162]. Однако Алегуко давно уже искал способ отомстить за своих убитых родственников [КРО, 2006, с. 168–169]. На сей раз ему удалось восстановить хана против Карачи и вернуться в Кабарду уже с трёхтысячным крымским войском [КРО, 2006, с. 636]. В поддержку этим силам Джанибек-Гирей созвал ногайское ополчение, которое возглавил *мирза* Келмухаммед б. Дин-

Мухаммед [КРО, 2006, с. 162, 636]. Переправившись через Терек у Татартупа, это войско напало на удел Тлостановых, причём в разыгравшемся сражении погиб Ибак Султанбеков, троюродный брат сыновей Шаулоха Тапсарукова, а сами они вынуждены были бежать во владения Гиляхстановых [Ногмов, 1994, с. 138–141]. Впрочем, эти последние предпочли союз с сыновьями Пишты и убили Карачу вместе с его братьями Алкашем и Тлостаном. После этого власть в уделе Тлостановых перешла к Захурбеку Пиштову, который видимо и расправился с укрывавшимся в горах Джанте-мрюко, последним оставшимся в живых сыном Шаулоха Тапсарукова (другой сын Анфако, судя по всему, умер ещё перед этими событиями) [КРО, 2006, с. 610]. До 1622 г. Захурбек регулярно упоминается в документах, а в 1626 г. главой удела Тлостановых уже был Ильдар Ибаков [КРО, 2006, с. 173–174, 178, 189]. Следовательно, примерно в этот промежуток времени Захурбека убил «горской мужик Хорошаев дятка за Хорошаеву кровь» [КРО, 2006, с. 610].

Несомненно, в основу песни о Баксануке легла именно история совершённого им убийства Захурбека Пиштова. Однако в соответствии со строгими законами жанра каждое жизнеописание, как только оно было составлено, обязательно подвергалось тщательной цензуре. Знатоки жанра исключали из песни всё, что могло противоречить практикующимся нормам приличия [Хан-Гирей, 2008, с. 148–149]. Видимо, не избежала жесткого цензирования и песня о Баксануке. Ведь события братоубийственной войны, опустошившей ряды семейства Тлостановых, мало соответствовали условным законам вежливости, принятым среди черкесов. В обществе адыгов старший брат занимал по отношению к младшему место отца, и даже если они и враждовали, то обязаны были в присутствии других людей тщательно скрывать свои чувства [Хан-Гирей, 2008, с. 327]. И уж совсем неприличной выглядела гибель главы удела Тлостановых от рук *таубия*, занимавшего в феодальной иерархии Кабарды всего лишь позицию *кодза* или *деженуго* [КРО, 2006, с. 256].

Неудивительно, что без изъятых из песни строк её смысл к началу XX в. был забыт. В комментарии к ней утверждается, что Баксанук в темноте настиг похитителей на дороге рядом с Холамом и отбил у них свою жену, с которой потом расправился, привязав к

хвосту коня, растерзавшего её о камни (в кабардинской редакции к хвостам разорвавших её ишаков была привязана Хамафа, кормилица Нисы, оказавшая ей помощь при побеге, саму же свою жену безенгиевский князь разрубил на куски кинжалом) [Карачай, 2011, с. 322; Баранов, 2011, с. 85–86]. Однако если, как считал комментатор, Тлостанову действительно удалось скрыться, сложно объяснить внимание, проявленное в песне к стрелам с чёрным оперением, указывавшим на социальный ранг Гиляуханова (идентичный кабардинскому *уоркишхо*). Непонятным тогда становится и упоминание стрелы, принёсшей Баксануку славу, которая согласно логике песни должна была сразить его врага [Карачай, 2011, с. 321]. Неожиданное введение в повествование татар, вероятно, должно было служить намёком на войско Джанибек-Гирея II, поставившее Захурбека во главе удела Тлостановых [Карачай, 2011, с. 322]. В кабардинской редакции предания Девлет (искажённое Гиляуханов) действительно попадает стрелой в затылок кабардинскому узденю Наурузу, имя которого, как несложно заметить, представляет собой метатезу имени Захурбек [Баранов, 2011, с. 85]).

Вероятно, содержание песни следует интерпретировать следующим образом. Будучи *эмчеком* Карача Шаулохова, Баксанук считал своим долгом совершить за него кровную месть. Однако право кровомщения за убитого принадлежало, прежде всего, его ближайшим кровным родственникам, одним из которых в данном случае оказался как раз Захурбек Пиштов, старший двоюродный брат Карача Шаулохова, являвшийся одновременно и главным виновником его убийства. В этой сложной ситуации Баксануку необходимо было найти весомое основание для убийства Захурбека. Даруя князьям право распоряжаться жёнами и дочерьми их подвластных обычное право кабардинцев, в то же время давало иммунитет от этого обычая сословиям *кодзов* и *деженуго* [Адаты, 2010, с. 154]. Вероятно, публичное обвинение Захурбека в попытке нарушить этот иммунитет представляло для Баксанука хитрую лазейку избежать кровной мести Тлостановых за совершенное им убийство. Однако чтобы подтвердить факт совершения насилия адат требовал расправы над неверной женой. Таким образом, песня о Баксануке выглядит своего рода оправдательным манифестом, излагающим удобную ему версию обстоятельств совершенного им убийства. Однако сам тот факт, что из рода Гиляухановых уцелела

только ветвь, начатая Суюнчем Баксануковым наводит на мысль, что избежать кровной мести со стороны кабардинцев им всё-таки не удалось.

Итак, об истории ущелья Кичи-Черека сохранилось совсем немного информации. Известно, что в нём селились как тюркоязычные горцы, так в течение некоторого времени и сваны. Генеалогические предания тюркских жителей утверждают, что в XVI – первой половине XVII вв. в нём возникло безенгиевское сельское общество, во главе которого стояла полулегендарная фамилия Гиляухановых. Один из них, Баксанук, благодаря молочному родству, связывавшему его с семейством верховного князя Кабарды Шаулоха Тапсарукова, был вовлечён в междоусобную борьбу, разгоревшуюся в 1615–1616 гг. внутри фамилии Тлостановых. После гибели большинства сыновей Шаулоха, в Безенги, по-видимому, пытался найти убежище последний из них, Джантемрюко. Примерно в 1622–1626 гг. Баксануку удалось отомстить за своих молочных родственников, убив их двоюродного брата Захурбека Пиштова, нового главу удела Тлостановых. Чуть позже, скорее всего, в середине XVII в. ущелье Кичи-Черека было поделено между сыном Баксанука Суюнчем и Хамзой Шакмановым.

Заключение

Подводя итоги, нельзя не заметить, что весь обширный рассмотренный материал не даёт прямых свидетельств о тех событиях, которые привели к образованию тюркских обществ Центрального Кавказа. К сожалению, сведений о ситуации, сложившейся в первой половине XVI в. в центральной части Северного Кавказа, нет ни в летописях, ни в архивах. Неизвестны ни первоначальные формы политической организации осевших в Кабарде кочевников, ни характер их взаимоотношений с ханской ставкой в Астрахани. В генеалогических же преданиях горцев этой части Кавказа можно отыскать только указания на основание тюрками не ранее второй трети XVI в. карачаевского и малкарского горских обществ. Поэтому в заключение автор должен попытаться хотя бы отчасти пролить свет на цепь событий, приведшую к их созданию.

Очевидно, что свершившееся в 1502 г. падение Большой Орды коренным образом изменило этнополитическую карту Кавказа. Одной из причин, предопределивших её крах, было противостояние большеордынцев с черкесами, населявшими восточное побережье Чёрного и Азовского морей [Зайцев, 2004, с. 99–102; 2006, с. 206–209]. К концу XV в. в области проживания черкесов, ограниченной с востока руслом реки Лаба (Г. Интериано определил расстояние до неё от берега моря в восемь дней езды), образовались несколько центров политической консолидации, такие как Кабарда, Темиргой¹ и Собай. С востока и севера территория этих но-

¹ В произведениях европейских авторов XV в. – Кромук или Кремук [Клапрот, 2008, с. 250; Барбаро, 1971, с. 153]. Среди адыго-абхазских политических объединений того времени Иосафат Барбаро также упоминает Кипке и Татаркосию. И.В. Зайцев на материале османских источников продемонстрировал, что название Татар-кёше – «татарский край» – носила территория к северу от Кубани [Зайцев, 2014, с. 95–97]. Что же касается Кипке, то это название пока затруднительно отождествить с каким-либо племенем или сельским обществом.

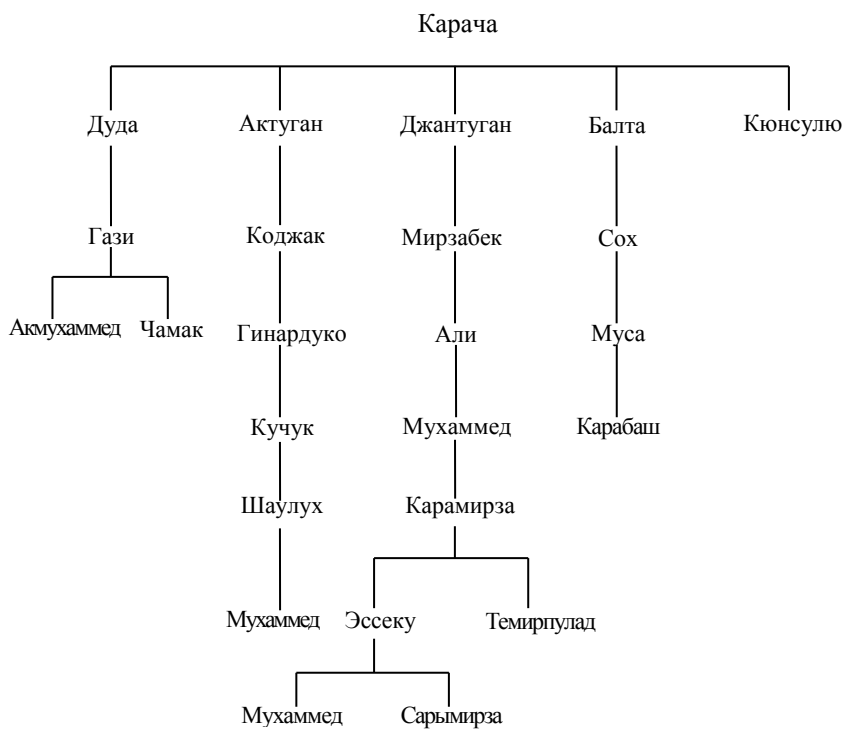
вых политических образований граничила с землями Большой Орды, против которой черкесы вели вооружённую борьбу [Клапрот, 2008, с. 250; Барбаро, 1971, с. 153]. В конце концов, благодаря крайнему истощению ресурсов Большой Орды накануне её падения, черкесам удалось добиться военного доминирования над большеордынскими татарами, которое Г. Интериано описал в следующих словах: «Небольшое их число способно обратить в бегство крупный отряд последних, так как они более быстры, лучше вооружены и демонстрируют большую храбрость» [Клапрот, 2008, с. 255].

Поэтому, как только Большая Орда была окончательно разбита крымским ханом Менгли-Гиреем, черкесы воспользовались сложившейся ситуацией и заняли принадлежавший до тех пор татарам сектор Центрального Кавказа. В течение первой трети XVI в. в этом регионе, лежавшем в стороне от действующих городских центров, утвердились кабардинцы, с историей которых оказалась тесно связана судьба группы большеордынских татар, оттеснённых черкесами в предгорья. Основатели малкарского общества в тот период времени поселились в урочище Кашкатау (там было возведено погребальное *кешене* их князя Мысаки), карачаевцы тогда же обитали в верховьях Зеленчука [Миллер, 2008, с. 853; Балкария III, 2006, с. 98]. Последовавшие за этим события вынудили тюрков перебраться в горные ущелья, тем не менее, ранее или позже попавшие под власть Кабарды.

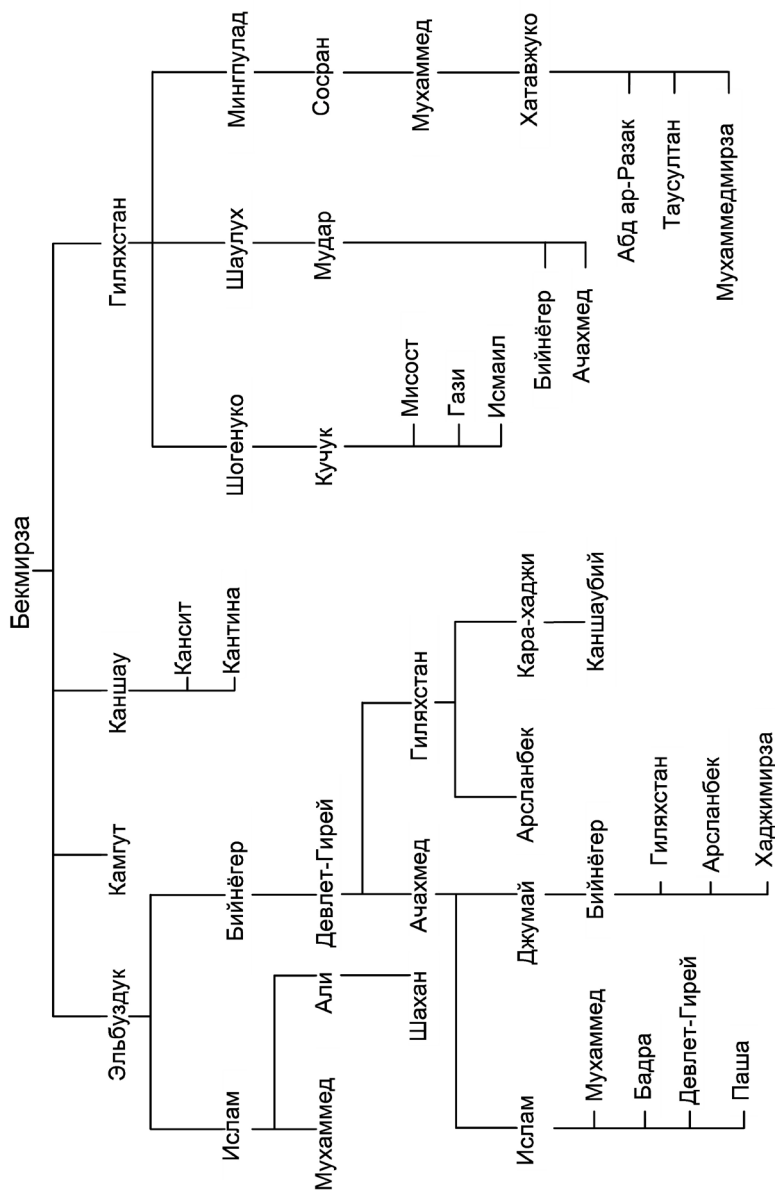
После падения Астраханского ханства соперничество за власть над этим регионом в течение второй половины XVI – первой трети XVII вв. вели между собой Россия, Персия и Крым. Некоторое время Кабарде удавалось успешно лавировать между этими державами. Впрочем, сохранить независимость её верховным князьям всё-таки не удалось, так как во второй трети XVII в. Кабарда попала в сферу политического влияния наступавшего с запада Крымского ханства. Лишь в конце XVIII в. территория Центрального Кавказа перешла под сюзеренитет России.

Приложения

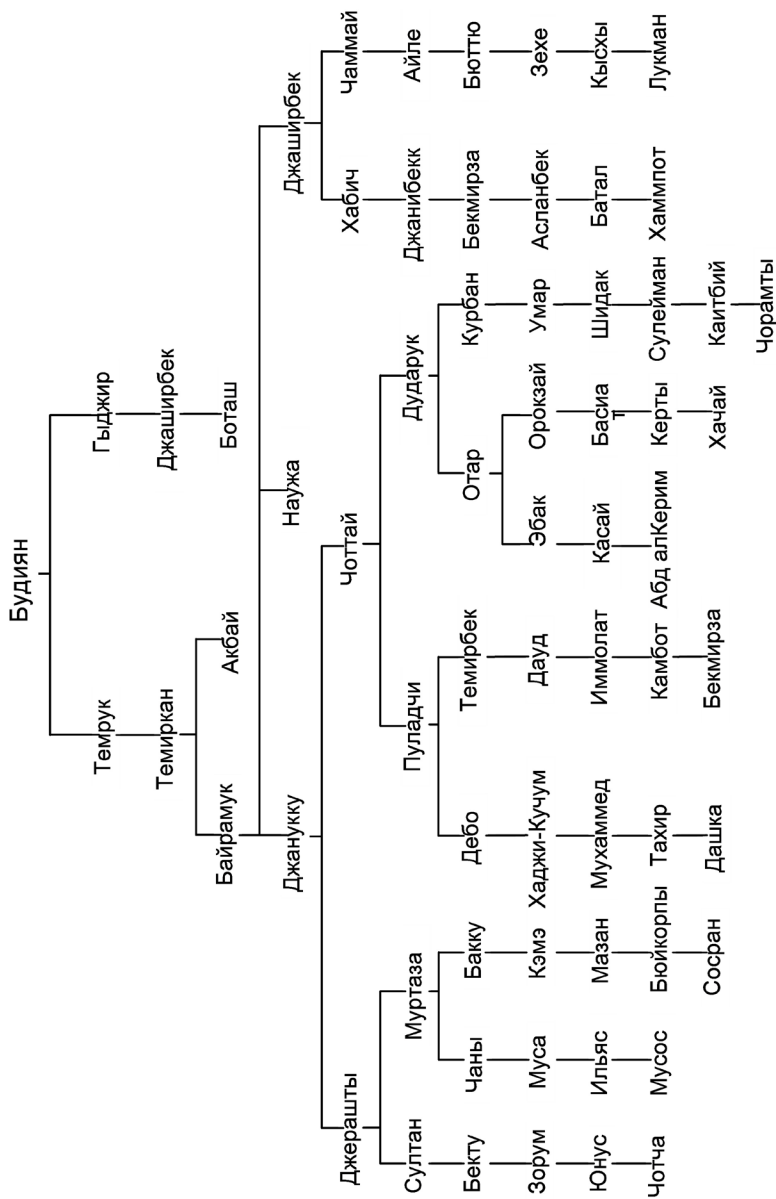
Генеалогия рода князя Карача

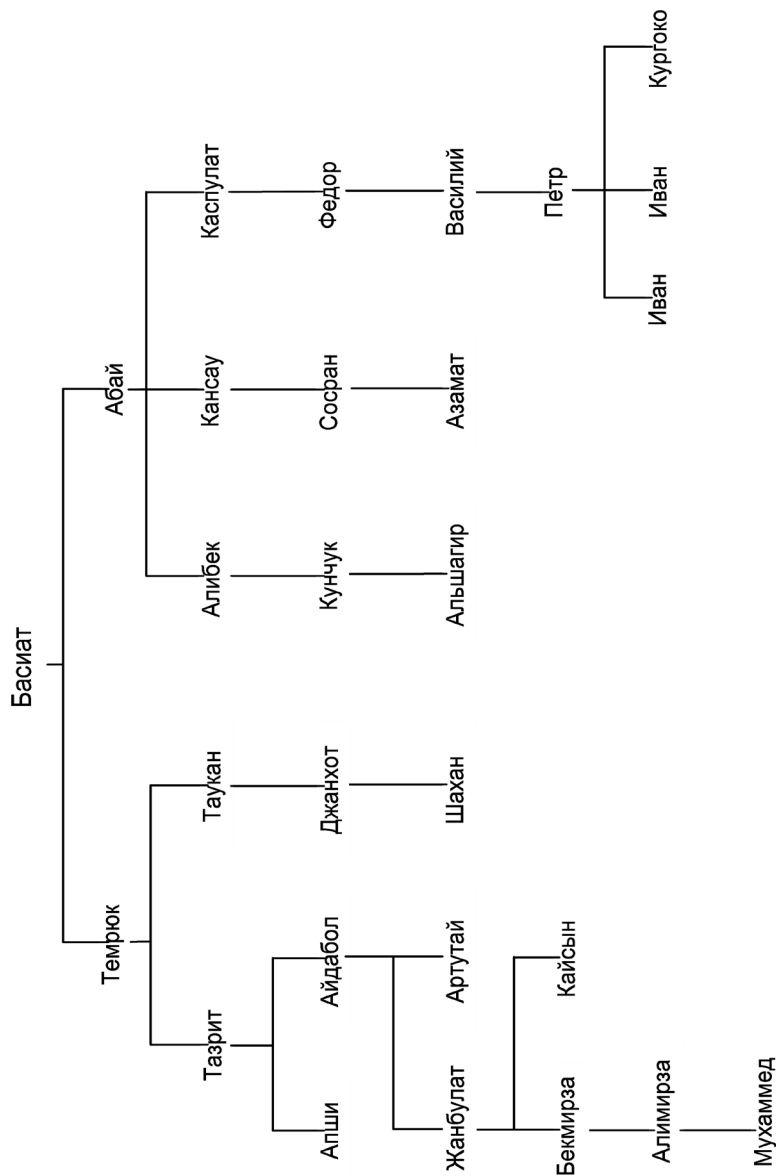
Генеалогия рода Крымшамхаловых

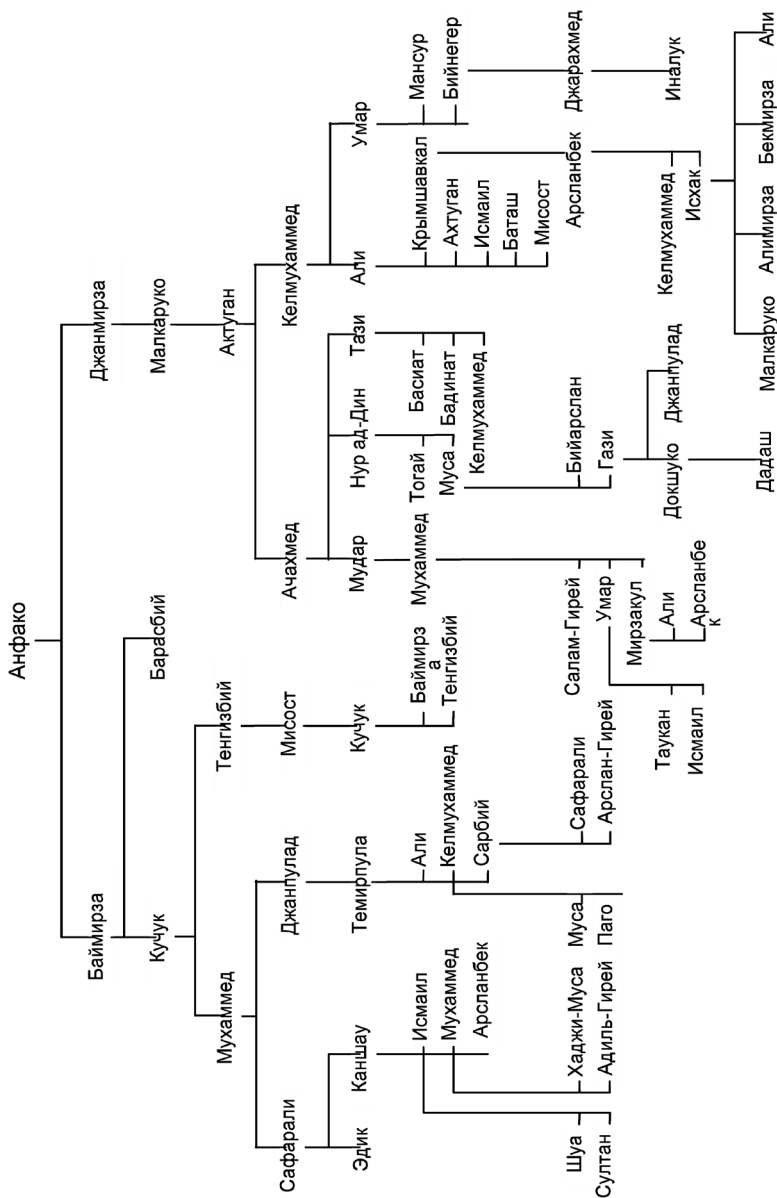
Генеалогия фратрии Будиянов

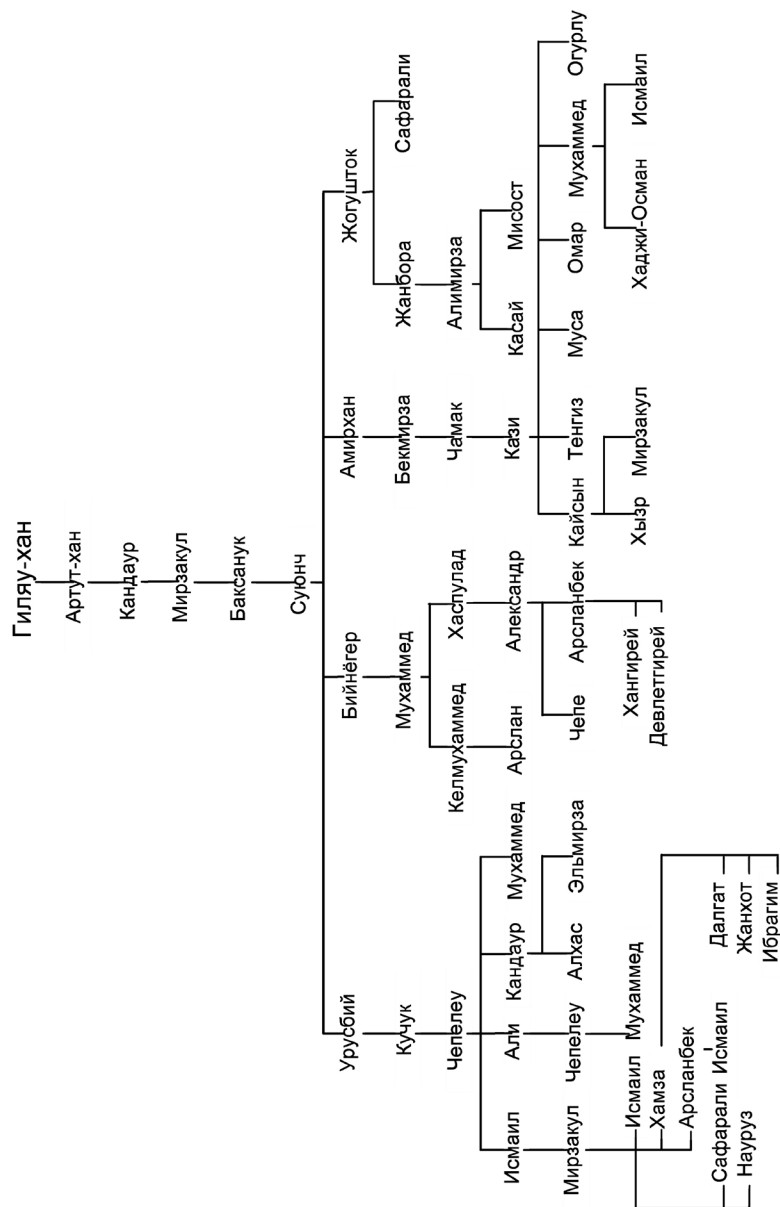
Реконструкция генеалогии Басиат

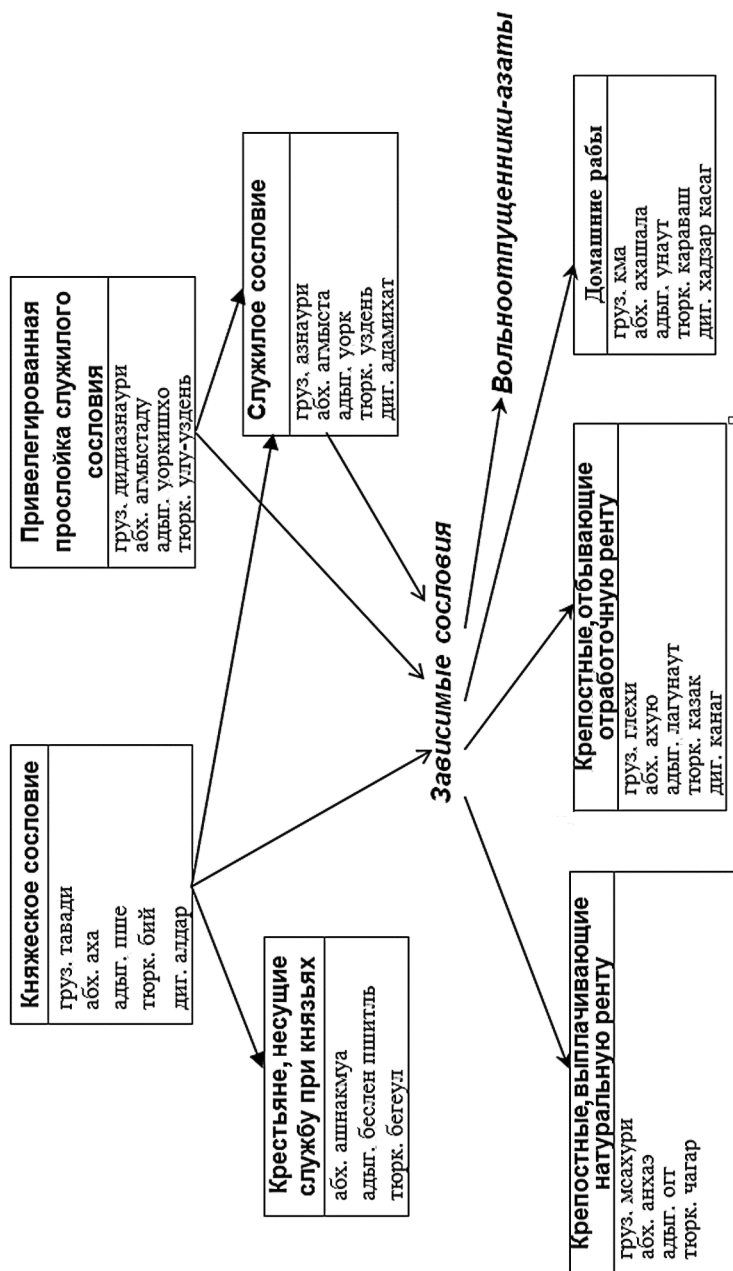
Генеалогия рода Анфако

Генеалогия рода Гиляухановых

Сравнительная схема сословной стратификации Кавказа

Библиографический список

Абу-л-Гази, 1958 – Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского. Пер. А.Н. Кононова. М., 1958.

Аварские, 1992 – Аварские народные сказания // Кавказские горцы. Сборник сведений. Т. 2. М., 1992.

Адаты, 2010 – Кавказ. Адаты горских народов. Нальчик, 2010.

Акритас, 1954 – *Акритас П.Г.* Древнейшее название горы Бештау // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1954.

Алиев, 1927 – *Алиев У.Д.* Карачай. Ростов-на-Дону, 1927.

Асанов, 1996 – *Асанов Ю.Н.* Песня-поэма «Каншаубий» или «Плач княгини Гошаях». Нальчик, 1996.

Багратиони, 1904 – *Багратиони Вахушти.* География Грузии. // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. XXIV, вып. 5. Тифлис, 1904.

Багратиони, 1976 – *Багратиони Вахушти.* История царства грузинского. Тбилиси, 1976.

Бакиханов, 1991 – *Бакиханов Аббас-Кули-ага.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.

Балкария I, 2005 – Балкария: Страницы прошлого. Нальчик, 2005, вып. 1.

Балкария III, 2006 – Балкария: Страницы прошлого. Нальчик, 2006, вып. 3.

Балкария IV, 2007 – Балкария: Страницы прошлого. Нальчик, 2007, вып. 4.

Балкария V, 2007 – Балкария: Страницы прошлого. Нальчик, 2007, вып. 5.

Баранов, 1911 – *Баранов Е.* Кабардинские легенды. Пятигорск, 1911.

Баранов, 2009 – *Баранов Е.* Поездка в Урусбиевское общество горских татар. Очерки из жизни горских татар Кабарды. Нальчик, 2009.

Барбаро, 1971 – Барбаро и Контарини о России. М., 1971.

Бартольд, 2002 – *Бартольд В.В.* Работы по исторической географии. М., 2002.

Башкирские, 1960 – Башкирские шежере. Уфа, 1960.

Башкирские, 2002 – Башкирские родословные. Вып. 1. Уфа, 2002.

Бегеулов, 2009 – *Бегеулов Р.М.* Центральный Кавказ в XVII - первой половине XIX века: очерки этнополитической истории. Карачаевск, 2009.

Белокуров, 1889 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889,

Бларамберг, 2010 – *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое, и военное описание Кавказа. М., 2010.

Брокгауз, Ефрон, 1893 – *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. X. СПб., 1893,

Броневский, 2004 – *Броневский С.М.* Новейшая известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб., 2004.

- Бутков, 1822 – *Бутков П.Г.* О имени козак // Вестник Европы. М., 1822, ноябрь-декабрь, № 21.
- Бутков, 1869 – *Бутков П.Г.* Материалы для истории Кавказа. Ч. 2. СПб., 1869.
- Воронцов-Вельяминов, 2008 – *Воронцов-Вельяминов Б.А.* Путешествия в Архыз. Фрязино, 2008.
- Галонифонтибус, 1979 – *Галонифонтибус Иоанн.* Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1979.
- Галаяутдинов, 1998 – *Галаяутдинов И.Г.* «Тарих нама-и Булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Уфа, 1998.
- Георги, 2007 – *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 2007.
- Гильденштедт, 2002 – *Гильденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.
- Главани, 1893 – *Главани Ксаверио.* Описание Черкесии 1724 г. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Тифлис, 1893.
- Грабовский, 1992 – *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий кабардинского округа. // Кавказские горы. Сборник сведений. Т. 3. М., 1992.
- Грабовский, 2008 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение к России Кабарды и борьба её за независимость. Нальчик, 2008.
- Гребенец, 1913 – *Гребенец Ф.* Борга-Каш // Терские ведомости. 1913, № 234.
- Грузинские, 1973 – Грузинские народные предания и легенды. М., 1973.
- Дагестан, 1992 – Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. Сост. В.Г. Гаджиев. Махачкала, 1992.
- Дагестанские, 1993 – Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
- Далгат, 2008 – *Далгат Б.К.* Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. М., 2008.
- Далгат, 2009 – *Далгат Б.К.* Поездка к Чегемским ледникам. Нальчик, 2009.
- Даль, 1835 – *Даль В.И.* Жизнь Джингиз-Хана. Татарская сказка // Сын отечества. СПб., 1835, т. 47, № 4.
- Даль, 1838 – *Даль В.И.* Повествование об Аксак-Тимуре // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». СПб., 1838, № 45.
- Даль, 1994 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1994.
- Д'Асколи, 1902 – Описание Чёрного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902, т. XXIV.
- Дворянские, 1998 – *Думин С., Чиковани Ю.* Дворянские роды Российской империи. Князья царства Грузинского. Т. IV. М., 1998.
- Дербенд-наме, 2007 – Тарихи Дербенд-наме. / Ред. и предисл. М. Алиханова-Аварского; вступ. ст. и коммент. А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 2007.

- Динник, 2009 – Динник Н.Я. Поездки в Балкарию в 1886 и 1887 годах. Нальчик, 2009.
- Дитц, 1997 – Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М. 1997.
- Дьячков-Тарасов, 2009а – Дьячков-Тарасов А.Н. Заметки о Карачае и карачаевцах. Нальчик, 2009.
- Дьячков-Тарасов, 2009б – Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая (Истоки реки Кубани). Нальчик, 2009.
- Дюбуа де Монпере, 2002 – Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002.
- Зайцев, 2004 – Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. М., 2004.
- Зайцев, 2006 – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006.
- Зайцев, 2014 – Зайцев И.В. Кремук–Кермук и «Татарский угол» (к пониманию двух средневековых этно-топонимов) // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадьевны Коноваловой. М., 2014.
- Извлечение, 1870 – Извлечение из отчёта об осмотре казённых свободных земель нагорной полосы между реками Тебердой и Лабой // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. 4. Тифлис, 1870.
- Исторический, 2008 – Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2008.
- История, 1958 – История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958.
- Кабардинский, 2000 – Кабардинский фольклор. Нальчик, 2000.
- Кавказ, 2008 – Живописная Россия. Кавказ. Т. 9. М., 2008.
- Кавказская, 2002 – Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002.
- Какабадзе, 1967 – Какабадзе С.С. Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., 1967.
- Калинина, 2007 – Калинина Т.М. Тюрки в «образе мира» средневековых арабо-персидских писателей // Тюркологический сборник 2006. М., 2007.
- Каракетов, 2010 – Каракетов М.Д. Письмена мухаджиров возвращаются на родину: «Кодекс Карчи» и родословие Джанибековых // Известия Карачаевского НИИ. Вып. 6. Черкесск, 2010.
- Караулов, 2009 – Караулов Н.А. Болкары на Кавказе. Нальчик, 2009.
- Карачаевцы, 2014 – Карачаевцы, Балкарцы. «Народы и культуры». М., 2014.
- Карачай, 2011 – Карачай. Страна на вершине Кавказа. Майкоп, 2011.
- ал-Карши, 2005 – Джамал ал-Карши. Ал-мулхакат би-с-сурах. Алматы, 2005.
- Каяев, 2006 – Каяев А. Лакский язык и история. М., 2006.
- Кипшидзе, 1914 – Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарём. СПб., 1914.
- Клапрот, 2008 – Клапрот Г.Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.

- Ковалевский, 1867 – *Ковалевский Е.П.* Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы. Т. 3. М., 1867.
- Ковалевский, 1995 – *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. Владикавказ, 1995, т. 1-2.
- Ковалевский, 2006 – *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Май-коп, 2006.
- Кокиев, 2005 – *Кокиев Г.А.* История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2005.
- Костерин, 1924 – *Костерин А.* По Чечне (Путевые наброски) // Перевал: Сборник. Сб. 2. М., 1924.
- Крепостные, 1992 – Крепостные в Кабарде и их освобождение // Кавказские горы. Сборник сведений. Т. 1. М., 1992.
- Криминалистика, 1992 – Из горской криминалистики // Кавказские горы. Сборник сведений. Т. 3. М., 1992.
- Кудашев, 1990 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1990.
- Кушева, 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963.
- Къарачай-Малкъар, 1996 – Къарачай-Малкъар фольклор. Нальчик, 1996.
- Лавров, 2009а – *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009.
- Лавров, 2009б – *Лавров Л.И.* Кавказские тамги. Нальчик, 2009.
- Лайпанов, 1957 – *Лайпанов Х.О.* К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.
- Ланге, 2009 – *Ланге Б.А.* Балкария и балкарцы. Нальчик, 2009.
- Линден, 1916 – *Линден В.* Краткий исторический очерк бывшего общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916.
- Макаров, 2009 – *Макаров Т.* Татарское племя на Кавказе. Нальчик, 2009.
- Март, 1933 – *Март Н.Я.* Яфетические языки // Избранные работы. Л., 1933, т. 1.
- Март, 1935 – *Март Н.Я.* Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариетов // Избранные работы. Л., 1935, т. 5.
- Март, 1937 – *Март Н.Я.* Балкарско-сванское скрещение // Избранные работы. Л., 1937, т. 4.
- Материалы, 2007 – Материалы по истории русско-грузинских отношений во второй половине XVIII века. Часть I. Русско-грузинские отношения в 40–50-е годы XVIII века. Тбилиси, 2007.
- Миллер, 1992 – *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
- Миллер, 2008 – *Миллер В.Ф.* Фольклор народов Северного Кавказа. М., 2008.
- Миллер, 2009 – *Миллер Б.В.* В Карачае. Из области обычного права карачаевцев. Нальчик, 2009.

Мустакимов, 2008 – *Мустакимов И.А.* Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников (к вопросу о статусе г. Булгара на ордынском и постордынском пространстве) // Эхо веков. Казань, 2008, № 1.

Мустакимов, 2009 – *Мустакимов И.А.* Ещё раз к вопросу о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник 2007–2008. М., 2009.

Ногмов, 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994.

Окольничий, 1857 – *Окольничий Н.* Воспоминания о Кутаисе // Русский вестник. М., 1857, № 4.

Орлов, 1902 – *Орлов М.В.* Возможна ли частная земельная собственность в Карачае? // Известия общества любителей изучения Кубанской области. 1902, вып. 3.

Освобождение, 1992 – Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // Кавказские горцы. Сборник сведений. Т. 1. М., 1992.

Осетинские, 1992 – Осетинские народные сказания // Кавказские горцы. Сборник сведений. Т. 3. М., 1992.

Переписка, 1861 – Переписка, на иностранных языках, грузинских царей с российскими государями, от 1639 г. по 1770 г. СПб., 1861.

Петров, 1880 – *Петров Г.С.* Верховья Кубани – Карачай // Памятная книжка Кубанской области на 1880 год. Екатеринодар, 1880.

Племена, 2011 – Кавказ. Племена, нравы, язык. Нальчик, 2011.

Повесть, 1991 – Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // За землю русскую. Челябинск, 1991.

Посольская, 2006 – Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006.

Посольство, 1887 – Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадиянскую землю (1639/1640) // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1887.

Потто, 1991 – *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577-1801). Ставрополь, 1991.

Потто, 2007 – *Потто В.А.* Кавказская война. Тт. 1-5. М., 2007.

Почекаев, 2006 – *Почекаев Р.Ю.* Особенности формирования и эволюции правовой системы улуса Джучи // Тюркологический сборник 2005. М., 2006.

Привилегированные, 1992 – Привилегированные сословия Кабардинского округа. // Кавказские горцы. Сборник сведений. Т. 3. М., 1992.

Пфаф, 1871 – *Пфаф В.Б.* Материалы для истории осетин. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871, вып. 5.

Сборник, 2003 – Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2003.

Семенов, 1895 – *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

Смирнов, 2005 – *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты. Тт. 1–2. М., 2005.

Соловьёв, 1989 – *Соловьёв С.М.* Сочинения. Кн. 4. М., 1981.

- Спенсер, 2008 – *Спенсер Э.* Описание поездок по западному Кавказу в 1836 году. Нальчик, 2008.
- Статейный, 1969 – Статейный список посольства в Имеретию 1650–1652 гг., составленный Алексеем Иевлевым. Тбилиси, 1969.
- Статейный, 1970 – Статейный список посла Толочанова в Имеретию 1650–1652 гг. Тбилиси, 1970.
- Стеблинский, 2009 – *Стеблинский П.* Путешествие в Балкарию. Нальчик, 2009.
- Сысоев, 2009 – *Сысоев В.М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях. Нальчик, 2009.
- Тепцов, 1892 – *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 14. Тифлис, 1892.
- Торнау, 2008 – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2008.
- Туганов, 1989 – *Туганов Р.У.* Страницы прошлого. Нальчик, 1989.
- Тульчинский, 2009 – *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ кабарды. Нальчик, 2009.
- Тунманн, 1991 – *Тунманн И.* Крымское ханство. Симферополь, 1991.
- Усманов, 1972 – *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.
- Устройство, 1992 – Устройство поземельного быта горских племён Северного Кавказа // Кавказские горцы. Сборник сведений. Т. 2. М., 1992.
- Утемиш-хаджи, 1992 – *Утемиш-хаджи ибн Маулана Мухаммад Дост.* Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992.
- Фадеев, 2007 – *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. М., 2007.
- Фасмер, 1986 – *Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986.
- Флёров, 2005 – *Флёров В.С.* Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект проблемы // Тюркологический сборник 2003–2004. М., 2005.
- Хаджимуков, 1910 – *Хаджимуков Т.Т.* Народы западного Кавказа. // Кавказский сборник. Т. 30. Тифлис, 1930.
- Хан-Гирей, 2008 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 2008.
- Цагарели, 1880 – *Цагарели А.А.* Мингрельские этюды. Вып. 1. СПб., 1880.
- Чеккуев, 1899 – *Чеккуев Б.* Предание о Карче, родоначальнике Карачая // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1899, № 266.
- Челеби, 1979 – *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979.
- Челеби, 1983 – *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 3. М., 1983.
- Черкесы, 1991 – Черкесы (адыге). Нальчик, 1991.
- Швецов В., 2010 – *Швецов В.В.* Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. Нальчик, 2010.
- Швецов И., 2010 – *Швецов И.В.* Описание Кабарды 1827 года. Нальчик, 2010.
- Шёгрэн, 2002 – *Шёгрэн А.М.* Путевые записки // Дарьял. Владикавказ, 2002, № 2.

Шильтбергер, 1867 – Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 1. Новороссийск, 1867.

Штедер, 1940 – *Штедер Л.* Осетины во второй половине XVIII в. по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940.

Шумкин, 2010 – *Шумкин А.В.* Маджары в фольклоре народов Северного Кавказа и письменных источниках // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 4. М., 2010.

Шумкин, 2016 – *Шумкин А.В.* Языки татар и кыпчаков в рамках одной лингвогеографической реконструкции // Золотоордынское обозрение. Т. 4. № 4. Казань, 2016.

Этюды, 2007 – Этюды о Балкарии. Нальчик, 2007.

АБКИЕА, 1974 – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.

ЗОИ, 2003 – Золотая орда в источниках. Т. 1. М., 2003.

КРО, 2006 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках. Т. 1. Нальчик, 2006.

КРО, 2007 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках. Т. 2. Нальчик, 2007.

КРПС, 1974 – Караимско-руско-польский словарь. М., 1974.

МНС, 1960 – Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.

ПСРЛ, 2000a – Полное собрание русских летописей. Никоновская летопись. Т. 10. М., 2000.

ПСРЛ, 2000b – Полное собрание русских летописей. Никоновская летопись. Т. 13. М., 2000.

РЧО, 1997 – Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. М., 1997.

СИГТЯ, 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002.

СМОМПК, 1891 – Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 12. Тифлис, 1891.

ЭСТЯ, 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. М., 1997.

Kırzioğlu, 1993 – *Kırzioğlu F.* Osmanlılar'ın Kafkas-elleri'ni fethi (1451–1590). Ankara, 1993.

Klaproth, 1828 – *Klaproth J.* Vocabulaire latin, persan et coman, de la bibliothèque de Francesco Petrarca. // Memoires relatifs a l'Asie. Т. 3. P., 1828.

Koch, 1842 – *Koch K.* Reise durch Rusland nach dem kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Bd. 1. Stuttgart und Gubingen, 1842.

Pallas, 1812 – *Pallas P.S.* Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire, in the Years 1793 and 1794. Vol. I. L., 1812.

*Библиографический
список*

Potocki, 1829 – *Potocki J.* Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Tome I. P., 1829.

Reineggs, 1807 – *Reineggs J.* A General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus. Vol. I. L., 1807.

Хрестоматия, 1978 – სვანური ენის ქრესტომათია / შეკრიბეს ა. შანიძემ, მ. ქალდანმა და ზ. ჭუმბურიძემ; ა. შანიძისა და მ. ქალდანის რედ. ; თბილ. სახელმწ. უნ-ტი. - თბ. : თბილ. უნ-ტის გამ-ბა და სტ., 1978.

Список сокращений

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная

Осетия – Алания

Указатель географических названий и этнонимов

А

абадзе 30
 абадзехи 29
 Абадзехский округ 103
 абазины..... 24, 33, 67, 68, 71,
 78, 82, 83, 141
 абхазы 44
 аварцы (маарулал) 27
 агучипсы..... 29, 30
 адыги..... 15, 25, 29, 30, 34, 41, 43, 44,
 45, 46, 50, 71, 73, 84, 104, 126, 141
 Азак г. (Азов).....31, 56, 66, 89, 102
 азеге 33
 Аккерман г. 74
 Актопрак 103
 Аланети 32, 123
 аланы15, 16, 17, 30, 31, 32, 34
 Алегукина Кабарда..... 23
 Анапа г..... 64
 Артла ц. 118
 Архыз р. (Иркиз) 24, 66, 67, 139
 Астрахань г.....11, 25, 31, 86, 88, 129

Б

Баймирза-Дорбун (Бедыкская
 пещера) 101
 Байрам ч. 113
 Баксан р.....5, 12, 18, 19, 23,
 24, 49, 66, 67, 71, 72, 96, 101, 104,
 113, 122, 123
 Баксан, Баксанское общество 5, 9,
 12, 18, 23, 24, 66, 67, 72, 101, 104,
 113, 122

Баксанское ущелье 5, 18, 19,
 24, 28, 49, 66, 67, 72, 101, 104,
 113, 118, 122, 123
 Балкарский округ Горской АССР ... 25
 балкарцы 15, 18, 141, 144
 Балхарские кабаки 86
 Бахчисарай г. 97
 Башилбаевское общество 69
 Безенги, Безенгиевское
 общество.....4, 5, 8, 18, 19, 96, 97,
 121, 122, 123, 124, 125, 128
 бесленеевские черкесы..... 94
 Бесленей 89
 Бечо с. 116
 Битиклэр 103
 болгары..... 13, 20
 Болоткай 102
 Большая Орда 6, 31, 52,
 61, 71, 122, 129, 130
 большеордынцы 68, 129
 Большой Ногай.....10, 54, 75, 125
 Борга-Каш 57, 139
 Боргустан г. (Урим-кале).....24, 65, 76
 Брагуны (Бороган)..... 56, 57
 булгадары..... 20, 21
 Булгар г.64, 79, 139, 142
 Былым с. 113

В

вайнахи27, 32, 70, 109
 Волга р. 5, 28, 56

Г

Гази-Кумук с.26, 28, 73

Галыгурджи (голаучинский курган)
..... 114
Геби с.91, 116
Гёзлев г. 49
Гестенты р. 113
Глол с. 116
Горная сторона 28
горские татары 29
Горский участок Кабардинского
округа Терской области 17
греки 21, 60
грузины21, 30, 32, 41, 92
Грузия.....27, 33, 54, 75, 89,
91, 92, 116, 138, 140
гунны..... 8, 13
гурзияки 41

Д

Дагестан25, 26, 28, 30,
45, 47, 59, 70, 92, 107, 109, 119,
120, 139, 140, 146
Дагом 98
Дарьял.....22, 143
дасью 41
Дербент г.22, 57, 63, 65, 66
Джемете 64
джики, зихи, цихи
(белые, черные) 9, 30
Джилги р. 103, 104, 118, 120
Джулат г. 30
Дигория, Дигорское общество 34,
40, 41, 92, 97, 98, 114, 121, 137
дигорцы 11, 41, 98
Дирха р. 90
дурдзуки 32

Е

Европа7, 8, 144
европейцы.....8, 9
Ереван г.73, 74

З

Заволжье5
Загдан р.68
Закубанье5, 54, 67
Зеленчук р. 32, 66, 68, 69, 71, 123,
130
Золотая Орда.....63, 66
Зына-Дорбун95

И

Имеретия 89, 90, 91, 92, 93, 143
Инал-Куббе69
Ингури р.116
Ингушетия57
Индия41
индоиранцы40
Ипари с.101
иштяки-башкиры.....17

К

Кабарда (Большая, Малая),
Кабардинская земля3, 5,
7, 8, 11, 13, 27, 31, 34, 35, 36, 42,
46, 50, 54, 73, 74, 75, 76, 78, 80,
81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 90,
92, 93, 94, 96, 97, 98, 100, 101,
102, 103, 104, 105, 107, 108, 109,
114, 125, 126, 128, 129, 130, 138,
139, 141, 143
кабардинские татары94

**Указатель
географических названий и этнонимов**

кабардинцы.....5, 6, 16, 29, 31, 32, 34,
41, 45, 46, 49, 54, 60, 67, 68, 70,
71, 75, 76, 93, 94, 98, 106, 108,
109, 110, 122, 123, 127, 130, 142
Каван г. 78
Кавказ (Северный, Западный,
Центральный, Восточный). 1, 2, 3,
4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16,
17, 18, 19, 20, 25, 26, 27, 28, 30,
31, 33, 34, 38, 52, 53, 56, 57, 58,
59, 60, 61, 65, 66, 69, 93, 100, 104,
108, 116, 117, 121, 123, 129, 130,
137, 138, 139, 140, 141, 142, 143,
144
Казанское ханство 28, 66
Кайтаг 30, 45
калмыки 75, 76, 78
Камык с. 24
камыкцы 24
караджики, карачеркесы..... 30
Кара-Су р. 22
карачаевцы, карачейские черкасы 3,
5, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 22,
23, 24, 30, 33, 49, 50, 51, 63, 64,
66, 67, 68, 69, 70, 71, 74, 75, 76,
77, 78, 79, 80, 81, 82, 97, 101, 121,
124, 130, 140, 141, 144
Карачай, Карачаевское общество .. 3,
5, 8, 12, 13, 14, 18, 19, 22, 23, 24,
28, 29, 33, 35, 36, 38, 45, 47, 48,
49, 50, 51, 53, 62, 64, 65, 66, 67,
70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78,
79, 80, 81, 82, 90, 91, 97, 100, 101,
103, 108, 109, 111, 112, 113, 114,
115, 118, 121, 122, 123, 124, 125,
127, 138, 140, 141, 142, 143
касоги 13
Каспийское м. 25

Кашгар..... 63
Кашкатау.....21, 56, 94, 123, 130
Кизляр..... 87
Кипке..... 129
Кичи-Черек р.19, 97, 121,
122, 124, 128
Кишпек р. 68
Кой-Су р. 28
Корочаева Кабарда..... 23, 74
Кочхарташ..... 108
Крым, Крымское ханство.... 8, 12, 49,
56, 57, 58, 59, 60, 61, 64, 66, 73,
74, 82, 89, 93, 96, 98, 122, 130,
140, 142, 143
крымцы.....7, 15, 61, 74, 76
Кубань р.3, 5, 12, 19, 20, 24, 30, 31,
49, 50, 51, 66, 67, 69, 76, 77, 78,
79, 80, 82, 86, 94, 96, 121, 129,
140, 142, 143
куманы11, 13, 15
кумуки..... 26
кумыки13, 21, 28, 95
Кумыкистан 28
Кутаиси г. 3, 89, 92
кушхэ..... 29
кызылбеки49, 67, 69, 78
кыпчаки.....15, 17, 144
Кюнньюм с. 21, 95

Л

Лаба р..... 68, 129
лакцы 26, 28
ламур 27
лезги..... 26
Лишгит с. 113

М

Магриб 60
Маджар г., Бургон-Маджар.... 10, 16,
30, 56, 57, 88, 144
Малка р. (Балык-Су) 19
Малкар, Малкарское общество . 3, 5,
8, 9, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 40, 46,
48, 54, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 91,
92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 108, 109
малкарцы..... 10, 14, 18, 19, 20, 21, 33,
55, 90, 93, 96, 97, 98, 103, 104,
105, 113
Малый Ногай 23, 75, 76, 90
Мегрелия 7, 74, 75
мегрелы, малгар 21, 22, 54
медовей 33
Местия с..... 116, 117, 118
монголы 11, 12, 15, 30
Монгольская империя 40
мордва 28
Москва, Московское государство.. 1,
3, 7, 8, 25, 68, 69, 85, 86, 89, 91,
92, 94, 140

Н

Наурузовский аул..... 101
Неаполь 7
ногайцы 5, 6, 11, 17, 59, 61, 65

О

Ойт-Ойт-Каясы ц..... 91
осетины, асы, ясы... 11, 12, 13, 18, 19,
27, 29, 30, 31, 32, 39, 40, 41, 46,
52, 57, 70, 109, 142
Осетия 8, 30, 31, 32, 34, 40, 41, 44, 98
Османская империя 15

П

Пари с..... 116
Персия 73, 74, 76, 125, 130
персы 26, 57, 73, 92
Поволжье..... 52, 142
половцы..... 13
Предкавказье 5, 26
пшавы 70
Пятигорье 3, 16, 31, 51,
68, 71, 73, 75, 93

Р

Рача 22
Риони р. 89
Россия, Российская империя..... 2, 10,
12, 24, 61, 85, 87, 89, 92, 98, 130,
138, 139, 140, 141, 142, 144
Рым, Рум, Урим 60, 61, 65

С

сауты 21, 40
Сванетия, Сонская земля..... 96, 105,
109, 111, 115, 116, 117, 118, 123
сваны, сони, мушван ... 21, 67, 77, 78,
80, 96, 101, 104, 114, 115, 116,
117, 118, 121, 122, 123, 124, 128
Святого Креста крепость..... 87
Сиваш..... 17
Собай 129
собайцы 102
Средняя Азия..... 15, 52
Стамбул г. 59, 60, 63, 64, 65
Судак г..... 17
Сулак р. 28, 57, 87
Сурли с..... 54

Т

Таврида	58
Тарки г.	70
татар кушхэ	29
Татаркосия	129
Татартуп г.	16, 57, 58, 59, 96, 126
татары	6, 11, 12, 13, 15, 28, 29, 32, 33, 34, 52, 59, 60, 75, 94, 125, 127, 130, 138, 144
Тау, Таустан, Таулистан	26, 27, 28, 32, 47
таулы (тавлинцы) ...	25, 27, 28, 29, 30, 32, 33
Таш-Мечеть	64
Теберда р.	33, 51
темиргоевские черкесы	53, 94, 100, 102, 103, 104, 109
Темиргой (Кремук, Кромук) ...	57, 90, 103, 108, 129, 140
Терек р.	5, 28, 56, 96, 126, 140, 143
Терки, Терский город ..	75, 86, 87, 88, 89, 92, 95, 102, 119
турки	8, 30, 74, 102
Турция	12, 33, 60, 63, 66, 76, 99
тюрки	3, 10, 11, 15, 17, 18, 20, 22, 23, 25, 26, 27, 29, 34, 36, 37, 40, 44, 52, 53, 55, 56, 57, 60, 61, 69, 88, 96, 129, 130
Тюркский каганат	8

У

Уалагирское общество	44
Убых	103
Улу-Кам р.	77
Улу-Малкар с.	21, 22
урусбиевцы	24
Усхур с.	24

Учкулан р.	77, 78
Учкулан с.	77, 78, 79
Ушгуль с.	78

Ф

Фардык ц.	118, 119
франки	59, 76

Х

хазары	12
Хатукай	125
Херсон	58
Холам, Холамское общество	5, 8, 18, 19, 23, 97, 121, 124, 125, 126
Хопукина Кабарда	23
Хорузон	22
Хурзук р.	77, 79
Хурзук с.	77, 79
Хустос-Джурт	50
Хызны-Баши	95

Ч

чагатайцы	30, 57
Чегем р.	3, 5, 8, 10, 12, 18, 19, 24, 48, 97, 100, 103, 105, 107, 108, 109, 113, 114, 116, 117, 118, 119, 121, 124
Чегем, Чегемское общество	3, 5, 8, 9, 10, 18, 19, 24, 45, 47, 48, 96, 97, 100, 103, 105, 107, 108, 109, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123
чегемцы	9, 10, 33, 97, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 116, 118, 119, 122

*Указатель
географических названий и этнонимов*

Черек р.... 12, 19, 21, 54, 94, 121, 124,
128
Черкасская слобода 87
Черкесия (Черкесстан) 15, 25,
30, 31, 93, 139, 143
черкесы 3, 9, 16, 25, 26,
27, 29, 30, 33, 68, 85, 87, 100, 101,
105, 119, 126, 129, 130, 140
Чёрное м. 129
Чехия 8, 9
Чиори с. 91, 116
Чубохеви с. 116
чуваши 20

Ш

Шагваша р. 102
Шемаха г. 73
Шканти с. 95
школа, ишкуланцы 78, 90
Шоана, Соана, Чуана р. 79

Штулу 90
шудры 41

Ы

Ылдарева Кабарда 23

Э

Эльбрус 5, 25, 28, 32, 123
Эльбрусский округ Кубанской
области 18
Эль-Джурт с. (Тар-Ауз) . 67, 72, 73, 74,
101
Эль-Таркач с. 24, 49, 73, 74, 75, 77
Эль-Тюбе (Карт-Джурт) с. 77, 79
Эндирей с. 57, 58
Эски-Джурт с. 66
Эскишехр г. 63
Эцери с. 116

Указатель имён

А

Абаев Азамат 95
 Абаев Алибек 84, 89, 90, 92, 95
 Абаев Алимирза 41, 84, 89
 Абаев Василий Иванович 16
 Абаев Кунчук 92
 Абаев Курман 90
 Абаев Мисост Кучукович .. 21, 22, 54,
 87, 94, 123
 Абаев Сосран 95, 96, 123
 Абаев Хаспулад 86, 87, 88
 Абай 84, 88, 89
 Абд ал-Азиз 105
 Абд ал-Гаффар Кырыми 31
 Абдрухаи 48, 82
 Абдрухай 49, 59, 64, 101
 Абдурахманов Күрез 58
 Абу-л-Гази 15, 17, 138
 Абу-л-Фида 15
 Агалар-хан 96
 Айдаболов Артутай 92
 Айдаболовы 95
 Айдар 68
 Айдаров Ильдар Эльбуздукович... 86
 Айдаров Кайтуко Мансурукович... 69
 Айдаров Канпулад 84, 88
 Айдаров Канпулад Пшемахович .. 84,
 86, 87, 88
 Айдаров Каншау
 Битемрюкович 86, 87

Айдаров Кудайнат Канпуладович .86
 Айдаров Мансуруко Темрюкович .85
 Айдаров Пшемахо Канпуладович .86
 Айдаров Темрюк 78
 Айдаровы 69, 75, 80, 85,
 86, 87, 88, 92, 98
 Айдемир-шамхал 75, 86
 Акбай 50, 79
 Аккубек-хан б. Муртаза 31
 Акритас Панаит Георгиевич 15
 Аксак-Темир (Тамерлан)55, 63, 64, 65,
 71, 79
 Алиев Умар Баблашевич 14, 16,
 22, 23, 29, 32, 46, 48, 49, 51, 62, 67,
 68, 77, 79, 82, 97, 138
 Андрей 75
 Анзоров Хату 45, 70
 Анзоровы 70
 Аракшау, Рачикау, Рычкау... 103, 105,
 110, 115, 119
 Арзубек 69
 Арсланбек б. Хаспулад
 (Урыстьямбек) 74, 75, 96
 Артут-хан (Алтуд) 122
 Асанов Юрий Нухович 6
 Ахмаров
 Гайнетдин Нежмутдинович 60
 Ахматовы 109
 Ачба 68
 Ачба Лев 68

Б

- Багатырёв Татархан..... 124
Багратиони Александр II.....70, 115
Багратиони Александр III..... 91
Багратиони Арчил II92, 108
Багратиони Вахушти8, 32, 78, 92, 115,
123, 138
Багратиони Теймураз I..... 92
Баймирза101, 103, 104,
105, 113, 147
Баймирзов Барасбий 105
Баймирзов Кучук..... 105
Баймирзовы 69
Байрамкуловы82
Байрамук 50, 79
Байрамукеры..... 79
Бакунин Василий Михайлович.. 8, 24
Балта 64
Барадж 65, 66
Барасбиев Муса ...100, 101, 103, 104,
108, 110, 111, 112, 114, 117
Барасбиевы53, 115
Барахуновы..... 60
Барбаро Иосафат..... 129
Басиат (Башив)4, 13, 20, 21, 23, 54, 55,
56, 84, 88, 89, 121
Басиаты (Басиани)4, 9, 10, 13, 23, 54,
121, 123
Баташев Эльжеруко 123
Бахты-Гирей..... 94
Бегеулов Рустам Маратович..... 6
Бегидов Кургоко 88
Бедене 19
Бедзенаг 19
Бекмирза-крымшамхал45, 68, 70, 72,
90, 95, 110
Бекмирзов Гази Кайсынович..... 95
Бекмирзовы95
Бек-Султан ибн Кудайнат57
Бердибий 103, 105, 108, 120
Бешше Ян Кароль 11, 24, 66, 67
Бибердова Гошагаг 29, 71, 72, 73, 76,
123
Бибердовы 72
Биев Алиммирза (Муртазали)...94, 95,
97, 108
Биев Мухаммед95
Бийарсланов Алегүко Шаугенукович
...7, 54, 73, 75, 76, 80, 97, 102, 125
Бийарсланов Гази Пшеапшокович51,
67, 69, 85, 125
Бийарсланов Пшеапшоко Кайтукович
..... 78
Бийарсланов Хатокшуко Газиевич72,
73, 80, 101, 102, 104
Бийарсланов Шаугенуко
Пшеапшокович 69
Бийарслановы.. 71, 73, 78, 80, 81, 82,
85, 93, 98, 125
Бикановы..... 54
Бильгүтай55
Борак-хан б. Койричак 55, 56, 57, 58,
60, 122
Боташ 50, 77, 78, 79, 80
Боташев Хаджи-Ибрагим 39
Боташевы 51, 123
Броневский Семён Михайлович ..10,
11, 13, 19, 20, 23, 26, 27, 28, 33, 34,
38, 50, 51, 69, 81, 93, 97, 99, 102,
121, 138
Буга (Бута).....89
Будай-шамхал.. 92, 93, 105, 106, 107,
109
Будачеев Мухаммед 125
Будиян 49, 50, 59, 64, 77, 79

Будияны 4, 48, 51, 79, 82
 Булатук 102
 Булатуков Анфако4, 53, 100, 101, 102,
 103, 104, 126
 Булатуков Бакук..... 102
 Булатуков Безруко..... 102
 Булатуков Сахадук..... 102
 Булатуков Эльбүздай 102
 Булатуков Эльмирза 102
 Булатуковы 53, 102, 103
 Буракан 57
 Бутков Пётр Григорьевич 20, 22

В

Василий 88
 Волкова Наталия Георгиевна 28
 Волынский Артемий..... 95

Г

Гаглойти Зинаида Давидовна..... 48
 Гази б. Урак..... 23
 Газиёвы 69
 Гатагова Людмила Султановна 6
 Геловани 115
 Геловани Абессалом 115
 Гемишты..... 101
 Георги Иоганн Готлиб 9, 29
 Гербеков Нюрлю Бекмурзаевич..... 6
 Гильденштедт Иоганн Антон9, 10, 17,
 19, 22, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 50,
 69, 78, 81, 85, 93, 97, 113, 118, 119,
 121, 139
 Гиляу-хан (Глым) 122
 Гиляуханов Баксанук4, 121, 122, 123,
 124, 126, 127, 128
 Гиляуханов Кандаур..... 122
 Гиляуханов Мирзакул 122

Гиляуханов Суюнч..... 23, 122, 128
 Гиляхстанов Ахлау Айтекович..86, 87
 Гиляхстановы ..54, 80, 85, 86, 87, 126
 Главани Ксаверио8
 Горин Петр Васильевич87
 Горич Иван Петрович.....87
 Гребенец (Панкратов Федор
 Степанович)57
 Грен Алексей Николаевич..... 122

Д

Дадешкелиани 96, 115, 116, 117, 118
 Дадешкелиани Отар.....96, 116
 Дадешкелиани Сортман.....115
 Дадияни Леван II.....75
 Дадипал.....91
 Далгат Башир Керимович100, 104
 Даль Владимир Иванович.....28
 де Финале Антонио11, 17
 Деккушевы51
 Джабоевы.....39
 Джавахишвили Иван Александрович
115
 Джанибек Абу Са'ид б. Борак .13, 54,
 56, 125, 127
 Джанибек-Гирей-хан54, 125, 127
 Джанибек-хан б. Узбек.....13, 56
 Джанкёзов Будиян.....65
 Джанмирза... 103, 104, 105, 108, 113,
 114
 Джанпуладов Кайтуко93
 Джанпуладовы.....94, 97
 Джантуган.....25, 77
 Джанхотов Бийарслан.....31
 Джанхотовы68
 Джапаридзе115, 117
 Джаубермезовы.....115

Джашеевы 51
 Догужоковы 102
 Докшуковы 51
 Дуда 63
 Дударовы 48
 Дударуко 68
 Дударуков Гази Карданукович 68
 Дудовы 25, 46
 Дьячков-Тарасов Александр
 Николаевич.. 13, 14, 22, 59, 63, 65,
 66, 67, 68, 69, 76

Е

Екатерина Алексеевна II 99
 Елчин Федот ..23, 74, 75, 77, 101, 142
 Еропкин Дмитрий Федорович..... 119
 Ешановы Темиркан..... 54
 Ешановы 54

Ж

Жаратхан..... 90
 Женоковы 54
 Жидовин Василий 91

З

Зайцев Илья Владимирович..... 6
 Захарьев Павел.....74, 75, 142

И

Ибн ал-Асир.....13, 15, 17
 Иван Васильевич IV Грозный... 10, 88
 Иваненков Николай Савельевич... 79
 Идрисов Юсуп Магомедович 6
 Иевлев Алексей..... 87, 89
 Ильдар-шамхал73, 86, 126
 Инайет-Гирей-хан 74

Инал-бек..... 31, 54, 85
 Интериано Георгий..... 9, 129
 Иоселиани Русудан6
 Ипар..... 101
 Иса99
 Искильты, секельт, схалты48

К

Каары.....88
 Кабаев Жулуй..... 124
 Каз..... 73
 Казановы Жабаги96
 Казиев Актуган 114
 Казиевы45, 115
 Кайсыновы 57, 87, 90, 91, 95
 Кайтуков Арсланбек51, 74, 75, 94, 95,
 96, 97, 98
 Калибековы 114
 Канжов Алегую (Алиджук) 102
 Кансау..... 84, 95
 Кантемир..... 74
 Каншов Георгий 89, 90, 91
 Каншов Константин91
 Каплан-Гирей-хан I93
 Каппушевы 82
 Карабаш46
 Карабашевы25, 46
 Карабугаевы..... 114
 Карамирза46
 Карацев Таймураз Сергеевич6
 Карача... 3, 4, 8, 10, 13, 18, 19, 22, 23,
 24, 28, 29, 33, 35, 39, 45, 46, 48, 49,
 50, 51, 53, 54, 59, 62, 63, 64, 65, 66,
 67, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78,
 79, 80, 82, 90, 91, 97, 98, 100, 101,
 103, 108, 109, 111, 112, 113, 114,

115, 118, 121, 122, 123, 124, 125,
127, 131, 138, 140, 142, 143, 150
Карача б. Аксак 75
Карача б. Урак 23
Карыулз 99
Кафаеци Хачатур 15
Кедрин 7
Келеметовы 48, 53, 104, 115, 121
Керима-хан 45, 105
Кетенчиевы 111
Кииков Гарифулла 64
Клапрот Генрих Юлиус.. 9, 10, 11, 12,
14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 26,
27, 29, 32, 34, 35, 36, 37, 44, 50, 51,
58, 59, 62, 65, 69, 78, 80, 81, 82, 93,
95, 97, 109, 118, 121, 123, 129, 130,
140
Ковалевский Максим Максимович 10,
12, 13, 20, 21, 29, 35, 36, 37, 38, 39,
40, 41, 42, 43, 44, 46, 70, 73, 84, 98,
108, 111, 116, 117, 141
Коджак 75
Коджаковы 25, 45
Койричак-хан б. Урус 56
Криштопа Александр Емельянович 6
Крымшамхалов Гиляхстан 46,
72, 74, 75, 77, 124
Крымшамхалов Ислам 24, 39,
45, 94, 95
Крымшамхалов Камгут 72, 73, 108
Крымшамхалов Кансит 73
Крымшамхалов Каншау 51, 72, 73, 74,
86, 87, 124
Крымшамхалов Эльбүздук 45, 72, 73,
74, 75
Крымшамхалова Кантина 73
Крымшамхаловы 4, 24, 45, 46, 53, 123
Кунчуков Алшагир 95, 123

Куун Геза 11
Кучуков Джанпулад (Джан) 114
Кучуков Мухаммед 106
Кучуковы 53, 115
Кучум 58
Куштелиани 116, 117
Куштелиани Капсог 116, 117
Кызылбек 69
Кырым-хан 58, 59
Кюнсулю 63, 68, 74

Л

Лавров Леонид Иванович 15, 67, 111
Ламберти Арканджело 7, 8, 75, 78
Лиевы 50, 51

М

Магометовы 45
Малкаровы 54
Малкаруков Актуган 45, 105,
106, 107, 109, 112, 114, 117
Малкаруков Али 119
Малкаруков Алимйрза 94, 97, 100,
103, 104, 105, 107, 108, 110, 111,
112, 114, 117
Малкаруков Ачахмед ... 109, 115, 119
Малкаруков Келмухаммед 106,
109, 110, 111, 112, 113, 114, 115,
119, 125
Малкаруковы 3, 53, 69, 109, 111, 112,
114, 115, 117
Мамай б. Муса 49, 58, 142
Мамашевы 39
Марр Николай Яковлевич. 14, 15, 16,
20, 141
Маршани 69
Менандр Протектор 22

Менгли-Гирей-хан I 130
Миллер Борис Всеволодович 13
Миллер Всеволод Федорович 10,
12, 13, 16, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28,
29, 32, 33, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42,
43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 55,
56, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 77,
79, 81, 95, 97, 98, 100, 101, 103,
104, 105, 106, 107, 108, 109, 110,
111, 112, 113, 114, 118, 119, 130,
141
Мильдиани 118
Мингпулад 54
Мирзабек 122, 123
Мисост 99
Мисостов Ислам 93, 94, 95
Мисостов Касай Хатокшукович 95
Мисостовы 94, 108
Михаил Федорович 86
Михаил Ярославович Тверской 16
Мукаев Байчокку 124
Мурад IV 73, 74
Мухаммед Аваби Акташи 58, 59
Мырзаевы 50
Мысака 21, 40, 54, 56, 130
Мысаковы 54, 56, 57, 60, 69, 121

Н

Науруз 48, 59, 64
Наурузы 48, 82
Ногмов Шора Бекмурзин 81

О

Османов Камгут 108

П

Паллас Петр Симон 9, 20, 21,
22, 118
Пётр Алексеевич I 94
Петров Григорий Степанович 79
Петрусеви́ч Николай
Григорьевич 12, 13, 25,
51, 62, 66, 71, 80, 100, 103, 110,
117, 123
Пишляр 88
Плещеев Григорий Семёнович 78
Поркшеян Христофор Акимович ... 15
Порошин Фёдор 91
Потёмкин Павел Сергеевич 9, 99
Потоцкий Ян 9

Р

Рахаев Джамал Якубович 6
Рачикау 103, 105, 110, 115, 119
Рачикауов Акмирза 50, 110,
114, 118
Рачикауов Гази 17, 23,
26, 28, 51, 67, 68, 69, 70, 73, 85, 95,
110, 125, 148
Рачикауов Кучук 114
Рачикауовы 3, 45, 48, 53,
103, 109, 110, 111, 112, 113, 114,
115, 116, 117, 118, 119, 124
Рейнеггс Якоб 9, 58, 59
Ричгвиани 115, 118
Ромодановский
Василий Петрович 74

С

Салих-Гирей 93
Сарайда 125

Сарсанов Баян	96
Сеадет-Гирей IV	93
Сев. А.	29
Семёнов Нану	58
Сефевиды.....	93
Сидамоновы	116
Сколты.....	99
Слоновы	48
Собаепшевы	102
Созаруко	86, 87
Спенсер Эдмунд	22
Сталин Иосиф Виссарионович.....	15
Субээтай	17
Султан-Ахмед-хан.....	45
Султан-Махмуд.....	45
Суншевы.....	23, 55, 57, 122
Сынты	64
Сыртланов.....	96
Сысоев Виталий Михайлович.....	13

Т

Таганов Дмитрий Васильевич (Казбулат).....	106, 107
Тазрит.....	84
Тазритов Айдабол ...	86, 87, 89, 90, 95
Тазритов Апиши	86, 87
Тазритов Бекмирза.....	45, 70, 72, 90, 95, 110
Тазритов Джанпулад (Жабо).....	90, 91, 92
Тазритов Кайсын	90, 91, 95, 124
Таймазовы	21, 56, 57
Таймас-бек.....	56
Талицкий Николай Евгеньевич	63, 67
Тамбиевы.....	51
Таукан.....	84

Темирбулатовы.....	45
Темиркановы	54
Темирпулад.....	46
Темрюк	78, 84
Тепцов Василий Яковлевич.....	24, 60, 66, 76
Тичинов	110, 111
Тлостанов Алкаш Шаулохович	126
Тлостанов Анфак Шаулохович	4, 53, 100, 101, 102, 103, 104, 126
Тлостанов Джантемрюко Шаулохович	126, 128
Тлостанов Захурбек Пиштович ...	126, 127, 128
Тлостанов Ибак Султанбекович ...	126
Тлостанов Ильдар Ибакович.....	126
Тлостанов Карача Шаулохович.....	54, 75, 125, 127
Тлостанов Килчуко Келмухаммедович	92
Тлостанов Пишта Тапсарукович	125
Тлостанов Тлостан Шаулохович	126
Тлостанов Шаулох Тапсарукович.....	125, 128
Тлостановы (Таусултановы) ...	4, 27, 54, 75, 80, 85, 86, 92, 121, 125, 126, 127, 128
Токтагу-хан б. Мункэ-Тимур.....	30
Толочанов Никифор Матвеевич	89, 90
Тохтамыш	57, 68
Тохтамышевы.....	85, 102
Тохтамыш-хан б. Туй-ходжа.....	57
Тохчуковы.....	51

Трамовы, князь Трамов 50, 51, 83
Трепавлов Вадим Винцерович 6
Тульчинский Николай Петрович .. 48,
74, 91, 100, 121
Тууду 114
Туудуевы 45, 115
Тучков Сергей Алексеевич 9

У

Узбек-хан б. Тогрул 31, 56
Узденовы 78
Урак б. Алчагир 58
Урлюк-тайша 75
Урусбиев Исмаил 24, 124
Урусбиев Мирзакул 55
Урусбиев Сафарали 124
Урусбиев Хамзат 62, 65
Урусбиев Чепелеу 24
Урусбиевы 55, 63, 122
Урусбий 23, 24
Урус-хан б. Бадык 56
Утемиш-хаджи 31, 143

Ф

Федор Иванович 85
Фиркович Авраам Самуилович .. 118,
124
Франк Бальтазар 8, 9, 119

Х

Хабиж (Хабим, Хабитин) 89
Хаджимуков Темтеч Тарханович 102
Хан-Гирей 124
Харузин
Николай Николаевич 21, 56
Хасан 51

Хасановы 51
Хатокшуков
Арсланбек Хатокшукович 108
Хатокшуков Кургоко 93, 109, 114
Хатокшуков
Мисост Мухаммедович 107
Хатокшуков
Мухаммед Кургокович 97
Хатокшуковы 94, 97, 101, 108
Хатуев Рашид Тохтарович 6
Хачиловы 44, 52
Хворостинин Андрей Иванович 70
Хубиев Акмирза 50, 110
Хубиев Темурко 50
Хубиев Темурчок 44
Хубиевы 50, 52
Хубий 49, 50
Хубутя 49
Хустосы 50

Ц

Царгасаты (Черкесидзе) 114, 116

Ч

Чеккуев Бекир 23, 63, 65, 66
Чеполов 89
Чергилов Захар Иванович 80
Черкасский Муцал Сунчалеевич
(Айдаров) 87
Чингиз-хан 55, 56, 57, 122
Чиплакова Нина Владимировна 6
Чобан-шамхал 45, 70
Чончалов 115
Чотанов Келмухаммед 114, 115

Ш

Шадибеки	49, 51, 82
Шакман	23
Шакманов Тамма	121, 124
Шакманов Хамза	121, 122, 128
Шакмановы.....	48, 53, 121
Шаханов Басият Абаевич (Борис Александрович)	101, 111, 112, 115, 117
Шаханов Хаджи-Ханмурза. 56, 84, 89	
Шахановы	45
Шахин-Гирей-калга	73, 76
Шахин-Гирей-хан.....	99
Швецов Василий Васильевич	11
Швецов Иван Васильевич.....	11
Шейх-Мансур.....	120
Шипшевы	50
Шишмарёв Артемий	75

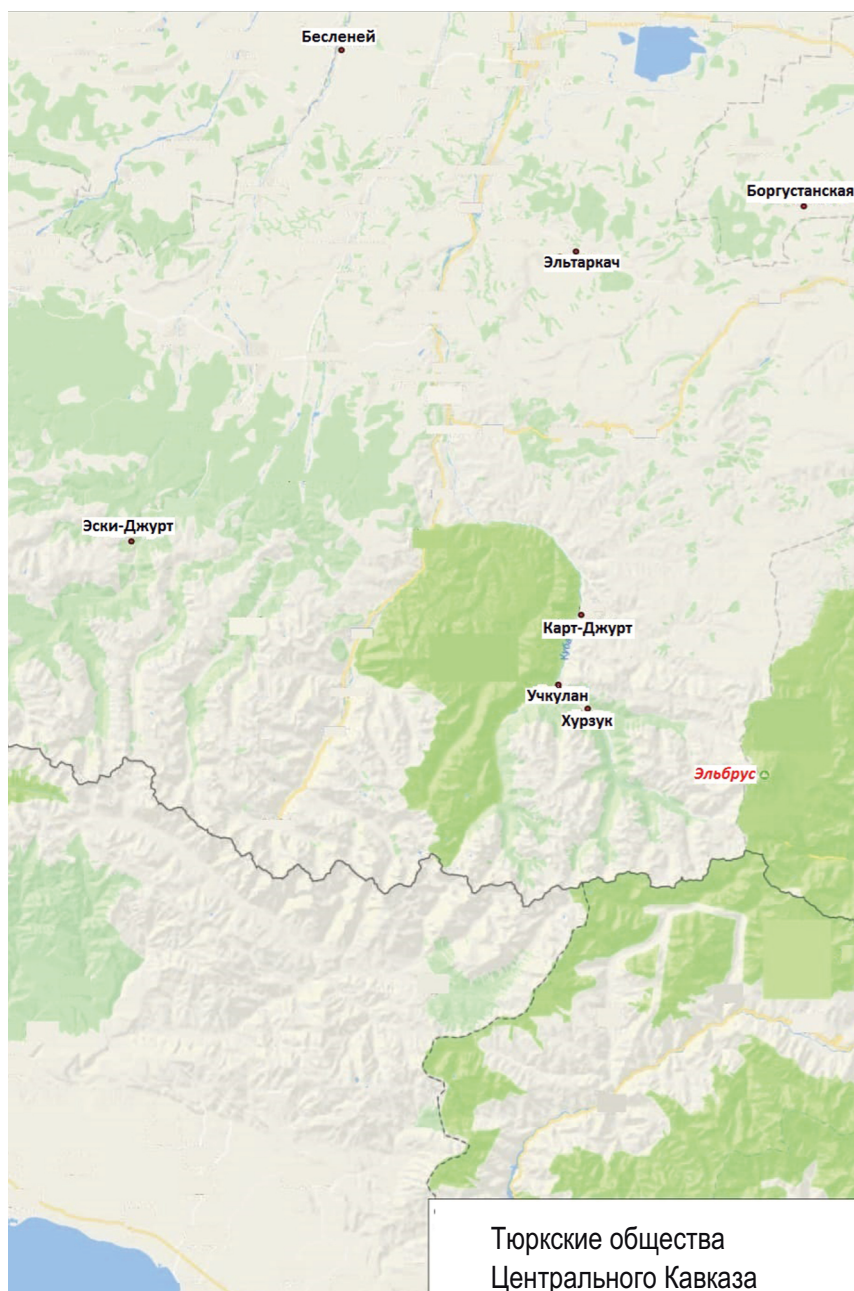
Шобер Готлиб	9
Штедер Людвиг.....	85, 99
Шухардт Хуго.....	14

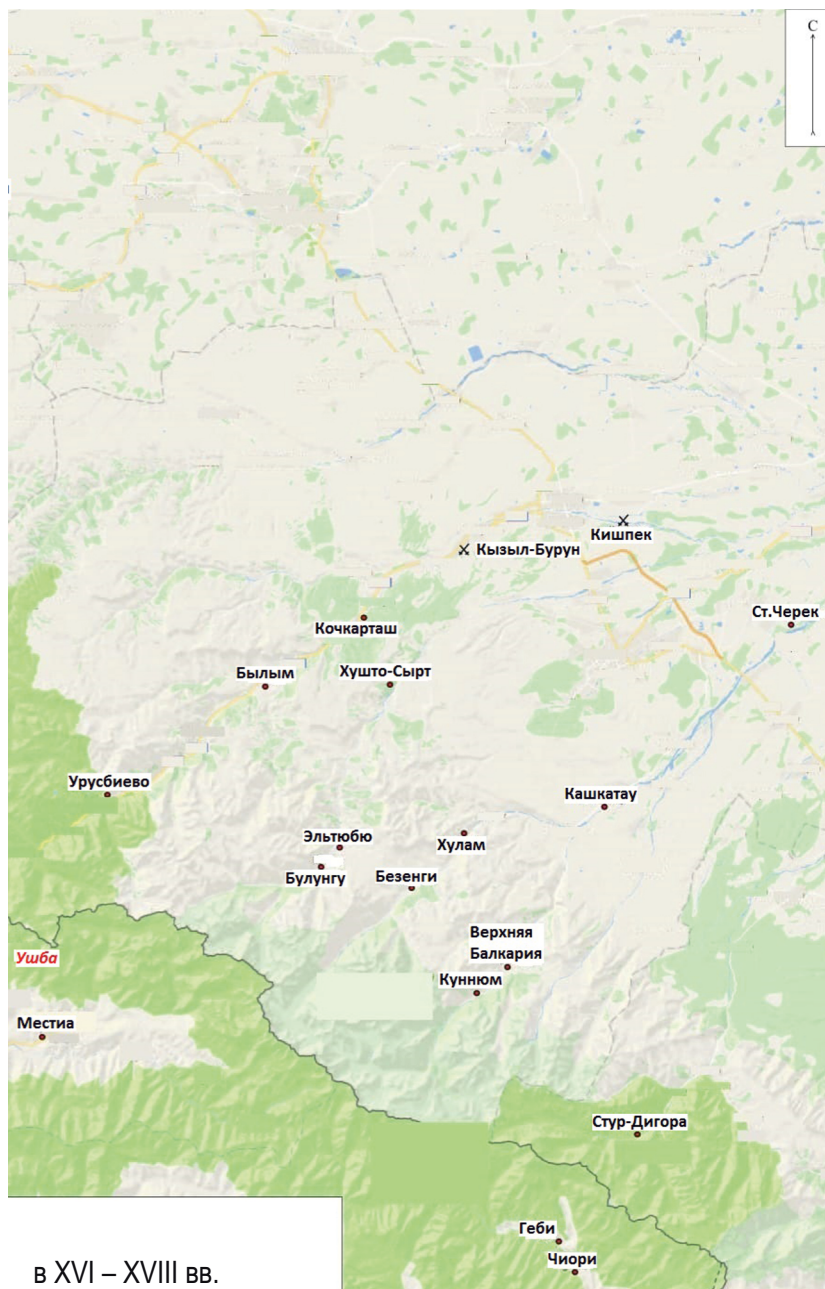
Э

Эвлия Челеби ...	25, 26, 27, 28, 73, 76, 102, 143
Эльбаев Билий	111
Эммануэль Георгий Арсеньевич.....	39
Эндрогов Джанмирза	114
Эристов Георгий Романович.....	119, 120
Эссеку	46
Эссекуевы	45

Я

Ялчыгулов Таджетдин	60
Ямгурчи-хан б. Бердибек	31

в XVI – XVIII вв.

Научное издание

Арсений Вячеславович ШУМКИН

**ТЮРКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА
в XVI–XVIII ВЕКАХ
(ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)**

В авторской редакции

Заказ № 1752. Сдано 08.04.2019. Подписано в печать 18.04.2019
Объем 9,5 п. л. Формат 60х84/16. Тираж 200 экз.

Отпечатано в Челябинском государственном институте культуры. Ризограф
454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а